

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

Москва

2021

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Отдел рецензий: А. В. Кухто

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2021

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

6
NOVEMBER — DECEMBER

Moscow

2021

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Review editor: Anton V. KUKHTO

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

А. HOLVOET. The notion of mood reexamined, against the background of modality	7
Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Анна А. Зализняк. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола <i>sollen</i> по данным параллельных корпусов . . .	22
И. В. МАКАРЧУК. К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив	40
М. Н. УСАЧЁВА, А. Л. ЛЕОНТЬЕВА. Базовые обозначения боли в бесермянском удмуртском	69
Е. В. УРЫСОН. О статусе грамматической категории вида в русском языке: взгляд лексикографа	99

Обзоры

Т. О. ШАВРИНА. О методах компьютерной лингвистики в оценке систем искусственного интеллекта	117
---	-----

Рецензии

Д. О. ЖОРНИК. [Рец. на:] F. Zúñiga, S. Kittilä. <i>Grammatical voice</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2019	139
L. FEJES. [Review of:] H. van der Hulst. <i>Asymmetries in vowel harmony. A representational account</i> . Oxford: Oxford University Press, 2018	150

Contents

Axel HOLVOET. The notion of mood reexamined, against the background of modality	7
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ, Anna A. ZALIZNIAK. On a specific type of necessity modality: The German verb <i>sollen</i> viewed from parallel corpora	22
Ilya V. MAKARCHUK. Towards a typology of derivations of verbal measure: Semelfactive and delimitative	40
Maria N. USACHEVA, Anna L. LEONTYEVA. Basic pain terms in Beserman Udmurt	69
Elena V. URYSON. On the status of verbal aspect in Russian: A lexicographer's view	99

Surveys

Tatiana O. SHAVRINA. Methods of computational linguistics in the evaluation of artificial intelligence systems	117
--	-----

Reviews

Daria O. ZHORNIK. [Review of:] F. Zúñiga, S. Kittilä. <i>Grammatical voice</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2019	139
László FEJES. [Review of:] H. van der Hulst. <i>Asymmetries in vowel harmony. A representational account</i> . Oxford: Oxford University Press, 2018	150

The notion of mood reexamined, against the background of modality

© 2021

Axel Holvoet

Vilnius University, Vilnius, Lithuania; axel.holvoet@flf.vu.lt

Abstract: Though mood and modality are usually mentioned in close conjunction, as one research domain, the notion of modality has recently become increasingly prominent at the expense of mood. Yet the notion of mood, mostly restricted to the realis-irrealis distinction, has not been discarded. In this article an attempt is made to understand the enduring viability of the notion of mood by looking at the features prototypically associated with it. These features are partly formal, as mood is mainly associated with inflectional exponence, but also partly semantic, as formations diverging from prototypically inflectional mood tend to be classified with mood to the extent that they reflect the more abstract semantic features associated with the realis-irrealis distinction. In the final part of the article the question of the relationship between mood and modality is once more addressed.

Keywords: irreality, modality, mood, verbal inflection

For citation: Holvoet A. The notion of mood reexamined, against the background of modality. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 7–21.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.7-21

Еще раз о наклонении — в сопоставлении с модальностью

Аксель Хольвут

Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва; axel.holvoet@flf.vu.lt

Аннотация: Хотя наклонение и модальность обычно упоминаются вместе, как одна исследовательская область, понятие модальности в последнее время выходит на первый план, вытесняя понятие наклонения. Однако термин «наклонение» по-прежнему употребляется, в основном по отношению к оппозиции «реалис — ирреалис». В данной статье делается попытка объяснить эту жизнеспособность понятия наклонения исходя из тех признаков, с которыми его обычно связывают. Это и формальные признаки — наклонение обычно понимается как словоизменительная категория, — и семантические — явления, не похожие на прототипическое словоизменение, будут относиться к наклонению скорее тогда, когда они связаны с выражением семантических признаков реалиса и ирреалиса. В заключительной части статьи вновь рассматривается вопрос о соотношении понятий наклонения и модальности.

Ключевые слова: ирреальность, модальность, наклонение, словоизменение глагола

Для цитирования: Holvoet A. The notion of mood reexamined, against the background of modality. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 7–21.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.7-21

1. Introduction

The notions of mood and modality are often mentioned in conjunction, but their relationship is usually not made explicit. Those bothering to ponder about it would perhaps agree with [Matthews 1997: 228] that “ideally, mood might be defined as a grammatical category in specific languages and modality as a notional category which subsumes it” (a similar formulation can be found in [Thieroff 2010: 2]; on mood as grammaticalized modality cf. also [Plungian 2011: 423]). But modality is often restricted to the meanings that can be associated with modal verbs, more specifically possibility and necessity (cf., e.g., [van der Auwera, Plungian 1998]), and the more is written on modality and mood, the clearer it becomes that the notions used in one domain generally fail to manifest themselves in the other. Typical instantiations of mood do not in general express meanings belonging to the domains of epistemic or dynamic modality (to use Palmer’s [1986; 2001] classification), nor is there a direct counterpart to the indicative-subjunctive (realis-irrealis) distinction in the domain covered by modal verbs (on this problem see also [Plungian 2011: 443–444, 448]). In the first edition of his book, Palmer [1986: 26–29] suggests that unqualified assertions could be viewed as unmarked within the ‘epistemic system’ and directives as unmarked within the ‘deontic system’, which would imply links from mood (indicative and imperative respectively) to types of modality. This is an important idea, but on the opening pages of the second edition [Palmer 2001], the topic is not mentioned again; instead, mood is immediately reduced to the realis-irrealis distinction, a subject that had in the meantime come to dominate discussions on mood (cf. several articles in [Bybee, Fleischmann (eds.) 1995; Bybee 1998; Elliott 2000] etc.; discussions have continued since, cf. the articles in [Lander et al. 2004; Mauri, Sansò 2012] as well as [Mauri, Sansò 2016]). Scholars have mostly been content, in more recent years, to discuss as mood what had traditionally been identified as mood, and to discuss modality where modal verbs were involved. Van der Auwera and Aguilar [2016: 27] note the increasing prominence of modality at the expense of ‘mood’ in the more recent history of Western linguistics, but retain, in line with current practice, the term ‘mood’ for realis-irrealis distinctions.

The emphasis on the realis-irrealis distinction in [Palmer 2001] is not a complete breach with previous practice, even though the formulation was new at the time. Traditionally, what is expressed by means of morphology (which is the principal formal feature of grammaticalization) has more chances to be described as mood than what is expressed by means of modal auxiliaries and the like, but grammars have never stuck to this rule of thumb consistently. On the one hand, constructions with modal auxiliaries are often described as mood, like the subjunctive with *würde(n)* in German. On the other hand, verbal forms with modal affixes that are integrated into the stem (rather than having dedicated endings) are often not described as moods; examples would be the potential forms of the Hungarian verb with the affix *-hat/-het-*, as in *beszélget-het-ünk* (talk-POT-1PL) ‘we can talk’, the Latvian debitive with the prefix *jā-*, as in *jā-gaida* ‘one must wait’ etc. That is, affixal formations tend to be identified as mood to the extent that they have something in common with the realis-irrealis distinction, and if constructions like German *würde brechen* are described as subjunctives, it is probably because of semantic similarity with inflectional irrealis forms like *bräche*. On a purely terminological level, van der Auwera and Schalley [2004] argue for using ‘irrealis’ as a cover term encompassing all such ‘marked moods’ as subjunctives, optatives and conditionals. This proposal is put forward partly for terminological convenience, but it also implies that, if a language has, say, both a ‘subjunctive’ and an ‘optative’ (like Classical Greek), these will be subtypes of the irrealis. If mood is reduced to the realis-irrealis distinction, there is no place left for the imperative (or imperatives-hortatives, as per [van der Auwera et al. 2004]). The inclusion of the imperative, with its conspicuous pragmatic (directive) function, in a mood paradigm inevitably destroys the notional coherence and homogeneity introduced by the binary realis-irrealis distinction (cross-linguistically, imperatives may be classified as either realis

or irrealis, cf. [Mithun 1995: 376–378]). For the sake of homogeneity, we could characterize the imperative as a kind of pragmatically specialized deontic marking, thus assigning it to modality rather than to mood.

Recent discussions leave us with the realis-irrealis distinction as the core of what we traditionally describe as mood, something that is irreducible to ‘modal affixes’. To what extent and in what sense is it irreducible? An interesting analogy could be drawn here with the notion of case as discussed in [Spencer 2008], where the question is raised in what type of situation the concept of case is notionally indispensable. As Spencer points out, a system of case marking like that of Hungarian, with case suffixes as in *ház-ban* ‘in the house’, *kert-ben* ‘in the garden’ etc. can be described as a system of fused postpositions. These case markers are not separate phonological words as they are subject to vowel harmony, but, like adpositions, they have a constant phonological substance which enables us to refer to *ház-ban*, *kert-ben* as ‘the form in *-ban/-ben-*’ rather than, say, ‘the inessive’. The notional necessity of operating with an abstract case feature arises when we are faced with allomorphy: in Latin *in diebus illis* ‘in those days’ the noun and the demonstrative pronoun contain no common marker but they can be identified as carrying the same abstract case feature in virtue of being able to occur in the same syntactic contexts. In a similar spirit, I will consider, in this article, in what kind of situations and for what kind of reasons the concept of mood can be considered notionally indispensable, or at least intuitively appealing, and try to explain the continued use of the notion in spite of the competition from that of modality and ‘modal affixes’. So, the article is largely about what people have been calling mood, and for what reasons; my aim is not to make ‘the case for mood’.¹

The structure of the article is determined by its point of departure, the parallel between mood and case. Starting out from allomorphy I will successively introduce other features which we could associate with ‘mood’ as an abstract feature rather than with ‘modality’ as a morpheme expressing some modal predicate. The emphasis will gradually shift from form to semantics, but the features discussed are not arranged in a particular hierarchical order.

2. Allomorphy

Let us start with the feature mentioned by [Spencer 2008]. The notion of mood originates in Greek grammar, and the way we traditionally imagine mood is inspired by Greek and Latin grammar. In Latin, in particular, it is possible to distinguish a small number of inflectional classes of the verb, and a subjunctive can be marked by means of different segments according to the conjugation: from *tegere* ‘cover’ the 1sg subjunctive would be *teg-a-m* but from *amāre* ‘love’ it would be *am-e-m*. We could not, therefore, refer to the subjunctive as, say, ‘the form in *-a/ā-*’. Instead, we have to define it on the basis of a syntactic context, which is implicit already in the Latin term *coniunctivus* or *subiunctivus*, which could be rendered as ‘subordinating mood’. In this sense, the subjunctive resembles a case as it is characterised by Spencer: an abstract feature identified on the basis of distribution.² The clearest instances of patterns of distribution enabling the identification of a case are probably situations of governed case, in which a governing head is seen as assigning a case feature to its dependent. This brings us to the notion of governed mood,

¹ The approach is therefore more similar to that offered by Keenan [1976], who is interested in the intuitions behind the large body of lore around subjecthood, than to that of canonical typology [Brown et al. (eds.) 2013].

² Interestingly, early Greek grammarians are said ([van der Auwera, Aguilar 2016: 13], citing Jean Lalot) to have considered mood to be for verbs what case is for nouns.

which I will discuss in Section 5. But before we move on to morphosyntax and semantics, more purely morphological features must be discussed.

3. Cumulative exponence

Allomorphy is frequently associated with cumulative exponence, e.g., in Latin *puer-o* and *puer-is* the case feature ‘dative’ is expressed by unrelated affixes because of the cumulation of case and number. This, however, is a problematic aspect of mood considered as a value in a system of grammatical correlations. In the opposition between Latin *dic-i-t* (‘says’, present indicative 3SG) and *dic-a-t* (‘should say’, present subjunctive 3SG) the vowel *-i-* is actually no more than the Indo-European thematic vowel (a mere historical relic without identifiable function) opposed to the subjunctive marker *-a-*, but the opposition presses it into service as an ‘indicative’ marker. In a language that has a subjunctive (irrealis) of any kind, even if this is a dedicated marker clearly distinct from the tense and person endings, it is theoretically possible to interpret all person and tense endings (including a thematic vowel or not) opposed in this way to a subjunctive (in virtue of lacking its marker) as incorporating also a mood morpheme ‘indicative’. Let us compare two forms from Lithuanian:

(1)	<i>neš-a-me</i>
carry-PRS-1PL
‘we carry’	Lithuanian
(2)	<i>neš-tu(mė)-me</i>
carry-IRR-1PL
‘we would carry’	Lithuanian

The view of grammar as a system of correlations forces us to analyse *-a-* as a marker of both tense and mood. It is always difficult to identify a dedicated segmental marker reflecting indicative mood, but this is in accordance with the structuralist notion of indicative as a zero mood, both formally and semantically unmarked and defined solely through its opposition to a marked subjunctive. An alternative and more obvious solution would be, in the absence of mood markers, to recognize that the so-called ‘indicative’ forms actually have no mood morpheme at all. The notion of an indicative (or, for that matter, realis) as a distinct mood reflects, of course, the definition of grammatical categories as “large form-classes which completely subdivide either the whole lexicon or some important form-class into form-classes of approximately equal size” [Bloomfield 1935: 270]. But it seems to fit most accurately a mood system of the Latin type in virtue of the apparent symmetry of a marking that may be seen as opposing ‘indicative’ and ‘subjunctive’ endings, whatever the historical processes behind this type of situation might be. A similar symmetry is observed in the system of pronominal prefixes in Caddo [Chafe 1995], which opposes series of realis and irrealis person markers:

(3)	<i>ci-yibahw-ʔaʔ</i>
1.AG.R-see-FUT
‘I will look at it.’	Caddo [Chafe 1995: 355]
(4)	<i>kíy-t’a-yibahw</i>
NEG-1.AG.IRR-see
‘I don’t see him.’	Caddo [Ibid.: 355]

While such symmetrical systems may be said to be eminently mood-like in virtue of imposing the notion of mood with reference to forms not containing any positive marker of mood,

oppositions said to involve mood are often asymmetrical. I will return to the descriptive implications of symmetry and asymmetry in mood systems in Section 6 below.

4. Periphrastic exponence

While, in virtue of the features discussed in Sections 2 and 3, mood is primarily understood as an abstract feature associated with verb forms but not necessarily having overt marking, extensions beyond this type of exponence have been envisaged. Thieroff [2010: 2] writes that “in a few languages (mainly the Slavic languages and Albanian), certain particles, mostly derived from modal verbs or other verbs, may contribute to a (morphological) mood category”. Apart from such particles (which will be mentioned further on), modal verbs themselves underlie constructions that have been classified with mood in the grammatical traditions of a number of languages, e.g., Germanic:

- (5) *ik zou komen* Dutch
 I would come.INF

Thieroff [2010: 11–14] raises the question of whether such forms are really moods. He is not concerned with exponency, however (the counterparts in the Romance languages, like French *viendrait*, are not synchronically periphrastic), but rather with the fact that these are actually tense forms expressing future in the past. As Thieroff points out, in many languages these forms combine future-in-the-past with counterfactual functions. This is a frequent development in constructions expressing future in the past: they can refer to events that, with hindsight, can be seen as either having occurred (*they were to meet again many years later*), or having failed to materialize (Latin *si tacuisset, tamen ego eram dicturus*, literally ‘I was about to tell you even if she had kept silent’, cited from Plautus in [Woodcock 1959: 156]). But in the hypothetical case of a language losing the future-in-the-past function and retaining only the irrealis (counterfactual) function, would we still hesitate to call it a mood?

As suggested above, the inclusion of such constructions into the paradigm of mood seems to be determined at least partly by meaning: the modal meaning of the auxiliary seems to be bleached, and the construction encodes just counterfactuality, which is a characteristic (though not the only) feature of irrealis moods (subjunctives, optatives). However, moods are basically defined as a formal category: the notion suggests the existences of alternative series of endings. We could therefore venture that the singling out of periphrastic moods in the Germanic languages indirectly also reflects the Greco-Latin system of mood oppositions: it suggests the ideal of a mood system of the Greco-Latin type, with a slot for an irrealis mood. The periphrastic moods then fill this slot, left empty through the absence of an inflectionally marked irrealis (in languages like English or Dutch); the frequent synonymous use of these periphrastic ‘moods’ and the actual subjunctive in German (*sie käme : sie würde kommen*) would also have been felt as an argument for inclusion in the mood system. But of course such alleged periphrastic moods are far from the ideal of mood as reflected in the Greco-Latin system: there is no such obvious notional necessity to invoke the category of mood here. To stick to the case parallel: modal verbs could also (apart from subordinators and complementizers) be compared to prepositions: prepositions and case forms together constitute a supercategory of role markers, and in a similar way we could define a supercategory of mood markers that could be either modal verbs or modal (mood) endings. This being granted, we will still (as we should do for case in Spencer’s proposal) reserve the notion of mood for situations with allomorphy and cumulative exponence.

Still, the constructions with modal verbs just discussed are unproblematic for the notion of mood in another respect: the Germanic modal verbs combine with infinitives, which are now no longer classified as a mood though they have been before. Constructions like (5) have therefore only one modal marker, the modal verb. The same could be said about the Slavonic subjunctive

(also called conditional), which is based on the so-called ‘*l*-form’, a morpheme³ deriving from a former participle which is not a member of the mood paradigm itself. The example in (6) is Polish; here the subjunctive marker is a Wackernagel clitic, and personal endings are added to it:

- (6) *Co by-ś zrobi-l-a?* Polish
 what.ACC IRR-2SG do-LFORM-F.SG
 ‘What would you (feminine singular) do?’

But there may also be descriptive problems with the particles Thieroff refers to. In Modern Eastern Armenian a debitive mood is distinguished, which is said to be built on the subjunctive [Drum-Tragut 2010: 503]: when preceded by the particle *piti*, the subjunctive is called debitive:

- (7) a. *kard-a-m* Modern Eastern Armenian
 read-SBJV-1SG
 ‘I (should) read’ (subjunctive)
- b. *piti kard-a-m*
 DEB read-SBJV-1SG
 ‘I must read’ (debitive)

A distributional analysis of this modal construction is probably required to establish how it can best be interpreted, but the idea of a periphrastic mood based on the subjunctive is not an obviously appealing solution. Similar solutions are, however, adopted that involve the indicative mood. In a number of Slavonic languages, for instance, hortative markers are used with 3rd person present (or future) forms to form a kind of periphrastic 3rd person imperative (though this treatment has been called into question in the grammatical literature of the languages concerned):

- (8) *pust’ pridët* Russian
 HORT come.FUT.3SG
 ‘let her/him come’

I have pointed out above that for reasons of notional homogeneity it is better to assign the imperative to modality than to mood, and *pust’* can therefore be treated as a phonologically autonomous marker of modality, the mood of the verb being indicative (or zero). A modal marker of this type can also become affixal, as in Lithuanian, where the hortative marker is phonologically autonomous (as *tegu*), or prefixed to the verb (as *te-*):

- (9) a. *tegu ateina* Lithuanian
 HORT come.PRS.3
- b. *te-ateina*
 HORT-come.PRS.3
 ‘let her/him come’

This *te-* could be characterized as a modal affix, which is preferable to describing *te-ateina* as imperative and indicative at the same time. An alternative would be to describe the form as an imperative (if one recognizes the imperative as a mood) while abandoning the notion of an indicative mood.

Periphrastic moods are obviously not prototypical moods. The motives for their introduction may be twofold: either they may be viewed as being governed in the same way as typical moods

³ Morphemic units and patterns are units and patterns that perform a function only within morphology itself and do not correlate with anything in semantics, syntax or phonology. The notion was introduced by [Aronoff 1994] to account for inflectional classes, but is also used for cases of systematic morphological identity without external motivation, such as that of the Slavic *l*-form underlying past-tense, future-tense and irrealis forms.

(see Section 5), or they may be viewed, in virtue of their meaning, as filling a slot occupied, in a prototypical mood system, by inflectional mood forms — basically as a result of the loss of an autonomous modal meaning (see Section 7).

5. Governed mood

A characteristic property of case is that of being governed by a preposition, a verb, an adjective or an adverb. The notion of governed case implies that a case form is used not in virtue of its inherent meaning but in virtue of the syntactic properties of a head which assigns it to its dependent. The difference between externally assigned case and intrinsically meaningful case is taken as a basis for a division into grammatical and contentful case in [Kuryłowicz 1949]. The use of mood in complementation provides a certain parallel for governed case. The notion of government is not frequently invoked in the context of mood, but Mel'čuk [2009: 19] applies it to complementizers requiring a particular mood form, similarly Plungian [2011: 155–156]. We could illustrate this 'government' with the example of Latin *ut*, which, in certain of its meanings, may be said to govern a subjunctive:

- (10) *dicam ut revertatur domum* Latin
 tell.FUT.1SG COMP return.SBJV.PRS.3SG home.ACC
 'I will tell him to return home.' (Terence, cited from [Woodcock 1959: 103])

But the relationship of government is often unclear. The subjunctive can by itself express a wish or command:

- (11) *cautus sis, mi Tiro* Latin
 careful.NOM.SG.M be.SBJV.PRS.3SG my.VOC.SG.M Tiro.VOC.SG
 'You must be careful, my dear Tiro.' (Cicero, cited from [Woodcock 1959: 85])

The situations leading up to a relationship of 'governed mood' would fall under the notion of what Bybee et al. [1994: 214–215] call 'harmonic' marking, a term they adopt from [Lyons 1977: 807]. The marking is harmonic in that the semantics of the complement-taking verb and the subjunctive concur to mark deontic modality. A next step in the rise of 'governed mood' is the extension of subjunctival marking to complements of predicators that do not express the same modal meaning as the mood form itself. Bybee et al. illustrate this with the example of English 'subordinating *should*'. In (12), *should* has its own deontic meaning; it still has this meaning in (13), though here it becomes redundant because *necessary* is, in a broader sense, a deontic predicate; in (14) *should* has a mere subordinating function, like the Latin subjunctive.

- (12) *He should drink less coffee.*
 (13) *It is necessary that he should drink less coffee.*
 (14) *It is strange that he should drink so much coffee.*

In Latin, the use of a semantically unmotivated subjunctive as a result of extension can be observed, e.g., in factive concessive clauses with *quamquam* 'although', where factivity would have us expect realis rather than irrealis:

- (15) *quamquam confideret virtuti,* Latin
 although trust.SBJV.PST.3SG valour.DAT.SG
 [*tamen exhortationes et preces miscebat.*]
 'Although he trusted their valour, [yet he mingled exhortations and entreaties.]'
 (Tacitus, cited from [Woodcock 1959: 203])

Such instances are therefore closer to the notion of governed mood. This notion is obviously important for that of mood in general, as one would not expect modal predicates to be governed, with the exception of modal predicates that have lost their autonomous meaning and are therefore candidates for the status of analytic mood marking; English *should* in (13) and (14) (a ‘post-modal’ use of a modal verb as per [van der Auwera, Plungian 1998]) is an instance of this. We could say that post-modal *should* is ‘governed’ by certain predicators, which makes it mood-like.

Discussions on the meaning of mood are reminiscent of those concerning meaning in cases. Linguists have insisted that case has an inherent sign function; the main authors to be mentioned here are [Jakobson 1936/1971] and those working in the tradition of cognitive grammar, cf. [Janda 1993]. Comrie’s [1981] view of the discriminatory function of case does not exactly fit in this dispute but could perhaps be restated, with hindsight, as a constructional interpretation where a case form marks a certain semantic-syntactic pattern rather than performing an autonomous function. In the domain of mood, an analogue could be seen in the discussions opposing linguists recognizing a unifying conceptual bases for irrealis (like [Elliott 2000]) and those who, like Bybee and her colleagues [Bybee et al. 1994; Bybee 1998], do not regard irrealis as a unitary category but as the heterogeneous and diachronically determined sum of a number of grammaticalization histories and a number of extensions, the alleged unifying concept being basically epiphenomenal. The discussion loses much of its relevance when one takes a constructional view of grammar, as this requires the problem of the meaning of grammatical forms to be rethought.

6. Markedness distinctions

As mentioned above, cumulative exponence potentially involving mood as one of the features often creates a situation of apparent symmetry between realis and irrealis forms, with alternative sets of endings, as can be shown for Classical Greek:

Table 1

Moods in Classical Greek (verb λύω ‘release’)

	Indicative	Subjunctive	Optative
1SG	<i>ly-ō</i>	<i>ly-ō</i>	<i>ly-oimi</i>
2SG	<i>ly-eis</i>	<i>ly-ēis</i>	<i>ly-ois</i>
3SG	<i>ly-ei</i>	<i>ly-ēi</i>	<i>ly-oi</i>
1PL	<i>ly-omen</i>	<i>ly-ōmen</i>	<i>ly-oimen</i>
2PL	<i>ly-ete</i>	<i>ly-ēte</i>	<i>ly-oite</i>
3PL	<i>ly-ousi</i>	<i>ly-ōsi</i>	<i>ly-oien</i>

A similar situation holds in Latin, and the Romance languages have inherited it. This symmetry might have been one of the grounds for the positing of an indicative mood in Greek grammar. True, according to [Wackernagel 1920/2009: 210], the Greek term for mood, *énklisis*, suggests that the indicative was originally not viewed as a mood, in the same way as the nominative was not viewed as a *ptōsis* or ‘case’. Wackernagel himself [Ibid.: 224] seems indeed to view the relationship as asymmetrical in the sense that the indicative can be viewed as ‘modally indifferent’, but in the same paragraph he considers ascribing the indicative a positive meaning as expressing actual states of affairs as against what is conceived as desirable or possible.

Indeed the state of affairs in Romance languages such as Spanish, which have retained a situation comparable to that of Greek and Latin, seems to have given rise to accounts of mood somehow assuming the subjunctive to be a default while the indicative is a marked option associated

with assertion. Among linguists of the functional school this approach is illustrated, for instance, in [Lunn 1989], who associates the indicative with assertion while the subjunctive is left for everything that for various reasons cannot or need not be asserted (either because it is contrary to fact or because it is presupposed) and is thereby opposed to the prototype of ‘assertability’. Similar accounts can be found in work in the tradition of formal semantics, cf. [Portner 1997; Marques 2009] etc. Of course, all these accounts are only based on use, not marking. The formal asymmetries mentioned above may simply be declared to be irrelevant from a synchronic point of view. But an account of the type discussed here is difficult to reconcile with the diachronic facts because historically there is mostly no indicative or realis marker the evolution of which we could follow (though exceptions are attested, cf. [Mauri, Sansò 2016: 189]). This situation could be illustrated from languages with an asymmetric mood system like that of Slavonic. Russian, for example, has a clearly identifiable irrealis marker *by*, combining with a morpheme that is historically a participle, and opposed to a system of tense forms where it would be difficult even to find a regular slot for realis marking:

Table 2

The mood opposition in Russian			
	Present	<i>ja čitaju</i>	‘I read / am reading’
‘Indicative’	Past	<i>ja čital</i>	‘I read (M)’
		<i>ja čitala</i>	‘I read (F)’
	Future	<i>ja budu čitat’</i>	‘I will read’
‘Subjunctive’		<i>ja čital by</i>	‘I would read (M)’
		<i>ja čitala by</i>	‘I would read (F)’

Looking at the Russian mood system from a diachronic point of view, the only thing to account for diachronically would be the grammaticalization of the subjunctive marker (it seems to have originated as a pluperfect auxiliary, see [Sitchinava 2004]). This account would have to involve one or more specific grammaticalization contexts and the processes of subsequent generalization leading to the rise of a mood form occurring in a great variety of contexts. On the side of the ‘indicative’, on the other hand, there would be nothing to account for in terms of grammaticalization. Of course it is possible to imagine irrealis markers conveying certain increasingly abstract meanings and evolving to the point where the markedness relation is reversed and the indicative comes to reflect a positive meaning while the subjunctive encodes whatever is left. Moreover, the type of diachronic evolution just characterized is not without exceptions. It is known that subjunctives can start out not only from positive marking but also as a secondary function of residual present-tense forms ousted from their original position by the rise of new derived forms; this was argued for the Indo-Arian and Greek subjunctive by Kuryłowicz [1964: 137–140], and more instances (like that of modern Armenian) are discussed in [Haspelmath 1998]. In this type of situation it would indeed make sense to claim that a new positive meaning associated with an ‘indicative’ form came into existence while the forms that were not swept along by this development became subjunctives. But there is a problem here in the sense that the new forms that ousted older forms and caused them to become subjunctives were not *per se* modal forms, being introduced basically to express aspect, not ‘indicative’.

7. Desemantization

As mentioned in Section 5, the question of whether a mood has a meaning or is just governed by a complementizer or subordinator is often undecidable. More importantly, as already

mentioned above, the view of grammatical meanings as being associated with formal markers endowed with an autonomous sign function is nowadays often replaced with a constructional view in which the morphological marker is only one component in a multi-layered form-meaning complex, so that one marker can function within a number of constructions each characterized by a constructional meaning of its own (the sign function being shifted from the grammatical form to the construction in which it occurs).

The constructional view of grammatical categories has potentially wide-reaching consequences for grammatical meaning. In a constructional view it becomes possible to describe grammatical markers as morphemes that become associated with grammatical meanings only within constructions, but for which there is little point in defining an autonomous meaning, especially in those cases where these meanings vary widely. As an example, we could cite the ‘reflexive’ markers of Romance, Germanic or Slavonic languages like French *se*, Italian *si*, German *sich*, Polish *się*, Russian *-sja* etc., which occur in a wide array of constructions ranging from properly reflexive or reciprocal to passive through anticausative, facilitative and occasionally anti-passive. Recognizing one basic function for these markers, e.g., the reflexive one, seems rather pointless, although the term ‘reflexive’ will usually be retained for partly historical reasons. The same applies to mood, though here no ‘original’ meaning is evident.

Apart from the formal machinery of morphological description, which may involve morphomic structure as a level of representation, the appeal of the notion of morpheme will depend on the functional homogeneity of the category under discussion. When a marker has one highly specific function, there is little motivation for describing it as a morpheme acquiring a function only within one specific construction; the Hungarian potential marker *-hat/-het-* would be an instance of this. When there is one marker and a plethora of widely different constructions, as in the case of the reflexive marker mentioned above, the notion of morpheme becomes more attractive. This certainly applies to a form with a highly abstract ‘meaning’ like the irrealis, but not necessarily to all forms with modal affixes. I would like to suggest here that if a modal marker is more morpheme-like, we will tend to describe it as mood.

There is a continuum between modal affixes with one specific function manifesting itself in one specific construction and morpheme-like moods appearing in many constructions. As an example of a mood that is functionally rather homogeneous and therefore not strongly morphomic we could cite the Hungarian subjunctive, sometimes also called imperative. As de Groot [2010: 562–563] states, it occurs (apart from the imperatival function) in complements of (directive) speech-act verbs (like ‘tell smb. to do smth.’), (adverbial) purpose clauses, complements of deontic verbs and complements of adjectives. Example (14) illustrates the purposive use, while (15) contains the evaluative adjective ‘important’, which is not strictly deontic or directive any more but inherits the subjunctive marking as it lays down a norm of behavior:

- (16) *Amikor elutazunk otthonról,* Hungarian
 when depart.PRS.1PL from_home
azért tesszük, hogy pihen-j-ünk.
 therefore do.PRS.OBJ.1PL that rest-SBJV-1PL
 ‘When we go on a journey away from home, we do it in order to relax.’
- (17) *A legfontosabb, hogy pihen-j-ünk, alud-j-ünk eleget!* Hungarian
 DEF most_important that rest-SBJV-1PL sleep-SBJV-1PL enough.ACC
 ‘The most important thing is that we should rest and sleep enough!’

Though restricted to a subset of irrealis functions, the Hungarian subjunctive is used in a number of constructions, in the same way as the more generalized irrealis of other languages. This makes it basically mood-like, but when we look at the meanings covered by the constructions, we see they are all in a broader sense deontic. For another irrealis meaning, that of counterfactivity, Hungarian has another mood, the conditional:

- (18) *Megmond-aná-nk az igazat, ha tud-ná-nk.* Hungarian
 tell-COND-1PL DEF true.ACC if know-COND-1PL
 ‘We would tell the truth if we could.’

In languages with one irrealis the same modal form covers constructions of both types, as shown by the Russian examples. For a correct understanding of the Russian material it should be noted that in complement clauses the Russian irrealis marker *by* (originally a Wackernagel clitic) fuses with the complementizer, so that irrealis marking could be said to be transferred to clause level. In the absence of prototypically mood-like features like allomorphy, cumulative exponence etc., as in Latin or Romance, the Russian irrealis marker is formally more reminiscent of a modal particle, but its meaning (if there is one) is quite abstract and general. Example (19) represents the counterfactual irrealis, while in (20) the irrealis is associated with desiderative/deontic (volition-based) modality:

- (19) *Kak by izmenilas’ moja žizn’,* Russian
 how IRR change.LFORM.F.SG my.NOM.SG.F life.NOM.SG
esli by ja rodilas’ mal’čikom?
 if IRR I be_born.LFORM.F.SG boy.INS.SG
 ‘How would my life be different if I had been born a boy?’
- (20) *Ja xoču, čto-by rosli moi prodaži,* Russian
 I.NOM want.PRS.1SG that-IRR grow.LFORM.PL my.NOM.PL sale.NOM.PL
a ne problemy.
 and not problem.NOM.PL
 ‘I want my sales and not my problems to increase.’

When a mood form becomes so general in its distribution, it cannot really be said to have a meaning any more. Many authors have argued for the notion of irrealis as a conceptual category, but this notion has also been criticized, most energetically by Bybee [1998]. The notion of irrealis might be said to go back partly to the Jakobsonian notion of general meaning, partly to the symbolic thesis of cognitive linguistics, although in the latter case meanings tend to be represented by means of network-like structures rather than general meanings. Irrealis as a type of conceptual content is probably epiphenomenal, a result of extension from more definable and verifiable meanings like ‘counterfactive’ or ‘deontic necessity’. It could be argued that the meaning of irrealis plays a role in the extension of irrealis form beyond the more specific domains of counterfactuality or desiderativity / deontic necessity; but in processes of extension more than one type of generalization may be involved. Holvoet [2020] distinguishes processes of extension along the dimension of irrealis and along that of temporal unanchoring. While the irrealis dimension of irrealis manifests itself in propositional clauses, its unanchoring function mainly applies to state-of-affairs clauses. The difference between these two types consists in that “propositions evoke concepts construed as having a (situational) referent, whereas S[tates] of[f] A[ffairs] evoke concepts not construed as having a referent” [Kehayov, Boye 2016: 812]. Counterfactuality, encoded by the Hungarian conditional in (18), involves the irrealis dimension, which applies to propositional (temporally and situationally unanchored) clauses. The meanings of deontic modality and purpose, encoded by the Hungarian imperative-subjunctive in (16)–(17), apply to temporally and situationally unanchored states of affairs (they could be said to operate on potential events rather than on propositions), so that the irrealis dimension of mood does not apply to them, and the irrealis marking can be viewed as reflecting unanchoring. In a language with one irrealis, illustrated by Russian in (19) and (20), one single set of forms is used in both types of situations, so that it is, in principle, possible to argue for an irrealis concept at a yet higher level of generalization. But the merger of two irrealis moods into one, attested in several languages (cf. the Latin subjunctive, which integrates original optative forms, or the ousting

of the optative by the subjunctive in Hellenistic Greek), need not involve conceptual unity, or a conceptual generalization: it may simply be motivated by language economy, a complex system of mood assignment being replaced with a simpler one. According to the view one takes, a very abstract irrealis meaning (comprising both factivity-related and unanchoring functions) or the lack of meaning (meanings being defined within individual constructions) could be regarded as a hallmark of mood.

8. Mood and modality

The question referred to at the start, that of the relationship between mood and modality, remains unanswered, and the research of the recent decades has not made an answer easier. On the contrary, making the definition of mood more precise and therefore restrictive, as, for instance, by confining it to the realis-irrealis distinction, leads to traditionally mood-related categories like the imperative being relegated to modality, which then becomes less precise. But apart from the problem of demarcation, there is that of what constitutes a common ground for mood and modality. The common conceptual basis in terms of reality status, or, in logical terms, of what can be asserted to be true, or possibly true, or necessarily true, is basically aprioristic. As such, it is a convenient basis for grouping together a number of linguistic phenomena. The linguistic facts do not necessarily bear out the assumption of a common domain with mood at the centre. If it were accurate, we would expect two parallel continua to exist, one from more concrete meanings in the domain of modality to highly abstract grammatical meanings in the domain of mood; and one from modal predicators or affixes to paradigmatic modal inflection. We would, that is, expect grammaticalization paths from modal predicates to mood. In actual fact, many paths to irrealis involve not mood but tense: the examples mentioned in this article include old presents ousted by new presents of progressive origin (the Greek and Indo-Iranian subjunctive, modern Armenian), pluperfects (Slavonic) and futures-in-the-past as sources for irrealis forms (the Romance conditional). And it is well known that past-tense forms often express counterfactivity. There is, admittedly, a path from 'want' and 'have to' to irrealis (*would come*, *viendrait* < *venire habebat*), but in European languages it arises from their use in futures-in-the-past, that is, in a tense construction. This shows that mood is firmly established in the TAME domain and interacts with tense. But what are its connections to modality?

At the very least, deontic modality could be said to constitute such a connection. As was noted in Section 1, the notional homogeneity of mood viewed as based on the realis-irrealis distinction requires the relegation of the imperative from mood to modality. Within the latter domain, it is deontic modality that is clearly related to imperatives-hortatives. Deontic modality feeds into irrealis mood through clausal complementation and subordination. This can clearly be seen in the Hungarian examples (14)–(15), where the imperative-subjunctive (also used in properly imperatival function) is used in purposive adverbial clauses, complements of desiderative verbs, with certain evaluative higher predicates etc. These are state-of-affairs clauses, to which the irrealis dimension of the irrealis (factivity-counterfactivity) is irrelevant and where irrealis basically reflects temporal and situational unanchoring. More generally, we could perhaps say that it is the domain of event modality [Palmer 2001: 70–85], subsuming deontic and dynamic modals referring to events that are not actualized but just potential, that interacts with the unanchoring dimension of irrealis, but it is mainly deontic modality (directivity) that provides the link.

Generalizing, then, we could say that mood is, in virtue of its dual nature, related to tense and the other categories of the TAME domain on the one hand and event modality (especially deontic modality) on the other, and is fed, through processes of grammaticalization, by both. The idea of a domain of modality with mood as its grammaticalized centre is therefore inaccurate: rather, mood is at the intersection of two domains.

9. Concluding remarks

It appears, thus, that prototypical mood is a formal-semantic hybrid: we could imagine it as an inflectional category opposing series of alternative endings, and highly desemantized (morpheme-like), capable of occurring in functionally highly divergent constructions. This semantic property is also important as there is a tendency to qualify forms not satisfying the formal features just mentioned (periphrastic moods) as mood on the basis of semantics. Thus the different features inducing the notional necessity of a category of mood as distinct from affixal modality markers do not necessarily converge. The Russian subjunctive shows no allomorphy whatsoever and has no alternative series of endings systematically opposed to ‘indicative’ endings. It could simply be referred to as ‘the form with *by*’ and has actually been referred to in this fashion. Yet it is mood-like in its generality of meaning and its occurrence in a wide range of constructions for which no common type of meaning beyond the makeshift ‘irrealis’ could be formulated. The opposite situation, in which a verb would have alternative series of endings for realis and irrealis and this irrealis would at the same time have a very specific meaning restricted to one specific construction, probably does not occur because such a situation can only be the outcome of a long diachronic process that would also involve generalizations and extensions, and therefore a highly abstract meaning as its final result. All this does not show the irrelevance of the type of marking for the notion of mood and for the way in which mood is described. The apparent symmetry of the Greco-Latin mood system probably underlies a certain hesitation as to the markedness relations, leading to descriptions not only with the indicative as the zero mood but also with the subjunctive as default mood in the absence of assertibility or a similar feature.

ABBREVIATIONS

ACC — accusative	IRR — irrealis
AG — agent	LFORM — the <i>l</i> -form in Slavonic languages
COMP — complementizer	M — masculine
COND — conditional	NEG — negation
DAT — dative	NOM — nominative
DEB — debitive	PL — plural
DEF — definite article	POT — potential
F — feminine	PRS — present tense
FUT — future tense	R — realis
HORT — hortative	SBJV — subjunctive
INF — infinitive	SG — singular
INS — instrumental	VOC — vocative

REFERENCES

- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by itself. Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Bloomfield 1935 — Bloomfield L. *Language*. London: Allen and Unwin, 1935.
- Brown et al. (eds.) 2013 — Brown D., Chumakina M., Corbett G. G. (eds.). *Canonical morphology and syntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Bybee 1998 — Bybee J. S. ‘Irrealis’ as a grammatical category. *Anthropological Linguistics*, 1998, 40(2): 257–271.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. S., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Bybee, Fleischmann (eds.) 1995 — Bybee J. S., Fleischmann S. (eds.). *Modality in grammar and discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1995.

- Chafe 1995. — Chafe W. The realis-irrealis distinction in Caddo, the Northern Iroquoian languages, and English. *Modality in grammar and discourse*. Bybee J. S., Fleischmann S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1995, 349–365.
- Comrie 1981 — Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Oxford: Blackwell, 1981.
- Drum-Tragut 2010 — Drum-Tragut J. Mood in Modern Eastern Armenian. *Mood in the languages of Europe*. Rothstein B., Thieroff R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2010, 493–507.
- de Groot 2010 — de Groot C. Mood in Hungarian. *Mood in the languages of Europe*. Rothstein B., Thieroff R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2010, 551–567.
- Elliott 2000 — Elliott J. Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalization of reality. *Linguistic Typology*, 2000, 4(1): 55–90.
- Haspelmath 1998 — Haspelmath M. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization. *Diachronica*, 1998, 15(1): 29–62.
- Holvoet 2020 — Holvoet A. The dual nature of irrealis in complementation. *Studies in Language*, 2020, 44(1): 166–191.
- Jakobson 1936/1971 — Jakobson R. O. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. *Selected writings*. Vol. II. *Word and language*. The Hague: Mouton, 1971, 23–71.
- Janda 1993 — Janda L. A. *A geography of case semantics. The Czech dative and the Russian instrumental*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1993.
- Keenan 1976 — Keenan E. L. Towards a universal definition of ‘subject’. *Subject and topic*. Li Ch. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 303–333.
- Kehayov, Boye 2016 — Kehayov P., Boye K. Complementizer semantics in European languages: Overview and generalizations. *Complementizer semantics in European languages*. Boye K., Kehayov P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2016, 809–878.
- Kuryłowicz 1949 — Kuryłowicz J. Le problème du classement des cas. *Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique*, 1949, 9: 20–43.
- Kuryłowicz 1964 — Kuryłowicz J. *The inflectional categories of Indo-European*. Heidelberg: Carl Winter, 1964.
- Lander et al. (eds.) 2004 — Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: *Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 2004. [Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmancieva A. Yu. (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in theory of grammar], No. 3: *Irrealis i irreal'nost'* [Irrealis and irreality]. Moscow: Gnozis, 2004.]
- Lunn 1989 — Lunn P. V. Spanish mood and the prototype of assertability. *Linguistics*, 1989, 27(4): 687–702.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. Vols. 1–2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977.
- Marques 2009 — Marques R. On the selection of mood in complement clauses. *Cross-linguistic semantics of tense, aspect, and modality*. Hogeweg L., de Hoop H., Malchukov A. L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 179–204.
- Mathews 1997 — Matthews P. H. *The concise Oxford dictionary of linguistics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.
- Mauri, Sansò (eds.) 2012 — Mauri C., Sansò A. (eds.). *Papers selected from the ‘What do languages encode when they encode reality status’ workshop at the 14th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Forlì, Italy, 17–20 September 2008*. = *Language Sciences*, 2012, 34(2), thematic issue.
- Mauri, Sansò 2016 — Mauri C., Sansò A. The linguistic marking of (ir)realis and subjunctive. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuys J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 166–195.
- Mel'čuk 2009. — Mel'čuk I. Dependency in natural language. *Dependency in linguistic description*. Mel'čuk I., Polguère A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 1–110.
- Mithun 1995 — Mithun M. On the relativity of irrealis. *Modality in grammar and discourse*. Bybee J. S., Fleischmann S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1995, 367–388.
- Palmer 1986 — Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and modality*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Plungian 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Portner 1997 — Portner P. The semantics of mood, complementation, and conversational force. *Natural Language Semantics*, 1997, 5: 167–212.

- Sitchinava 2004 — Сичинава Д. В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: *Ирреалис и ирреальность*. Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М.: Гнозис, 2004, 292–312. [Sitchinava D. V. On the problem of the origin of the Slavonic conditional. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 3: *Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmancieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2004, 292–312.]
- Spencer 2008 — Spencer A. Does Hungarian have a case system? *Case and grammatical relations. Studies in honor of Bernard Comrie*. Corbett G. G., Noonan M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 35–56.
- Thieroff 2010 — Thieroff R. Moods, moods, moods. *Mood in the languages of Europe*. Rothstein B., Thieroff R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2010, 1–29.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 2: 79–124.
- van der Auwera et al. 2004 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. A semantic map for imperatives-hortatives. *Contrastive analysis in language. Identifying linguistic units of comparison*. Willems D., Defrancq B., Coleman T., Noël D. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004, 44–66.
- van der Auwera, Schalley 2004 — van der Auwera J., Schalley E. From optative and subjunctive to irrealis. *Seduction, community, speech. A festschrift for Herman Parret*. Brisard F., Meeuwis M., Vandenaabeele B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2004, 87–96.
- van der Auwera, Aguilar 2016 — van der Auwera J., Zamorano Aguilar A. The history of modality and mood. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 9–27.
- Wackernagel 1920/2009 — Wackernagel J. *Vorlesungen über Syntax. Mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*. Erste Reihe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Woodcock 1959 — Woodcock E. C. *A new Latin syntax*. London: Methuen, 1959.

Получено / received 04.02.2021

Принято / accepted 21.09.2021

Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов

© 2021

Дмитрий Олегович Добровольский^{а, б, в, @}
Анна Андреевна Зализняк^{б, г}

^аИнститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; ^бИнститут языкознания РАН, Москва, Россия; ^вСтокгольмский университет, Стокгольм, Швеция; ^гИнститут проблем информатики ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия; dobrovolskij@gmail.com

Аннотация: В статье обосновывается тезис, что немецкий глагол *sollen* выражает особый тип модальности, занимающий промежуточное положение между необходимостью и возможностью, — **ослабленную онтологическую необходимость**. Модальность, выражаемая глаголом *sollen*, представляет собой соотнесение положения дел Р с некоторой логикой устройства мира (развития событий), не единственно возможной, но в каком-то отношении выделенной. Именно в этом состоит отличие данного типа модальности от «классической» необходимости, которая предполагает, что положение дел Р соответствует единственно возможной логике устройства мира. Исследование проведено на материале немецко-русского параллельного корпуса НКРЯ с применением «монофокусного» метода контрастивного анализа, согласно которому способ перевода анализируемой языковой единицы на другой язык используется в качестве инструмента ее семантического анализа.

Ключевые слова: возможность, долженствование, модальность, немецкий язык, необходимость, параллельные корпуса, перевод

Благодарности: Статья написана при частичной поддержке РФФИ, грант № 20-012-00166. Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам и редакторам ВЯ за указанные ими недостатки; они были исправлены в окончательной версии статьи.

Для цитирования: Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов. *Вопросы языкознания*, 2021, 6: 22–39.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.22-39

On a special type of necessity modality: The German verb *sollen* viewed from parallel corpora

Dmitrij O. Dobrovolskij^{а, б, в, @}
Anna A. Zalizniak^{б, д}

^аVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ^бInstitute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ^вStockholm University, Stockholm, Sweden; ^дInstitute of Informatics Problems of the Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences; dobrovolskij@gmail.com

Abstract: The article discusses the thesis that the German verb *sollen* expresses a special type of modality that occupies an intermediate position between necessity and possibility, i.e. the modality of **weak**

ontological necessity. The modality expressed by the verb *sollen* can be characterized as follows: *sollen* points to the correlation of the state of affairs P with a certain logic of development of events, not the only possible, but salient in some respect. This is the difference between this type of modality and “classical” necessity, which assumes that the state of affairs P corresponds to the only possible logic of the world. The study was conducted on the material of the German-Russian parallel subcorpus of the Russian National Corpus, using the “monofocal” method of contrastive analysis, according to which the way of translating the analyzed linguistic unit into another language is used as a tool for its semantic analysis.

Keywords: German, modality, necessity, obligation, parallel corpora, possibility, translation

Acknowledgements: The research was partially supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research, No. 20-012-00166.

For citation: Dobrovolskiĭ D. O., Zalizniak Anna A. On a special type of necessity modality: The German verb *sollen* viewed from parallel corpora. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 22–39.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.22-39

1. Предварительные замечания

Как отмечалось многими исследователями, глагол *sollen* выражает «ослабленное долженствование»¹. Эта «ослабленность» обычно демонстрируется на примерах деонтического значения: действительно, за некоторыми исключениями (см. ниже) *sollen* выражает менее «жесткое» (по сравнению с *müssen*) требование по отношению к действию другого лица (ср. *mein Bruder ist krank, er muss zu Hause bleiben* — мой брат болен, он должен оставаться дома: действительно должен, врач жестко требует, и *Sie sollen mit dem Rauchen aufhören* — вам следует бросить курить: хорошо бы, врач рекомендует) или менее определенное намерение по отношению к собственному действию (*ich soll noch aufräumen* — мне еще надо бы сделать уборку). Однако, как мы попытаемся показать, ослабленность долженствования в деонтическом значении — это косвенное проявление особого модального значения, выражаемого этим немецким глаголом, которое наиболее отчетливо обнаруживает себя в онтологической сфере. Грубо говоря, если (онтологическая) модальность не о б о ж д и м о с т и означает, что положение дел P соответствует **единственно возможной** логике развития событий (устройства мира), модальность в о з м о ж н о с т и — что среди возможных путей его развития **существует** такой, где имеет место P, то модальность, выражаемая немецким *sollen*, представляет собой соотнесение положения дел P с **некоторой** логикой устройства мира (развития событий), не единственно возможной, но в каком-то отношении выделенной.

В нашем исследовании мы в значительной степени опирались на данные параллельного немецко-русского корпуса. Известно, что корпуса параллельных текстов являются полезным инструментом в решении задач контрастивной лингвистики, то есть в описании особенностей функционирования единиц одного языка в сопоставлении с их аналогами (переводными эквивалентами) в других языках. Материал двуязычного корпуса оказывается весьма полезен также для решения задач двуязычной лексикографии. Однако данные параллельных корпусов могут использоваться и для собственно семантических исследований единиц одного из двух языков в паре «оригинал — перевод». Такой «монофокусный» подход (в [Зализняк 2015] он был назван «унидирекциональным») состоит в том, что сопоставление оригинального текста с его переводом используется как инструмент анализа

¹ Ср. [Öhlschläger 1989: 172; Duden-Grammatik 2005: 565; Hentschel, Weydt 2003: 80]. Ср. также понятие “weak obligation”, применяемое к англ. *should* в [Leech 1971: 95; Wierzbicka 1987: 35; Bybee et al. 1994: 186], а также к англ. *ought* в [M. Kaufmann, S. Kaufmann 2014: 546–547]. В статье [Matthewson, Truckenbrodt 2018] значение ослабленной необходимости (“weak necessity”) приписывается лишь форме конъюнктива глагола *sollen*; при этом самому глаголу *sollen* предлагается в качестве перевода англ. *to be supposed to* — в отличие от *müssen*, соответствующего англ. *must*.

интересующей нас единицы одного из сопоставляемых языков: перевод на другой язык рассматривается как своего рода толкование для анализируемой единицы языка оригинала — и наоборот, исследование «стимулов» появления той или иной языковой единицы в переводе может выявить неочевидные компоненты значения этой единицы. В статье [Добровольский, Зализняк 2020] этот метод был использован для выявления множества лексических единиц и конструкций русского языка, которые, в тех или иных контекстных условиях, оказываются способны передавать модальное значение, выраженное в немецком предложении модальным глаголом. В данном исследовании монофокусный метод контрастивного анализа применяется в обратном направлении: объектом нашего анализа является немецкий глагол *sollen*, а способы передачи выражаемого им модального значения на русский язык — его инструментом. В статье используются результаты, полученные в ходе построения базы данных конструкций с немецкими модальными глаголами и их русских переводных соответствий (см. [Добровольский, Зализняк 2018]). Отправной точкой нашего исследования послужил анализ большого по объему эмпирического материала — аутентичных примеров употребления глагола *sollen* и их переводов на русский язык из немецко-русского параллельного корпуса НКРЯ (составляющего на данный момент около 19 млн словоупотреблений). В статье применяется “usage-based” метод исследования модальных значений, развиваемый, в частности, в [Cappelle, Depraetere 2016] и ориентированный на положения грамматики конструкций.

Начнем с уточнения соотношения терминов «необходимость» и «долженствование». В логике различается три типа необходимости: логическая необходимость (= утверждение, отрицание которого логически невозможно, т. е. аналитическая истина); физическая, или онтологическая, необходимость (= соответствие законам природы) и нормативная необходимость, т. е. соответствие некоей норме (этической, социальной, конвенциональной). Логическая необходимость для языковой категории модальности вообще не актуальна. Онтологическая необходимость, состоящая в соответствии законам природы, предикатами долженствования также не выражается; если речь идет о реальном устройстве мира, используется просто предикат существования: мы говорим *У наука восемь ног*, а не *У наука должно быть восемь ног* (последнее предложение возможно лишь в контексте идентификации некоторого конкретного объекта, см. ниже). При этом некоторая ослабленная версия онтологической необходимости представляет собой одно из основных значений глагола *sollen*.

В работе [Падучева 2014] было введено понятие «практической необходимости»; это значение (представленное в примерах типа (1), (2)) возникает в целевом контексте, т. е. в том случае, когда модальный предикат вводит **необходимое условие** (которое не обязательно является достаточным) для реализации этой цели; другими словами, предикат долженствования здесь двухвалентен: чтобы было Q, должно быть P — или, что то же самое: P является необходимым условием для Q, ср.:

(1) Чтобы разжечь костер (Q), *нужны* (*нужно / надо / необходимо* иметь) спички (P).

(2) Чтобы выиграть в лотерею (Q), *необходимо* купить лотерейный билет (P).

Ср. также пример (3) из [van der Auwera, Plungian 1998] и (4) из [Bybee et al. 1994: 177]:

(3) Boris *needs* to sleep ten hours every night (P) for him to function properly (Q) (≅ Борис *должен* спать 10 часов в сутки, чтобы быть в форме).

(4) I *need* to hear a good loud alarm in the mornings (P) to wake up (Q) (≅ Мой будильник *должен* быть очень громким, чтобы я просыпался по утрам).

Частным случаем цели, обеспечивающей реализацию значения практической необходимости, может быть отнесение к классу некоторого конкретного объекта, ср. (пример из [Кобозева, Лауфер 1991]):

(5) Какая же это кружка? У кружки *должна* быть ручка.

Предложение (5) означает 'чтобы <отнести этот предмет к классу кружек> (Q), необходимо, чтобы <у него была ручка> (P)', т. е. наличие ручки является необходимым условием отнесения предмета к классу кружек. Ср. также:

(6) Это не паук; у паука *должно* быть восемь ног.

Обратим внимание на то, что все приведенные примеры представляют собой общие, т. е. атемпоральные, суждения, и это не случайно: указание на практическую необходимость — это утверждение о наличии каузальной связи между двумя ситуациями.

Без указания на цель, т. е. без ограничения сферы действия предиката необходимости, в ассертивных общих суждениях слово *должен* понимается в деонтическом значении (о высказываниях со снятой утвердительностью, в частности вопросительных, см. ниже). Так, если я, выбирая квартиру для летнего отдыха, говорю *В квартире должен быть балкон* это означает, что 'наличие в квартире балкона' (P) является необходимым условием для ситуации 'я арендую эту квартиру' (Q); т. е. здесь реализуется значение практической необходимости. Вне такого целевого прочтения данное высказывание просто отражает мои представления о прекрасном (ср. предложения типа *Настоящий мужчина должен быть могуч, вонюч и волосат*), и тогда это — деонтическое значение.

Иными словами, при наличии цели любой тип необходимости превращается в практическую. Так, фраза *Ты должен ему помочь* вне контекста отсылает к «моральному долгу», т. е. соотносится с деонтической необходимостью, но в целевом контексте (*чтобы впоследствии ты мог рассчитывать на его помощь, чтобы не испытывать угрызений совести*, или с любой другой целью) приобретает значение практической необходимости. Значение практической необходимости в немецком языке обычно выражается глаголом *müssen*, ср.: *Чтобы утром проснуться, я должен поставить два будильника — Um morgens aufzuwachen, muss ich zwei Wecker stellen*. В дальнейшем изложении этот тип модальности мы не рассматриваем.

Деонтическая необходимость, или долженствование, представлена широким спектром вариантов: это может быть соответствие этической, социальной, конвенциональной и т. д. норме, предписывающей определенное поведение (ср. список типов возможных «обязывающих» обстоятельств в [Кобозева, Лауфер 1991]), или чьей-то воле.

Итак, мы будем различать следующие языковые значения: **онтологическую** необходимость (которая в русском языке предикатами долженствования обычно не выражается), **практическую** необходимость, которая может быть различной природы и выражается в русском языке предикатами *должен, нужно, надо, необходимо, следует* и некоторыми другими) и **деонтическую** необходимость, или долженствование, выражаемое в русском языке еще более широким классом единиц, включающим, помимо модальных слов, предикаты волеизъявления, с одной стороны, и разного типа единицы с потенциально модальным значением (см. [Добровольский, Зализняк 2020]), с другой.

Предикаты поля необходимости могут выражать также модальность другого типа — так называемую «внешнюю» (или «participant-external», по [van der Auwera, Plungian 1998]) модальность, отражающую не отношение субъекта действия к этому действию, а отношение говорящего ко всей пропозиции — **эпистемическую** (= обозначение степени уверенности говорящего в истинности утверждения) и **эвиденциальную** (= отсылка к источнику информации).

Основные типы значения немецкого глагола *sollen* — это деонтическая необходимость, или долженствование, эвиденциальная модальность (репортатив) и **ослабленная онтологическая необходимость**. Специально отметим, что эти «типы значения» глагола *sollen* не являются «значениями» в лексикографическом смысле: это скорее семантические характеристики, или признаки, которые в реальном употреблении могут совмещаться.

Деонтическое значение предполагает наличие воли субъекта, способного осуществить «должную» линию поведения. Причем этот субъект модальной установки может как

совпадать, так и не совпадать с субъектом действия. Заметим, что примеры второго типа встречаются в корпусе чаще, что во многом объясняет традиционную точку зрения на значение глагола *sollen* как указание на необходимость по воле другого лица. Ср. (7)²:

(7) „Orpheus hat Magenschmerzen, murmelte Farid, ohne sie anzusehen.“ „**Du sollst** ihm einen Tee aufbrühen“ [Cornelia Funke. Tintentod (2007)].

— У Орфея живот болит, — пробормотал Фарид. — **Завари** для него чаю, пожалуйста [Корнелия Функе. Чернильная смерть (М. М. Сокольская (2012))].

Деонтическое должествование, выражаемое *sollen*, является ослабленным; это свойство может утрачиваться, как минимум, в двух типах высказываний: содержащих отрицание (ср. (8)) и таких, где значение побуждения усиливается какими-то дополнительными средствами — частицами *ja*³ и *doch* или эксплицитными отсылками к тому, что данное высказывание нужно интерпретировать как приказ, типа *sage ich dir!*; *wenn ich dir sage* и т. п.; ср. (9):

(8) Aber du **sollst nicht** in der Stadt *bleiben*. [E. M. Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben (1954)]

Но тебе **нельзя** *оставаться* в городе. [Эрих Мария Ремарк. Время жить и время умирать (Н. Каринцева и В. Станевич, 1956)]

(9) „Wenn ich dir sage, **du sollst absteigen**, steigst du ab“ [Erich Kästner. Emil und die Detektive (1929)].

— Раз я **велел** тебе *сойти*, значит, сходи [Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971)].

Особенности употребления глагола *sollen* в деонтическом значении и специфика его русских соответствий рассматриваются в работе [Добровольский, Зализняк 2021].

Относительно немецкого глагола *sollen* принято считать, что собственно **эпистемического** значения он не имеет (см., например, [Horvath 2013; Vanderbiesen 2018]). Действительно, фраза *Es soll ein guter Film sein* (пример из [van der Auwera, Plungian 1998: 85]) означает ‘Говорят, что это хороший фильм’ — а не ‘Это, должно быть, хороший фильм’ (этот смысл выражается с помощью глагола *müssen*), т. е. *sollen* здесь выражает **эвиденциальное** значение — репортажив, или “hearsay evidentials” [Плунгян 2011: 464].

При помощи эвиденциального *sollen* говорящий снимает с себя ответственность за достоверность сообщаемой информации; главный фокус таких употреблений состоит именно в указании на то, что у говорящего нет прямого доступа к информации и что он опирается на информацию, поступившую от других людей [Horvath 2013: 152]. При этом эвиденциальное значение глагола *sollen* может включать «эпистемический оттенок» (“epistemic overtone”), см. [Diewald 1999: 17, 278–283; Socka 2013: 163; Wiemer 2018], поскольку, передавая чужое высказывание о некотором факте при помощи глагола *sollen*, говорящий одновременно выражает свою эпистемическую оценку этого факта как, вероятно, имеющего место.

Таким образом, в значении «внешней» модальности, присущий глаголу *sollen* признак «ослабленности» переносится из дескриптивной области в коммуникативную (снятие

² Здесь и далее п/ж курсивом выделен глагол *sollen*, светлым курсивом — подчиненные ему элементы конструкции; аналогичным образом размечены функционально эквивалентные фрагменты текста перевода. В случаях, когда обсуждается не сам глагол, а та конструкция, в которую он входит, вся конструкция выделяется п/ж курсивом.

³ Ср. одно из значений частицы *ja* в готовящемся к печати «Немецко-русском словаре актуальной лексики» [Добровольский (в печати)]: «5. (*несёт фразовое ударение*) смотри (у меня) (*с императивом*); только, (только) ни в коем случае (*с отрицанием*); zieh dich ja warm an! смотри, оденься потеплее!; erzähle ja nichts weiter! смотри (только), никому не рассказывай!».

с себя ответственности за истинность сообщаемого) и/или эпистемическую (неполная уверенность). Эта группа значений составляет предмет отдельного исследования и в данной статье рассматриваться не будет.

В разделе 2 мы рассмотрим значение ослабленной онтологической необходимости, наиболее ярко демонстрирующее тот особый тип модальности, который составляет главный предмет настоящей статьи.

В разделе 3 обсуждается феномен «пустого» *sollen*, т. е. случаи, когда в русском переводе модальный смысл, выражаемый глаголом *sollen*, никак не передан, но при этом перевод в целом является вполне адекватным (заметим, что «пустым» *sollen* оказывается именно в своем ослабленном онтологическом значении). Сопоставление оригинала с переводом в таких случаях позволяет выявить этот утраченный смысл, который и составляет специфику модального значения, выражаемого немецким глаголом *sollen*.

2. Ослабленная онтологическая необходимость

Итак, главная особенность глагола *sollen* состоит в том, что он может выражать значение **ослабленной онтологической необходимости**: это особый тип модального значения, указывающий на соответствие некоторой логике вещей, не единственно возможной, но в каком-то отношении выделенной.

Этот тип модального значения реализуется, прежде всего, в том случае, когда ситуация, обозначенная инфинитивом, не содержит агентивного (контролирующего) субъекта; в этом случае *sollen* отсылает непосредственно к представлению говорящего об устройстве некоторого фрагмента мира. На некоторую выделенную линию развития событий может указывать, в частности, безличная конструкция *es sollte... geben*; так, в (10) и (11) говорится: по косвенным данным и на основании знаний о логике устройства мира я считаю, что X должен существовать. В русском переводе, за неимением лучшего, используется слово *должен*, ср.:

- (10) „*Es sollte* trotzdem ein Buch *geben*, in dem sämtliche Schlüssel zu den Rätseln der anderen Welt stehen, nicht nur einige“, schoß es mir durch den Kopf [Gustav Meyrink. Der Golem (1914)].

«*Должна* же *быть* еще книга, в которой не несколько ключей, а все ключи к загадкам иного мира», — пронеслось у меня в голове [Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922)].

- (11) Aber man konnte nicht so leben; es gab ein Morgen, wenigstens für ihn, auch trotz seines Berufes; *es sollte* eines *geben* [E. M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge (1961)].

Но ведь так жить нельзя, завтра есть, *должно быть*, по крайней мере для него, даже при его профессии [Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет (М. Л. Рудницкий, 2018)].

Наиболее типично появление онтологического *sollen* в контексте снятой утвердительности (по [Падучева 2018]) — прежде всего, в вопросе; при этом в русском переводе здесь обычно используется глагол *мочь*; ср.:

- (12) „Ach, du gerechter Strohsack“, meinte Pünktchen. „Das fehlte gerade noch. Weiß er denn nicht, daß deine Mutter krank ist und daß du kochen und Geld verdienen muß?“ „Woher *soll* er denn das *wissen*?“, fragte Anton neugierig. „Von dir natürlich“, erklärte Pünktchen [Erich Kästner. Pünktchen und Anton (1931)].

— Боже ты мой! — воскликнула Кнопка. — Только этого еще не хватало! Он не знает, что твоя мама больна и тебе приходится и готовить, и деньги зарабатывать? — Откуда

он *может* это *знать*? — удивился Антон. — От тебя, ясное дело, — пожала плечами Кнопка [Эрих Кестнер. Кнопка и Антон (Е. Вильмонт, 2001)].

Особенно характерно употребление *sollen* в риторическом вопросе [Mortelmans 2002: 411], например:

(13) *Sollte* ich dich allein *ins Verderben rennen lassen*? [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1953)].

Разве я *мог* тебя одного *оставить в беде*? [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1990)].

Появление в русском переводе глагола *мочь* в этих случаях объясняется тем, что существование «некоторой логики развития событий» в контекстах снятой утвердительно-сти подвергается сомнению или отрицанию — что сближает значение, выражаемое *sollen*, с модальностью возможности⁴. В предложениях типа *Sollte ich dich allein ins Verderben rennen lassen*? глагол *sollen* не выражает «морального долга», пусть и ослабленного — это в чистом виде отсылка к некоторой объективной «линии развития событий» (включающую ситуацию ‘я оставил тебя в беде’), про которую, за счет конструкции риторического вопроса, утверждается, что она не существует. Во всех таких случаях в немецком оригинале фактически сказано: «Существует ли такая логика развития событий, согласно которой [это может иметь место]?»; конструкция риторического вопроса имплицитно отрицательный ответ: «нет такой логики». Ср. также (14):

(14) Wie hättest du Versenkung, wie hättest du Anhalten des Atems, wie *hättest* du Unempfindsamkeit gegen Hunger und Schmerz dort bei jenen Elenden *lernen sollen*? [Hermann Hesse. Siddhartha (1922)]⁵.

Каким образом ты *мог бы* у таких жалких созданий *научиться* самопогружению, задерживанию дыхания, нечувствительности к голоду и боли? [Герман Гессе. Сиддхартха (Б. Д. Прозоровская, 1990)].

Пример (15) интересен тем, что этот вопрос имеет «мягкое» риторическое значение: говорящий не утверждает обратное, а лишь выражает предположение, что данное положение дел, скорее всего, не имеет места.

(15) *Sollen* sie einen Menschen wie mich vielleicht frei umherlaufen *lassen*? [Gustav Meyrink. Der Golem (1914)].

Могут ли они *позволить* такому человеку, как я, разгуливать на свободе? [Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922)].

В утвердительном предложении глагол *sollen* может также указывать на наличие, с точки зрения субъекта, некоторой объективной каузальной цепочки, связывающей два обстоятельства. Наиболее ясно этот тип представлен в примерах с анафорическим *es*. В этом случае в русском переводе это значение может передаваться словом *должен* (ср. (16)) или какими-то иными средствами (ср. (17)).

(16) Ihr Orchideenkostüm hatte die Wirkung getan, die *es sollte* [Lion Feuchtwanger. Erfolg (1930)].

Ее костюм орхидеи произвел именно тот эффект, который *должен* был произвести [Лион Фейхтвангер. Успех (В. Вальдман, 1935)].

⁴ На это в несколько ином контексте указывается и в [M. Kaufmann, S. Kaufmann 2014: 540]: “Also, the German modal verb *sollen* ‘should’, which is usually taken to express necessity, has sometimes been argued to have possibility readings as well”.

⁵ Когда глагол *sollen* стоит в конъюнктиве, в высказывание привносится дополнительное значение гипотетичности.

- (17) „Und wie dumm, dass du außerhalb der Familie über deine Absonderlichkeiten sprichst“, setzte Charlotte hinzu. Das war wieder einmal so ein typischer Charlotte-Seitenhieb. **Es sollte** mich *kränken* und das tat es leider auch [Kerstin Gier. Rubinrot (2009)].
— Ну и глупо же ты поступаешь, если рассказываешь про свои странные способности каждому встречному, — продолжала Шарлотта. Это был один из ее типичных ударов ниже пояса. Он был *рассчитан на то, чтобы задеть* меня. И задел [Керстин Гир. Рубиновая книга (С. Вольштейн, 2012)].

В примере (18) безличной конструкции *es sollte* соответствует в переводе глагол *выбирать*: выбирая, человек решает, какой вариант «правильный». То, что в немецкой фразе употреблено *sollen*, а не *wollen*, говорит о соотношении производимого выбора с этой «некоторой логикой»:

- (18) **Es sollte** Rattengift sein. Sie schrieb später: für zweibeinige Ratten [Alfred Döblin. Die beiden Freundinnen und ihr Giftmord (1924)].
Она *выбрала* крысиный яд. Яд для двуногих крыс, как написала она позднее [Альфред Дёблин. Подруги-отравительницы (С. Панков, 2006)].

При обозначении будущих событий глаголу *sollen* в русском переводе соответствует глагол *предстоять*, в явной форме фиксирующий выделенный, среди других возможных, путь развития событий. Это может быть в том числе «будущее в прошедшем» (как в (20)).

- (19) „Das Haus, dem ich *einen Besuch abstatten soll*, liegt am Campo Santa Margherita“, sagte er [Cornelia Funke. Herr der Diebe (2002)].
— Дом, куда мне *предстоит* *нанести визит*, расположен на Кампо Санта-Маргарита, — объявил он [Корнелия Функе. Король воров (М. Л. Рудницкий, 2004)].
- (20) Mit einer Art von Erstaunen sah ich mich die Manieren der Knabenzeit ablegen und erwartete mit dunkler Vorfreude die Studentenzeit. Ich **sollte** in Zürich studieren, und für den Fall besonderer Leistungen hatten meine Gönner die Möglichkeit einer Studienreise erwähnt [Hermann Hesse. Peter Camenzind (1904)].
Со странным чувством, похожим на удивление, замечал я в те дни, вчуже, как покидают меня прежние мальчишечьи манеры и ширится в груди смутная радость предвкушения студенчества. Учиться мне *предстояло* в Цюрихе, в случае же особых успехов я, по словам моих покровителей, мог рассчитывать на учебный курс за границей [Герман Гессе. Петер Каменцинд (Р. Эйвадис, 1995)].

Соответствие «некоторой логике развития событий», выражаемое глаголом *sollen*, может передаваться формой настоящего времени в значении «запланированного будущего», ср.:

- (21) Ich habe eine Verabredung mit Maria. Ich **soll** sie von ihrem Fotografen *abholen* [E. M. Remarque. Das gelobte Land (1965–1970)].
Я сегодня встречаюсь с Марией. *Забираю* ее после съемок у одного фотографа [Эрих Мария Ремарк. Обетованная земля (Д. Трубочанинов, В. Позняк, 2007)].

Ослабленность онтологической необходимости в принципе может подавляться. Так, в примере (22) идея необходимости усиливается частицами *ja* и *doch* (ср. выше), а также словом *schließlich* — ср. русский перевод *чему быть, того не миновать*⁶:

⁶ Ср. [Milan 1995: 154] о том, что *sollen* часто появляется в контекстах, где что-то происходит как бы по воле судьбы.

- (22) Sie stellte noch mehrere Betrachtungen an in dieser Nacht, sagte hie und da noch einmal: „Schließlich **soll** es ja doch so sein“, und schlummerte dann fünf Stunden lang sanft und tief [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)].

В эту ночь она высказала еще немало подобных соображений, время от времени восклицая: «В конце концов — *чему быть, того не миновать!*» И потом забылась на пять часов глубоким и мирным сном [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)].

Онтологическое значение *sollen* может реализоваться в форме «инференциального» варианта: ‘из наличия факта А следует наличие факта В’. В этом случае имеет место как бы обращение причинно-следственной связи: В является причиной наступления А; тем самым, наличие факта А является основанием для вывода о наличии факта В⁷. Ср. переводной эквивалент *значит* в (23) и раздел 3.1 о регулярном опущении эквивалента для *sollen* в контексте глагола ‘означать’:

- (23) Mochte es sich damit verhalten, wie es wollte, so stand sein Entschluß, in dieser Sache auch nicht das Glied eines Fingers zu regen, fester als jemals. Man **sollte** sich verrechnet haben! [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)].

Как бы там ни было, а его решение и пальцем не шевельнуть в пользу зятя теперь еще более утвердилось. Да, *значит* он *ошибся!* [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)].

Интересный случай употребления *sollen*, демонстрирующий одновременную реализацию инференциального и эвиденциального (репортативного) значений, представлен следующим примером:

- (24) Olga **sollte** nicht gut genug sein? Ihr Gesicht nicht schön genug? (Bernhard Schlink. Olga. Zürich: Diogenes Verlag, 2018, S. 38).

Приведем русский перевод этой фразы с указанием предшествующего фрагмента текста (в квадратных скобках):

- (25) [У нее славянские черты лица, верно? А имя? Ольга Ранке! Это же славянское имя? И почему она так важно держится со мной? Как будто она мне ровня! Должна бы радоваться, что ее учат благородным манерам и показывают, как надо одеваться. Герберт почувствовал обиду.] **Это Ольга-то недостаточно хороша? Лицом не вышла?** (Бернхард Шлинк. Ольга. Пер. Г. В. Снежинской. М., 2018. <https://www.litres.ru/bernhard-shlink/olga/chitat-onlayn/page-2/>).

Глагол *sollen* в примере (24) указывает на то, что дескрипция, выраженная подчиненным инфинитивом (*nicht gut genug sein*), — это вывод, заключение из сказанного кем-то ранее (ср. фрагмент текста в квадратных скобках в примере (25)). Смысл несогласия с этим выводом имплицирован здесь конструкцией риторического вопроса. Немецкая фраза (24) могла бы быть переведена также с использованием ксенопоказателя *видите ли* (ср. [Левонтина 2020]): *Ольга, видите ли, для них недостаточно хороша.*

Другой аналогичный пример:

- (26) Ich habe ja nicht im entferntesten daran gedacht, Sie oder irgend jemand zu kränken. Sie kennen mich doch schon lange genug, Herr K., um davon überzeugt sein zu können. Sie wissen gar nicht, wie ich die letzten Tage gelitten habe! **Ich sollte** meine Mieter verleunden! [Franz Kafka. Der Prozess (1914)].

У меня и в мыслях не было обидеть вас или еще кого-нибудь. Ведь вы меня так давно знаете, господин К., вы мне должны поверить. Вы не можете себе представить, как

⁷ В словаре [Добровольский (в печати)] этот тип употребления выделяется в отдельное значение и характеризуется как «употребление в интерпретативном контексте». Высказывание типа *das soll B sein* означает, что говорящий интерпретирует некий факт А, о котором шла речь или который известен из знания ситуации, как В.

я страдала все эти дни! *Heuzulei я способна оговорить своих квартирантов!* [Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)].

В (26) говорящий отрицает обидное для него предположение, т. е. это явно чужое мнение, против которого говорящий эмфатически возражает⁸.

3. «Пустое» *sollen* как инструмент семантического анализа

Как показывает анализ корпусных данных, в значительной части случаев глагол *sollen* остается без перевода, и при этом общий смысл немецкого предложения оказывается передан вполне адекватно. Такие случаи мы условно обозначили как феномен «пустого» *sollen*. Условно — поскольку «пустым» этот глагол является только с точки зрения русского языка: в немецком предложении он выражает вполне определенный модальный смысл, и именно сопоставление оригинала с переводом, в котором этот смысл утрачен, позволяет его выявить.

Перечислим основные типы контекстов, в которых употребление глагола *sollen* оказывается в указанном выше смысле «пустым».

3.1. Контекст глагола ‘означать’

При переводе предложений с *sollen* перед глаголами *bedeuten* и *heißen* модальный глагол регулярно опускается (ср. примеры (27), (28), (31)), поскольку *sollen* в данном случае дублирует отсылку к причинно-следственной связи между фактами А и В, выражаемую этими глаголами. Так, известная фраза из стихотворения Гейне «Лорелея» *Ich weiß nicht was soll es bedeuten, dass ich so traurig bin*⁹ (ср. в переводе Блока *Не знаю, что значит такое, что скорбью я смущен*) — это фактически вопрос «Каков тот факт В, следствием которого является наблюдаемый факт А (= моя грусть)?» (или: «Почему имеет место факт А?») — ср. пример (29), в котором в переводе этой фразы использовано слово *отчего*, а также (30), где эквивалентом для *was es bedeuten sollte* является слово *почему*). Смысловая потеря при этом минимальна, поскольку приблизительно то же значение уже содержится в глаголе ‘означать’.

- (27) Das *soll heißen*, daß der dort ein gemeiner Kerl ist und daß ich ihn verachte [Hermann Hesse. Peter Camenzind (1904)].
Это *значит*, что вон тот — подлец и что я его презираю [Герман Гессе. Петер Каменцинд (Р. Эйвадис, 1995)].

⁸ Ср. значение «иронической интерпретации» у русского *оказывается*, описанное в [Падучева 2018: 253] на примере из «Дома на набережной» Ю. Трифонова: *И тут она понесла такой немалым вниманием всегда осматривает их квартиру, на кухне его интересовали холодильник под окном и дверь грузового лифта. Последнее предложение можно было бы перевести на немецкий с использованием глагола *sollen*.*

⁹ Эта фраза стала настолько общеупотребительной, что воспринимается сегодня как однозначная отсылка к соответствующему мотиву; ср. работу [Mieder 2021], посвященную исследованию мотива Лорелеи в немецкой культуре, которая называется «Was soll es bedeuten». Ср. также пример (29), в котором эта известная цитата переосмысливается иронически.

- (28) „Was *soll* denn das alles *bedeuten*?“, fragte die Frau [Erich Kästner. Pünktchen und Anton (1931)].
— Что это все *означает*? — осведомилась она [Эрих Кестнер. Кнопка и Антон (Е. Вильмонт, 2001)].
- (29) ...Wenn der Deutsche lustig ist, so singt er ganz gewiß: „Ich weiß nicht, was *soll* es *bedeuten*, daß ich so traurig bin“ [Karl May. Satan und Ischariot (1892)].
...когда немец весел, он, известное дело, поет: «Я не знаю, *отчего* это мне так грустно» [Карл Май. Сатана и Искарриот (А. Г. Москвин, Л. Костюкова, 1996)].
- (30) So beschäftigt war Baldini mit seiner inneren Empörung und seinem Ekel vor der Zeit, dass er nicht recht begriff, *was es bedeuten sollte*, als Grenouille plötzlich sämtliche Flakons verstöpselte [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)].
Бальдини был так занят своим возмущением и отвращением к эпохе безвременья, что не сразу сообразил, *почему* Гренуй вдруг заткнул все флаконы [Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы (Э. Венгерова, 1992)].

Фраза с элементами *soll bedeuten* или *soll heißen* — это обычно вопрос, прямой или косвенный (ср. выше об употреблении онтологического *sollen* в вопросительном предложении). В качестве факта В, связанного с наблюдаемым фактом А, может выступать «скрытый смысл» (импликатура, “invited inference”) чужого высказывания, ср.:

- (31) Was *sollte* diese alberne Anspielung überhaupt *bedeuten*? [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr (1963)].
И что вообще *означает* этот дурацкий намек? [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (Е. Закс и Н. Ман, 1964)].
- (32) «*Soll das heißen*, dass ich mich bisher unmenschlich verhalten habe?» [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)].
— *Вы хотите сказать*, что я отнеслась к вам бесчеловечно? [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л. Б. Черная, 1964)].

Заметим, что в подобных контекстах *sollen* регулярно появляется в переводах с русского, например:

- (33) Родька! *Что это значит*? Говори всю правду! [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].
Rodjka! *Was soll das bedeuten*? Sag die Wahrheit! [Fjodor Dostojewski. Verbrechen und Strafe (Alexander Eliasberg, 1924)].
- (34) «*Что же это такое?*» — думал я с ощущением щемящей душевной боли, тем более странной, что Авдиев казался мне теперь еще менее симпатичным [В. Г. Короленко. История моего современника (1918)].
„*Was soll denn das alles bedeuten?*“, dachte ich bei mir, mit einem stechenden Schmerz in der Seele, der um so unbegreiflicher war, als mir ja Awdjew jetzt nur noch unsympathischer erschien [Wladimir Galaktionowich Korolenko. Die Geschichte meines Zeitgenossen (Rosa Luxemburg, 1919)].

В рамках этого типа употребления встречаются примеры с опущением зависимого инфинитива *bedeuten* или *heißen*. Это явление характерно для спонтанной разговорной речи. Такие эллиптические высказывания представляют собой идиоматизированные выражения, близкие к фраземам, и регулярно переводятся на русский язык с опущением модального глагола: *что это значит?*, *что это означает?* (ср. (35)) — или конструкцией *что за...?*, как в (36).

- (35) *Was soll das?* [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)].
Что это означает? [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л. Б. Черная, 1964)].
- (36) *Was soll der Unsinn, Ilse?* [Friedrich Dürrenmatt. Justiz (1985)].
Ильза! Что это за бред? [Фридрих Дюрренматт. Правосудие (С. Фридлянд, 1988)].

3.2. Контекст условия¹⁰

а) условное придаточное:

- (37) *Wenn sie mit Züpfner Kinder haben sollte*, könnte sie ihnen weder Anoraks anziehen noch flottgeschnittene, helle Regenmäntel [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)].
Если у нее будут дети от Цюпфнера, она не сможет надевать на них ни спортивные куртки, ни светлые элегантные плащи [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л. Б. Черная, 1964)].

б) конструкция с инверсией *sollen* в значении условия:

- (38) ...und *sollten Sie vermeinen*, daß ich mich angesichts Ihres Schweigens kontentiert und still verhalten werde, so irren Sie gröblichst [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)].
 ...и *если вы решили*, что вашего молчания достаточно, чтобы заставить и меня замолчать, то вы жесточайшим образом ошибаетесь [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)].

в) после слова ‘случай’:

- (39) Als Beppo den Schuppen endlich erreicht hatte und mit der Faust gegen die Tür hämmerte, hielt Gigi sich zunächst mucksmäuschenstill, *für den Fall, dass es sich um die Autoteildiebe handeln sollte* [Michael Ende. Momo (1973)].
 Беппо добрался до гаража и забарабанил кулаком в дверь: Джиги сперва затих, как мышка, *думая, что это лопяты воры* (букв. ‘...на тот случай, что это воры’) [Михаэль Энде. Момо (Ю. И. Коринец, 1982)].

3.3. Контекст «незнания»

а) вопросительное предложение без вопросительного слова:

- (40) Es war halb sieben Uhr, und die Zeiger gingen ruhig vorwärts, es war sogar halb vorüber, es näherte sich schon dreiviertel. *Sollte der Wecker nicht geläutet haben?* [Franz Kafka. Die Verwandlung (1912)].
 Было половина седьмого, и стрелки спокойно двигались дальше, было даже больше половины, без малого уже три четверти. *Неужели будильник не звонил?* [Франц Кафка. Превращение (С. Апт, 1964)].

б) вопрос с вопросительным словом или придаточное косвенного вопроса:

- (41) Zwar blieb unklar, *welchen materiellen Zweck die Morde haben sollten* und ob sie einen solchen überhaupt besaßen [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)].
 Правда, оставалось неясным, *какую материальную цель преследуют эти убийства* и вообще есть ли у них цель [Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы (Э. Венгерова, 1992)].

¹⁰ Контекст условия, как и рассматриваемые ниже контекст «незнания» (3.3) и контекст описания ситуации, отнесенной к будущему (3.4), относятся к области снятой утвердительности, ср. раздел 2.

- (42) „Verdammt“, sagte ich, „was soll das?“ Ich dachte an das Händchenhalten. Marie wurde rot und sagte: (a) „*Warum sollte er mir keine Blumen schicken?*“ — „Die Frage muß anders lauten“, sagte ich: (b) „*Warum sollte er dir Blumen schicken?*“ — „Wir kennen uns schon lange“, sagte sie, „und vielleicht verehrt er mich“ [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)].

— Черт бы его подрал, — сказал я, — Что это значит? — Я вспомнил, как они шли, держась за руки. Мария покраснела и сказала: — (a) *Почему бы ему не послать мне цветы?* — Ты должна ставить вопрос иначе, — сказал я, — (b) *почему, собственно, он послал тебе цветы?* — Мы старые друзья, — сказала она, — может быть, он мой поклонник [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л. Б. Черная, 1964)]¹¹.

Перевод фрагмента (b) примера (42) не содержит никакого модального элемента, что вполне обоснованно. Русская фраза *Почему послал?* — это вопрос о причине имевшего места факта, а *Почему должен был послать?* — об источнике деонтической необходимости для субъекта совершить данное действие. Немецкое предложение *Warum sollte er dir Blumen schicken?* выражает первое значение, отличаясь от русского *Почему он послал тебе цветы?* лишь отсылкой к некоторой объективной логике вещей, которая по-русски в контексте обсуждения событий, относящихся к прошлому, никак не может быть передана. Именно это обстоятельство заставило переводчика опустить модальный глагол.

По той же причине (речь идет об имеющих место фактах) в русском переводе невозможно употребление модального глагола в следующих примерах:

- (43) Kein Mensch konnte es fassen, dass der windige, kleine, geduckte Mann dort oben am Fenster, dieses Würstchen, dieses armselige Häuflein, *dieses Nichts, über zwei Dutzend Morde begangen haben sollte* [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)].

Никто не мог постичь, что этот хилый маленький, согбенный человек, стоявший там, в окне, что этот червячок, эта горстка праха, *это ничтожество совершило две дюжины убийств* [Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы (Э. Венгерова, 1992)].

- (44) ...wenigstens kann ich mir nicht denken, daß *der Pelz, von dem du damals sprachst, dein einziger Wunsch gewesen sein sollte* [Theodor Fontane. Effi Briest (1894–1895)].

Знаешь, я никак не могу поверить, что *шуба*, о которой ты мне тогда сказала, *была единственным твоим желанием* [Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)].

в) придаточное, подчиненное предикату ‘не знать’:

- (45) „Gewiß“, sagte der Aufseher, „aber ich *weiß nicht, welchen Sinn das haben sollte*, es müßte denn sein, daß Sie irgendeine private Angelegenheit mit ihm zu besprechen haben“ [Franz Kafka. Der Prozess (1914)].

— Конечно, — ответил инспектор, — но *я не знаю, какой в этом смысл*, разве что вам надо переговорить с ним по личному делу [Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)].

- (46) Daß ich *nicht wußte*, wie ich damit *fertigwerden sollte* [Christa Wolf. Cassandra (1983)].

Что *я не знаю*, как мне *справиться* с этим [Криста Вольф. Кассандра (Э. И. Львова, 1988)].

¹¹ Индексы (a) и (b) введены нами для удобства анализа. Способы передачи *sollen* в конструкции риторического вопроса (ср. фрагмент (a)) мы здесь не обсуждаем, так как они составляют предмет отдельного исследования.

3.4. Контекст описания ситуации, отнесенной к будущему

Как известно, форма будущего времени обычно конструируется языком из других средств, в том числе с использованием модального глагола, ср. формы будущего времени в романских языках из лат. *habeo* + inf., англ. *shall* (этимологически — тот же глагол, что нем. *sollen*) + inf. или *will* + inf; т. е. значение будущего времени частично пересекается с категорией модальности (см. об этом, в частности, [Стойнова 2018]); тем самым случаи, когда конструкция с *sollen* переводится формой будущего времени смыслового глагола, относятся к категории «пустого» *sollen* не в полной мере. Тем не менее при переводе конструкции с *sollen* глаголом будущего времени содержащийся в *sollen* смысловой компонент соответствия некоторой логике развития событий утрачивается; ср.:

- (47) „Ich muß hier bleiben.“ „Hat man Sie inzwischen beschäftigt?“ „Ich habe Kleider probiert. Und ich **soll** im nächsten Film eine kleine Rolle *bekommen*“ [E. M. Remarque. Schatten im Paradies (1965–1970)].
— Я должна остаться. — Вы делали хоть что-нибудь за это время? — Я примеряла костюмы. А в следующем фильме *получу* небольшую роль [Эрих Мария Ремарк. Тени в раю (Л. Б. Черная, В. Котелкин, 1971)].
- (48) Was **soll** aus dir *werden*, wenn du so fortfährst? [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)].
Что из тебя *получится*, если и дальше так пойдет? [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)].

В примере (49) форма претерита *sollte* обозначает «будущее в прошедшем»:

- (49) Emmenberger holte draußen vom Brunnen Wasser, mit einer seltsamen Hast, als wüßte er, was nun *geschehen sollte* [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1951–1952)].
Эменбергер, как будто зная, что *произойдет*, торопливо принес из колодца воду [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)].

3.5. Общее или оценочное суждение

Русский перевод отличается от оригинала отсутствием смыслового компонента ‘потому что так должно быть’; ср.:

- (50) *Don Quijotes sollen wir wohl alle sein*, wenn wir nur ein wenig das Herz auf dem rechten Fleck haben und ein Körnchen Verstand unter der Schädeldecke [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1953)].
Мы все Дон-Кихоты, если у нас честное сердце и под черепной коробкой крупица разума [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1990)].
- (51) Ich denke mir, dass damit etwas wie *Tugendhaftigkeit ausgedrückt werden soll* [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)].
Таким способом, по-моему, *утверждается* так называемая *добродетель* [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л. Б. Черная, 1964)].

В примере (52) высказывается некоторое предположение (*wie... wenn*, достаточно точно переданное русским *что если*), но содержащийся в оригинале смысл ‘потому что это соответствует некоторой логике вещей’ в переводе оказывается утрачен.

- (52) *Wie aber, wenn jetzt alle Ruhe, aller Wohlstand, alle Zufriedenheit ein Ende mit Schrecken nehmen sollte?* [Franz Kafka. Die Verwandlung (1912)].
А что, если этому покою, благополучию, довольству *пришел теперь ужасный конец?* [Франц Кафка. Превращение (С. Апт, 1964)].

3.6. Намеренное действие

а) формирование намерения: человек размышляет, как *лучше* поступить; глагол *sollen* соотносит выбор решения с неким представлением о «хорошем» / «правильном») ¹².

- (53) *Nun kam gewiß bis zum Morgen niemand mehr zu Gregor herein; er hatte also eine lange Zeit, um ungestört zu überlegen, wie er sein Leben jetzt neu ordnen sollte* [Franz Kafka. Die Verwandlung (1912)].
Теперь, конечно, до утра к Грегору никто не войдет, значит, у него было достаточно времени, чтобы без помех *поразмыслить, как ему перестроить свою жизнь* [Франц Кафка. Превращение (С. Апт, 1964)].
- (54) *Die Turmuhr schlug manchmal, aber Momo hörte es kaum. Nur sehr langsam kehrte die Wärme in ihre erstarrten Glieder zurück. Sie fühlte sich wie gelähmt und konnte keinen Entschluss fassen. Sollte sie nach Hause gehen ins alte Amphitheater und sich schlafen legen?* [Michael Ende. Momo (1973)].
Порой на башне били часы, но Момо их едва слышала. Тепло медленно возвращалось к ней. Она чувствовала себя парализованной и не могла принять решения. *Вернуться в старый амфитеатр и лечь спать?* [Михаэль Энде. Момо (Ю. И. Коринец, 1982)].

б) придаточное цели:

- (55) *...er wendete sich ab, damit ich sein Gesicht nicht sehen sollte* [Gustav Meyrink. Der Golem (1914)].
...тут он отвернулся, *чтоб я не видел его лица* [Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922)].
- (56) *Stella summte leise, es war eine Melodie, die ich nicht kannte, sie summte sie für sich, wie absichtslos, jedenfalls nicht, damit ich sie hören sollte* [Siegfried Lenz. Schweigeminute (2008)].
Стелла тихонько мурлыкала, это была незнакомая мелодия, она напевала ее для себя, без всякого умысла, во всяком случае не для того, *чтобы я ее слушал* [Зигфрид Ленц. Минута молчания (Г. Косарик, 2011)].

Итак, глагол *sollen* оказывается «пустым» с точки зрения русского языка в тех случаях, когда он выражает «в чистом виде» отсылку к некоторой логике развития событий, которая средствами русского языка не может быть передана. Другими словами, феномен «пустого» *sollen* состоит в том, что вместо того чтобы просто сказать, что нечто имело, имеет или будет иметь место, говорится, что нечто имело, имеет или будет иметь место, *потому что так должно быть*, — где *должно* имеет специфическое значение ослабленной онтологической необходимости, представляющей собой соответствие некоей логике устройства мира, которая не является в строгом смысле необходимой, т. е. единственно возможной, но является с какой-то точки зрения выделенной.

В контексте глагола с семантикой ‘означать’ *sollen* не переводится, потому что *означать* и его синонимы уже сами по себе выражают идею отсылки к причинно-следственной

¹² Ср. использование семантического примитива ‘bad’ в одной из строчек толкования англ. *should*, предложенного А. Вежбицкой: ‘if X doesn’t do it it will be bad’ [Wierzbicka 1987: 35].

связи, а глагол *sollen* в немецком оригинале практически дублирует этот смысл. Во всех остальных рассмотренных выше случаях смысл, передаваемый глаголом *sollen*, оказывается в переводе утраченным — поскольку средствами русского языка он либо вообще не может быть передан, либо практически обычно не передается. Иногда вставка модального глагола в русском переводе исказила бы смысл оригинала (ср. комментариев к примеру (42)). Почти столь же неудачной была бы попытка заменить *не могу поверить, что шуба <...> была единственным твоим желанием* в примере (44) на «более точное» *не могу поверить, что шуба <...> должна была быть единственным твоим желанием*.

Сходным образом в общих или оценочных атемпоральных суждениях для русского перевода характерно отсутствие смыслового компонента ‘потому что так должно быть’, передаваемого в оригинале глаголом *sollen*, ср., например, предложение *таким способом <...> утверждается так называемая добродетель* из (51), в котором не эксплицировано мнение говорящего, что эта ситуация имеет место потому, что это так и должно быть. В тексте оригинала с помощью *sollen* производится отсылка к некоторой объективной природе вещей, а в русском переводе этот смысл остается неэксплицированным, что, конечно, не мешает читателю домыслить его на основе более широкого контекста.

В переводах контекстов намеренного действия происходит утрата соотношения конкретного намерения с какой-то общей логикой, в соответствии с которой осуществление данного намерения было бы правильным. Так, фраза *поразмыслить, как ему перестроить свою жизнь* из (53) при буквальном переводе выглядела бы так: *поразмыслить, как ему следовало бы перестроить свою жизнь*. Аналогично, нейтральным способом обозначения ситуации принятия решения, соответствующим немецкому *Was soll ich tun?* является конструкция *Что мне делать?* (а не *Что мне следует делать?*).

Заключение

Как мы попытались показать, немецкий глагол *sollen* выражает особый тип модальности — **ослабленную онтологическую необходимость**, представляющую собой соотношение положения дел Р с некоторой логикой устройства мира (развития событий), не единственно возможной, но в каком-то отношении выделенной. Именно в этом состоит отличие данного типа модальности от «классической» необходимости, которая предполагает, что положение дел Р соответствует единственно возможной логике развития событий (устройства мира). То есть тип модальности, выражаемый с помощью *sollen*, занимает как бы промежуточное положение между необходимостью и возможностью. Это подтверждается проведенным анализом переводных соответствий из параллельного немецко-русского корпуса; в частности, тем, что в ряде случаев *sollen* переводится на русский язык не с помощью слов из семантического поля необходимости, а с помощью глагола *мочь* и других средств обозначения возможности.

Еще одна заметная особенность глагола *sollen*, исследовать и описать которую оказалось возможным благодаря привлечению материала параллельного корпуса, состоит в том, что в определенных типах контекстов в переводе на русский язык глагол *sollen* регулярно остается без эквивалента. Мы назвали это явление феноменом «пустого» *sollen*. Это обозначение несколько условно: «пустым» этот глагол является только с точки зрения русского языка. Тот смысл, который *sollen* выражает в немецком оригинале, оказывается непередаваемым, поскольку речь идет о значении ослабленной онтологической необходимости — модальности, которая не имеет конвенционального способа выражения в русском языке. При этом перевод является адекватным — с точностью ровно до этого трудноуловимого семантического компонента соотношения с «некоторой логикой вещей», который оказывается утрачен. Сопоставление оригинала с переводом в рамках монофокусного метода исследования позволяет выявить этот утраченный в русском переводе модальный смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добровольский (в печати) — Добровольский Д. О. (ред.). *Немецко-русский словарь актуальной лексики*. М.: Азбуковник (в печати). [Dobrovol'skij D. O. (ed.). *Nemetsko-russkii slovar' aktual'noi leksiki* [German-Russian dictionary: Present-day lexis]. Moscow: Azbukovnik, in press.]
- Добровольский, Зализняк 2018 — Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Немецкие конструкции с модальными глаголами и их русские соответствия: проект надкорпусной базы данных переводных эквивалентов. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2018, 17(24): 172–184. [Dobrovol'skij D. O., Zalizniak Anna A. German constructions with modal verbs and their Russian correlates: A supracorpus database project. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual conf. "Dialogue"*, 2018, 17(24): 172–184.]
- Добровольский, Зализняк 2020 — Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 3(25): 35–48. [Dobrovol'skij D. O., Zalizniak Anna A. Russian constructions with potentially modal meanings: An analysis based on parallel corpus data. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, 3(25): 35–48.]
- Добровольский, Зализняк 2021 — Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Параллельный корпус как инструмент семантического анализа: немецкий модальный глагол *sollen*. *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2021»* (Санкт-Петербург). СПб.: Скифия-принт, 2021. [Dobrovol'skij D. O., Zalizniak Anna A. The parallel corpus as an instrument of semantic analysis: The German modal verb *sollen*. *Papers from the international conf. "Corpora 2021"* (St. Petersburg). St. Petersburg: Skifia-print, 2021.]
- Зализняк 2015 — Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2015, 14(21): 651–662. [Zalizniak Anna A. Language-specific Russian words as an object of contrastive corpus analysis. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual conf. "Dialogue"*, 2015, 14(21): 651–662.]
- Кобозева, Лауфер 1991 — Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика предикатов долженствования в русском языке. *Russistik*, 1991, 1: 68–76. [Kobozeva I. M., Laufer N. I. Semantics of the predicates of obligation in Russian. *Russistik*, 1991, 1: 68–76.]
- Левонтина 2020 — Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2020, 3: 52–77. [Levontina I. B. The repertory of xenomarkers in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3: 52–77.]
- Падучева 2014 — Падучева Е. В. Модальность. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2014. [Paducheva E. V. Modality. *Materials for the project of corpus description of Russian grammar*. As a manuscript. Moscow, 2014.] <http://rusgram.ru/Модальность>.
- Падучева 2018 — Падучева Е. В. *Эгоцентрические единицы языка*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. [Paducheva E. V. *Egocentricheskie edinitisy yazyka* [Egocentric units of language]. Moscow: YaSK Publishing House, 2018.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Стойнова 2018 — Стойнова Н. А. Будущее время. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2018. [Stojnova N. A. Future tense. *Materials for the project of corpus description of Russian grammar*. As a manuscript. Moscow, 2018.] http://rusgram.ru/Будущее_время.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 2: 79–124.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Cappelle, Depraetere 2016 — Cappelle B., Depraetere I. Introduction: Modal meaning in Construction Grammar [Introduction to special issue]. *Constructions and Frames*, 2016, 8(1): 1–6.

- Diewald 1999 — Diewald G. *Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität*. Tübingen: Max Niemeyer, 1999.
- Duden-Grammatik 2005 — *Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch*. Kunkel-Razum K., Eisenberg P., Peters J., Gallmann P., Fabricius-Hansen C., Nübling D., Barz I., Fritz Th. A., Fiehler R. 7., völlig neu erarb. und erweiterte Aufl. Mannheim: Duden, 2005.
- Hentschel, Weydt 2003 — Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. 2., völlig neu bearb. Aufl. Berlin: De Gruyter, 2003.
- Horvath 2013 — Horvath K. Sind reportative Modalverben epistemisch? *Funktionen von Modalität*. Abraham W., Leiss E. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2013, 131–155.
- M. Kaufmann, S. Kaufmann 2014 — Kaufmann M., Kaufmann S. Modality and mood in formal semantics. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014, 535–558.
- Leech 1971 — Leech G. *Meaning and the English verb*. London: Longman, 1971.
- Matthewson, Truckenbrodt 2018 — Matthewson L., Truckenbrodt H. Modal flavour / modal force interactions in German: *soll, sollte, muss* and *müsste*. *Linguistische Berichte*, 2018, 255: 259–312.
- Mieder 2021 — Mieder W. „Was soll es bedeuten“. *Das Lorelei-Motiv in Literatur, Sagen, Kunst, Medien und Karikaturen*. Wien: Praesens, 2021.
- Milan 1995 — Milan C. Das deutsche Modalverb *sollen* und seine Entsprechungen im Italienischen. *Konvergenz und Divergenz in den romanischen Sprachen: Romanistisches Kolloquium VIII*. Dahmen W., Holtus G., Kramer J., Metzeltin M., Schweickard W., Winkelmann O. (eds.). Tübingen: Gunter Narr, 1995, 151–190.
- Mortelmans 2002 — Mortelmans T. ‘Wieso sollte ich dich küssen, du hässlicher Mensch!’: A study of the German modals *sollen* and *müssen* as ‘grounding predications’ in interrogatives. *Grounding: The epistemic footing of deixis and reference*. Brisard F. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2002, 391–432.
- Öhlschläger 1989 — Öhlschläger G. *Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen*. Tübingen: Niemeyer, 1989.
- Socka 2013 — Socka A. Skopus reportativer Ausdrücke in Komplementsätzen im Deutschen und Polnischen. *Funktionen von Modalität*. Abraham W., Leiss E. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2013, 157–185.
- Vanderbiesen 2018 — Vanderbiesen J. Reportive *sollen* in an exclusively functional view of evidentiality. *Evidence for evidentiality*. Foolen A., de Hoop H., Mulder G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 173–198.
- Wiemer 2018 — Wiemer B. Evidentials and epistemic modality. *The Oxford handbook of evidentiality*. Aikhenvald A. Y. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 85–108.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. The semantics of modality. *Folia Linguistica*, 1987, 21(1): 25–43.

Получено / received 13.06.2021

Принято / accepted 21.09.2021

К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив

© 2021

Илья Владимирович Макаρχук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; ilya.makarchuk@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена аспектуальной семантике дериваций семельфактива и делимитатива с типологической точки зрения. Описывается аспектуальное поведение таких дериваций в зависимости от акциональной характеристики основы. Семельфактив предлагается анализировать как минимальную по длительности ситуацию, а делимитатив — как неконечную порцию ситуации. Показано, как такое понимание позволяет объяснить разнообразие наблюдаемых интерпретаций глагольных дериватов.

Ключевые слова: акциональность, аспект, вид, делимитатив, перфектив, семельфактив

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах». Данные казымского диалекта хантыйского языка, горномарийского языка и мокшанского языка были собраны в экспедициях Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в 2018–2019 гг. в село Казым ХМАО, в 2016–2018 гг. в села Микряково и Сосново республики Марий Эл и в 2014–2015 гг. в села Лесное Цыбаево и Лесное Ардашево республики Мордовия соответственно.

Для цитирования: Макаρχук И. В. К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив. *Вопросы языкознания*, 2021, 6: 40–68.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.40-68

Towards a typology of derivations of verbal measure: Semelfactive and delimitative

Ilya V. Makarchuk

HSE University, Moscow, Russia; ilya.makarchuk@gmail.com

Abstract: The topic of the paper is the semantics of semelfactive and delimitative in a typological perspective. We describe in detail how semantic behavior of these derivations depends on the actional type of the verbal stem. We propose to analyze semelfactive as a situation of minimal duration and delimitative as a non-final portion of a situation. We show how this analysis allows to explain the variety of observed interpretations of the verbal derivatives.

Keywords: actionality, aspect, delimitative, perfective, semelfactive

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00627.

For citation: Makarchuk I. V. Towards a typology of derivations of verbal measure: Semelfactive and delimitative. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 40–68.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.40-68

1. Введение

Настоящая работа посвящена семантике глагольных дериваций семельфактива и делимитатива в типологической перспективе. Ниже представлены примеры семельфактива (1) и делимитатива (2) в русском языке:

- (1) а. *кашлянуть* < *кашлять*
 б. *курнуть* < *курить*
- (2) а. *покашлять* < *кашлять*
 б. *посидеть* < *сидеть*

В этой работе мы постараемся показать, как эти значения можно описать в качестве разновидностей феномена, который мы предлагаем называть **глагольной мерой** — речь идет о значении некоторой меры или степени ситуации в соответствии с определенным параметром. Например, в русском *подзабыть* приставка *под-* обозначает, что степень интенсивности на шкале состояния *быть забытым* для соответствующего актанта меньше, чем «нормальная». В семантике семельфактива и делимитатива основную роль будет играть шкала времени.

Мы рассмотрим эти значения на примерах из нескольких языков и представим предварительный обзор языкового разнообразия в данной семантической зоне. В этой статье мы будем идти скорее вглубь, а не вширь: так как размер статьи ограничен, мы в первую очередь подробно обсудим поведение более ярких, на наш взгляд, представителей рассматриваемых значений. Более обширный с точки зрения количества языков обзор показателей в аттенуативной подобласти глагольной меры можно найти в [Makarchuk 2020]. Нам не известно других сколько-нибудь детальных типологических описаний значений в аттенуативной подобласти глагольной меры за исключением эскиза типологии в [Tatevosov 2003] (подробнее см. [Makarchuk 2020: 23–26]).

В этой же статье мы опирались в первую очередь не на общие грамматические описания, а на работы, специально посвященные изучаемым явлениям в конкретных языках, в которых было относительно подробно описано акциональное распределение показателя. Так как цель грамматики языка — описать наиболее широко грамматическую систему целиком, описания отдельных дериваций в грамматиках обычно слишком краткие для наших целей.

Несмотря на малый объем выборки, мы, как представляется, все же смогли нащупать возможные ядерные значения для семельфактива и делимитатива, которые можно будет использовать в дальнейших исследованиях и проверить на других языках. Эти ядерные значения мы и охарактеризуем ниже и покажем, как из них выводятся различные наблюдаемые интерпретации в зависимости от акционального класса исходной основы.

Существует множество разных акциональных классификаций ситуаций (см., например, внушительную сравнительную таблицу в [Tatevosov 2010: 11–12]). В рамках журнальной статьи не представляется возможным сделать хоть сколько-нибудь подробный их разбор с целью выбора наиболее удачной и подходящей. Поэтому мы постарались выбрать какую-то «базовую» классификацию, которую при необходимости было бы потом легко перевести в более сложные системы.

В [Плунгян 2009] обсуждается важная идея о существовании и типологической релевантности некоторых **базовых**, первичных акциональных классов, относительно независимых от конкретного теоретического аппарата исследователя, — мы их будем называть **акциональными типами**. Из этих акциональных типов далее могут складываться более сложные **акциональные классы**, которые представляют собой «акционально связанные» друг с другом базовые акциональные типы. Такими первичными акциональными типами объявляются следующие три: состояние, процесс и событие; их мы и будем в первую

очередь различать. Состояния — это стативный акциональный тип, «темпорально стабильные» ситуации, не требующие притока энергии для их поддержания (например, *сидеть, спать, любить*). Процессы — это длительный динамический акциональный тип, ситуации постепенного или циклического изменения состояния (например, *гулять, кричать, греть*). События — это мгновенные ситуации точечного перехода из одного состояния в другое (например, *войти, упасть, кашлянуть*).

Эти акциональные типы в общем случае представляют собой акциональные интерпретации отдельных контекстных употреблений, а не классификацию предикатов в целом: предикат, обозначающий в одних контекстах, например, процесс, может в других контекстах обозначать событие — ср. процессное прочтение глагола *read* в *I was reading the book for 5 hours* ‘Я читал книгу пять часов’ и событийное в *I have read the whole book* ‘Я прочитал всю книгу’. Это соотношение специально исследовалось уже в [Татевосов 2010], где постулируются, правда, не три, а пять акциональных примитивов-интерпретаций: вхождение в состояние, вхождение в процесс, состояние, процесс и мультипликативный процесс. Акциональная характеристика глагола по Татевосову представляет собой набор этих примитивных интерпретаций в наиболее перфективной и наиболее имперфективной видо-временной форме.

При описании акционального поведения глагола мы в целом следуем похожей схеме. С каждым глаголом связано некоторое сложное описание ситуации, которое в различных контекстах может подпадать под одну из трех базовых акциональных интерпретаций: состояние, процесс (= процесс и мультипликативный процесс у Татевосова) и событие (= вхождение в состояние и вхождение в процесс у Татевосова). Ср. также близкий подход в [Stoft 2012], где для описания акционального поведения глаголов в конкретных контекстах используется понятие «аффорданса» (affordance). Тот минимальный набор из трех базовых типов, с которым мы работаем, как представляется, является наиболее универсальным и в том или ином виде присутствует практически во всех предлагавшихся ранее классификациях (см., например, обзор в [Татевосов 2010]). Тем самым, можно надеяться, что наши выводы окажутся содержательно совместимыми с аппаратом любой другой более сложной терминологической системы.

Стоит также сделать отступление о понятии предельности. Мы понимаем предельность как наличие предела, т. е. максимума на шкале состояний в структуре ситуации, такой точки, после достижения которой ситуация исчерпывается и не может далее продолжаться (ср. Q-boundedness в [Stoft 2012] или предельность в понимании славянской аспектологии [Зализняк, Шмелев 2000: 53–54; Плунгян 2009]). Для такого понимания принципиально важно именно существование предела: контекст, содержащий предельный глагол, не обязательно описывает достижение предела. Это отличается от понимания предельности по [Krifka 1998] (этот подход используется во многих работах по формальной семантике) как квантованности, то есть неделимости ситуации, когда части некоторой ситуации X не являются представителями этой ситуации X. Разницу в этих подходах видно по примерам типа *Я постепенно шел к финишу*. Такие примеры будут считаться предельными в понимании, используемом в нашей работе, так как у ситуации есть предел — достижение финишной линии, — после которого ситуация *идти к финишу* исчерпывается и дальше не может продолжаться. При этом предикат в этом примере неквантованный, так как часть ситуации *идти к финишу* тоже можно назвать предикатом *идти к финишу*.

На русском материале легко увидеть, что деление на процессы и события ортогонально делению на предельные и непредельные ситуации, как было показано уже в [Булыгина 1982]. Процесс отличается от события своей длительностью, что можно проверить с помощью обстоятельств длительности типа *пять минут*. Предельность же (перспективность и постепенность в терминах Т. В. Булыгиной) отличается наличием предела, что можно проверить с помощью обстоятельств типа *за пять минут*¹.

¹ При этом нужно быть осторожным: слепое применение этих тестов без глубокого семантического анализа может привести к неправильным результатам. Обстоятельства типа русского *за пять*

- (3) а. *Вася читал / почитал* ^{OK}*пять минут / *за пять минут.*
 б. *Вася поглощал торт* ^{OK}*целый час / ^{OK}за час.*
 в. *Вася прочитал / прочитывал книгу* ^{OK}**два часа / ^{OK}за пять минут.*
 д. *Я кашлянул* ^{OK}**секунду / *за секунду.*

Стоит отметить, что мы будем следовать конвенции, берущей начало с работы [Comrie 1976]: писать названия конкретноязыковых категорий (например, «русский Семельфактив на -ну») с заглавной буквы, а со строчной буквы — универсальные, применимые ко всем языкам категории (например, «значение семельфактива в языках мира»). Так мы сможем отделить случаи, когда мы говорим о свойствах какой-то деривации как части грамматики одного конкретного языка, от тех, когда мы обсуждаем какую-то деривацию с типологической точки зрения.

Наша работа построена следующим образом: после введения идут две основные части, посвященные семельфактиву и делимитативу соответственно, после чего мы подведем итоги нашего исследования в разделе «Заключение».

2. Семельфактив

В данном разделе мы рассмотрим деривацию семельфактива в типологической перспективе. В подразделе 2.1 мы обсудим два подхода к понятию семельфактива, существующие в литературе, и объясним, почему они недостаточны для описания семельфактивных дериваций. В подразделе 2.2 мы рассмотрим деривации семельфактива в трех неродственных языках: русском, финском и гаввада. Мы опишем их семантику, разберем, как ее анализируют авторы, исследовавшие эти показатели, и постараемся уточнить и обобщить их описания. В подразделе 2.3 мы обсудим понятия атома и естественной атомарности, которые будут важны для анализа семельфактива. В подразделе 2.4 мы предложим свой анализ семельфактива и покажем, как из него выводятся все наблюдаемые интерпретации с разными аспектуальными типами. В подразделе 2.5 мы опишем случай перехода показателя из инхоатива в семельфактив, который также послужит аргументом в пользу нашего анализа. В подразделе 2.6 мы подведем итоги.

2.1. О понятии семельфактива в типологии

Классический пример семельфактива представлен в русских парах типа *кашлять* — *кашлянуть*, *шагать* — *шагнуть*, *прыгать* — *прыгнуть*. Первый глагол в этих парах — это мультипликатив — процесс, состоящий из повторения одной и той же ситуации, или «кванта»; а второй глагол в этих парах — это семельфактив — непосредственно «квант»

минут, по всей видимости, все же обозначают длительность интервала, в которой вложена эта ситуация, просто предел часто выступает точкой отсчета. Например, в предложении *За это время у меня потерялся ключ* обстоятельство *за это время* обозначает длительность временного промежутка, рассматриваемого говорящим, в течение которого случилась точечная ситуация [Raducheva, Pentus 2008: 196]. Как представляется, так происходит потому, что обстоятельство *за это время* находится в теме, а глагол *потерялся* — в реме. Поэтому *за это время* отсчитывается не от возможного предела глагола, которого в данном случае нет, а от какого-то другого заданного предыдущим контекстом предела. Если поменять порядок слов и поставить обстоятельство в рему, то обстоятельство оказывается невозможным: *У меня потерялся ключ ?за это время / *за пять минут.*

множественного процесса, которым является мультипликатив (см., например, [Плунгян 2011: 221]). Как видно из примеров, в русском языке деривация семельфактива грамматикализована в показателе *-ну*.

Отсюда один из подходов к семельфактиву — как к категории глагольного числа. В нем понятие семельфактива производно от понятия мультипликатива. Например, в типологической статье [Храковский 1998] мультипликатив — это ситуация, состоящая из микроситуаций, повторяющихся с одним и тем же набором актантов в одно и то же время, а семельфактив — это непосредственно одна из таких микроситуаций.

Такое понятие семельфактива оказывается зависимым от понятия мультипликатива. Однако, например, в разговорном русском языке показатель семельфактива присоединяется и к немультимпликативным глаголам, как в (4)–(6) (о таких глаголах подробнее см. [Sokolova 2015]). В таких случаях непонятно, как применить определение семельфактива, подобное тому, что дано в предыдущем абзаце: исходный глагол не обозначает множественную ситуацию, состоящую из микроситуаций, и поэтому микроситуации, которую бы выделял такой семельфактив, в семантике глагола нет.

- (4) *Приостановился, курнул папироску два раза, дал курнуть Шкалику, который позади него, как хвост, и прямым ходом к Люське.* [Юрий Дружников. Виза в позавчера (1968–1997)]
- (5) *По молодости гульнул на стороне: всего один шальной полухмельной вечер с шальной полухмельной полужнакомой бабою — и по первому же запросу-подозрению все сам рассказал, дурак!* [Алексей Слаповский. День денег (1998)]
- (6) *Читнул комменты под статусом об Онищенко.* [https://vk.com/wall26867380_2854099]

Другой подход — это считать семельфактив отдельным акциональным классом. Он работает для языков без грамматикализованного семельфактива, где мультипликативный процесс и его квант обозначаются одним и тем же глаголом, ср. глагол *cough* ‘кашля(ну)ть’ в английском языке:

- (7) *I coughed for a while.*
‘Я покашлял немного’.
- (8) *I suddenly coughed (once).*
‘Я вдруг кашлянул (один раз)’.

Пример такого подхода представлен в типологическом описании акциональности [Smith 1997]. Глаголы типа *cough* ‘кашлять, кашлянуть’ свободно употребляются как в перфективных, так и в имперфективных контекстах, сочетая класс достижений («achievement») типа *arrive* ‘прибыть’ и при множественной интерпретации классом однородных процессов («activities») типа *walk* ‘гулять’. При этом, в отличие от достижений, они не подразумевают результирующего состояния. Поэтому К. Смит дополняет стандартную четырехчленную классификацию по [Vendler 1957] акциональным классом семельфактива. Она определяет его как динамический непределенный мгновенный аспектуальный класс: таким образом, семельфактив — это событие, отличающееся от обычного достижения отсутствием результирующего состояния.

Похожий анализ представлен в [Croft 2012]. В нем В. Крофт разделяет вендлеровский тип достижения на три подтипа в зависимости от свойств результирующего состояния. Семельфактив в его классификации — это циклическое достижение («cyclic achievement») — достижение с точечным результирующим состоянием («point state»), т. е. таким состоянием, которое в скором времени завершается.

Такие описания хорошо подходят для семельфактивов в языках типа английского, где семельфактивное значение не грамматикализовано. Однако неясно, как такое определение

можно было бы применить к деривации семельфактива: как должна выглядеть семантика деривационного показателя и как он должен модифицировать структуру исходной ситуации.

Таким образом, существующие типологические подходы оказывается сложно применить к **деривациям** семельфактива без каких-либо дальнейших модификаций. В следующем подразделе мы рассмотрим примеры семельфактивов в конкретных языках.

2.2. Деривации семельфактива в конкретных языках

Перейдем к языковому материалу. В [Makarchuk 2020] мы описываем примеры семельфактивов из языков разных генетических групп: славянских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, кушитских, а также из идиша и тубаларского — в сумме 15 языков. Ниже мы рассмотрим три наиболее ярких примера семельфактива в трех не родственных друг другу языках: в русском, в финском и в кушитском языке гаввада — и обсудим предлагаемые различными авторами подходы.

2.2.1. Русский Семельфактив

Классический пример семельфактивной деривации — это русский Семельфактив на *-ну*.

Обычно этот показатель описывают как обозначающий «один “квант” деятельности, описываемой исходным глаголом» [Зализняк, Шмелев 2000: 118–120], «единичное действие из ряда повторяющихся» [Янда 2012: 4]². Этот показатель обычно присоединяется к обозначению процесса, состоящего из таких «квантов» — т. е. мультипликативу: *моргать* — *моргнуть*, *шагать* — *шагнуть*. Однако он может присоединяться и к немultipликативам: *дуть* — *дунуть*, *ругать* — *ругнуть*, *пугать* — *пугнуть* — и тогда, как пишут Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев, квантификация создается самим показателем. Как отмечают исследователи, у многих таких дериватов обычно есть некоторый экспрессивный оттенок быстроты и резкости. По всей видимости, это можно объяснить тем, что у таких глаголов, как правило, есть другой парный глагол Несовершенного вида: *ругать* — *отругать*, *наругать* (разг.); *пугать* — *испугать*. На его фоне альтернативный дериват на *-ну* представляется маркированным.

В чем же состоит семантика этого «кванта»? В [Armoškaitė, Sherkina-Lieber 2008] русский Семельфактив *-ну* рассматривается как показатель глагольного числа: *-ну* обозначает, что ситуация однократна, единична, в противоположность множественной. Это близко к описанному выше представлению о семельфактиве в [Храковский 1998].

Авторы приводят два аргумента в пользу такого анализа. Во-первых, *-ну* меняет интерпретацию относительно количества ситуаций. Например, исходный глагол в (9а) обозначает повторяющееся действие, а дериват в (9б) может обозначать только одно. Заметим от себя, что парные глаголы без *-ну* могут обозначать единичную ситуацию в общефактических контекстах (9с).

- (9) а. *Марко Поло нетерпеливо топал.*
 б. *Марко Поло нетерпеливо топнул.*
 с. *Топал ли Марко Поло? — Топал.*

² Л. А. Янда указывает в качестве алломорфа *-ну* приставку *с-* в глаголах типа *сглотнуть*, о чем подробнее написано в [Makarchuk, Janda 2009]. Мы не согласны с таким смешением двух разных показателей и скорее разделяем точку зрения, изложенную, например, в [Горбова 2016].

Во-вторых, как отмечают С. Армошкайте и М. Шеркина-Либер, дериваты с *-ну* свободно употребляются с выражениями, в которых указано количество ситуаций (10b), тогда как употребление таких выражений с парными глаголами без *-ну* по крайней мере маргинально (10a).

(10) а. [?]#*Марко Поло нетерпеливо топал три раза.*

б. *Марко Поло нетерпеливо топнул три раза.*

На этот пример можно было бы возразить, что такое употребление могло бы быть возможно в общефактическом контексте (11a). Однако если сохранить наречие *нетерпеливо*, глагол *топать* все еще нельзя употребить в однократной интерпретации (11b).

(11) а. — *Сколько раз Марко Поло топал?* — *Марко Поло топал три раза.*

б. — *Сколько раз Марко Поло топал?* — ^{??}*Марко Поло нетерпеливо топал три раза.*

С. Армошкайте и М. Шеркина-Либер называют показатель *-ну* «uniactional marker» в противовес названию «pluractional marker» для показателя *-ыва*. Авторы не прописывают эксплицитно, какая именно семантика подразумевается под «uniactional marker», но, как кажется, под этим они подразумевают значение однократности, единичного исполнения. Если это так, то неясно, почему *-ну* не сочетается в этом значении с событиями: **находнуть* < *находить*, **замечнуть* < *замечать*. Таким образом, анализ семельфактива как однократной ситуации недостаточно эксплицитен и не позволяет объяснить наблюдаемое распределение.

Иного рода анализ представлен в [Плунгян 2000]. Согласно этому анализу, русский Семельфактив на *-ну* — это грамматикализованное ‘быстро’ в значении ‘<Естественное завершение процесса Р> наступило за более короткий (по сравнению с ожидаемым или нормальным) промежуток времени’.

Однако если обратиться к материалу других языков, видно, что грамматикализованное ‘быстро’, как кажется, ведет себя несколько по-другому, нежели русское *-ну*. Рассмотрим пример деривации *-т* в казымском хантыйском (примеры из наших собственных полевых данных). Как видно из примеров события в (12) и инкрементального процесса в (13), эта деривация действительно обозначает, что естественный предел достигается быстрее, чем ожидается, то есть подходит под определение, данное выше.

(12) *та* *клуџ-ѐт* *воџт-ѐт-с-ѐт*
я ключ-POSS.1SG найти-МOM-PST-1SG>SG
‘Я быстро нашел ключи’.

(13) *та* *нџџе-λ* *лџџџ-ѐта-с-ѐт*
я мясо-POSS.3SG есть-МOM-PST-1SG
‘Я быстро съел мясо’.

Напротив, русский Семельфактив не образуется от событий (14) или кратких процессов (15), а с инкрементальными процессами дает другую интерпретацию — неполной реализации ситуации (16).

(14) **находнул* (< *находить*), **замечнул* (< *замечать*)

(15) **открывнул* (< *открывать*)

(16) *Да не пил я. Я только пивнул капельку.*
[К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965)]

Если процесс непределный, хантыйские дериваты на *-т* обозначают, что начало ситуации наступило раньше, чем ожидалось (17). В русском же дериваты на *-ну* от непределного процесса в (18) имеют совершенно иное значение — процесса с малой длительностью.

- (17) *ma kluč-est kǎñš-äta-s-ät*
я ключ-POSS.1SG искать-МОМ-PST-1SG
'Я **бросился искать** (= **быстро начал искать**) ключи'.

- (18) *Hu и гульнули мы с тобой вчера!*
[Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]

Таким образом, предложенный В. А. Плунгяном анализ данных русского Семельфактива на *-ну* оказывается слишком широким, хотя деривации, подходящие под его описание, встречаются в других языках.

2.2.2. Финский Глагольный Диминутив

Следующий пример семельфактива, который мы рассмотрим, — финский Глагольный Диминутив *-ahta/-aise*³. В [Armoškaitė, Koskinen 2008] авторы описывают его аспектуальные свойства и связь интерпретации деривата с акциональностью исходной основы. Если Глагольный Диминутив модифицирует состояние, то он обозначает (внезапный) переход в это состояние:

- (19) *Lapsi nuk-aht-i.*
ребенок спать-АНТА-PAST.3SG
'Ребенок **заснул**'.

Если же Диминутив модифицирует процесс с дискретными стадиями, т. е. мультипликативный процесс, то он обозначает одну из этих стадий:

- (20) *Lapsi hyp-äht-i.*
ребенок прыгать-АНТА-PAST.3SG
'Ребенок **прыгнул**'.

Впрочем, стоит заметить, что, в отличие от русского языка, в котором семельфактивные ситуации обязательно маркируются показателем Семельфактива, в финском исходная глагольная основа может обозначать однократную ситуацию сама по себе, без показателя Глагольного Диминутива:

- (21) *Silloin hän hyppäsi veteen ja ui loiskutellen luokseni veitsi kädessä ja heittäytyi eteeni ja sanoi: <...>*
'Тогда она **прыгнула** в воду, не выпуская из рук ножа, подплыла ко мне, бросилась на землю передо мной и сказала: <...>' [Mika Waltari. Sinuhe egypantiläinen (1945) | Мика Валтари. Синухе, египтянин (В. Н. Богачев, Е. Каменская, Лаура Виролайнен, 1994)]

Дериваты от процессов без дискретных стадий имеют интерпретацию краткого процесса с неполной, «небрежной» реализацией:

- (22) *Ignas luk-ais-i kirjan.*
Игнас читать-AISE-PAST.3SG книга.ACC
'Игнас почитал книгу **в спешке, без особого внимания** (ср. разг. русское *читнул*)'.

От событий Диминутив на *-ahta/-aise* не образуется:

- (23) а. **huom-ais-i* [заметить-AISE-PAST.3SG]
б. **saav-aht-i* [прийти-АНТА-PAST.3SG]

³ Выбор суффикса зависит от аргументной структуры глагола: *-ahta* присоединяется в основном к непереходным глаголам, а *-aise* — к переходным. Подробнее о распределении см. в [Armoškaitė, Koskinen 2008]

С. Армошкяйте и П. Коскинен описывают значение Диминутива как признак квантованности ([+quantized]) по [Krifka 1998].

Схожий анализ мы встречаем в [Kangasmaa-Minn 1984]. В финском языке в переходной клаузе маркирование прямого объекта зависит от вида глагола. Объект маркируется Партитивом на *-a/-ta* или Генитивом⁴ на *-n* в зависимости от того, задействована ли часть объекта или весь объект соответственно (примеры отсюда же). В первом приближении это различие можно описать как различие между перфективным и имперфективным видовым ракурсом.

(24) а. *Maalaan taloa*
крашу дом.PART
'Я крашу дом'.

б. *Maalaan talon*
крашу дом.GEN
'Я покрашу дом'.

При этом возможность употребляться с тем или иным объектом зависит от акциональной характеристики глагола. Э. Кангасмаа-Минн [Kangasmaa-Minn 1984: 84–85] приводит пример глагола *antaa* 'дать', который не употребляется в актуально-длительной интерпретации с Партитивным объектом (25b):

(25) а. *Annan lahjan*
даю подарок.GEN
'Дарю подарок'. (перформативное прочтение)

б. **Annan lahjaa*
даю подарок.PART
Ожид.: 'Я в данный момент дарю подарок'.

Кангасмаа-Минн на основе сочетаемости с разными типами объекта выделяет три класса глаголов. Первый из них она называет «ингерентно перфективными»: это глаголы типа *antaa* 'дать', которые обозначают только предельные ситуации и употребляются (преимущественно) с Генитивным объектом. Это соответствует тому, что мы называли бы квантованными ситуациями. Второй класс глаголов — это то, что она называет «ингерентно имперфективными»: это глаголы типа *nukua* 'спать', которые употребляются только как состояния или непредельные процессы и, если они переходные, сочетаются только с Партитивным объектом. Это соответствует тому, что мы называли бы неквантованными ситуациями. Третья группа, выделяемая ею, — это «нейтральные» глаголы, которые свободно употребляются с обоими видами объектов.

Далее Кангасмаа-Минн говорит о деривации на *-ahta/-aise*. Она утверждает, что эта деривация делает из глагола «перфективный», то есть квантованный, глагол. На это указывает то, что дериваты с этим показателем употребляются только с Генитивным объектом, но не с Партитивным (26) (гlossы и перевод наши). Также автор отмечает, что, как правило, от «ингерентно перфективных» глаголов типа *antaa* 'дать' и *heittää* 'бросить' дериваты на *-ahta/-aise* не образуются. Подобный анализ мы находим и в [Sulkala 1996].

(26) *Lukaisin kirjan / *kirjaa*
читать.AISE.PST.1SG книга.GEN / книга.PART
'Я прочитал / (*прочитывал) книгу небрежно, без особого внимания'.

Таким образом, среди исследователей есть понимание, что *-ahta/-aise* обозначает квантованность. Однако неясно, каким именно образом оператор модифицирует исходную

⁴ Некоторые исследователи, в том числе Э. Кангасмаа-Минн, называют этот падеж Аккузативом.

ситуацию, чтобы получилась квантованная ситуация, в чем состоит собственно «применение» этого признака? Почему в (19) дериват от состояния *nikua* ‘спать’ обозначает именно переход в состояние ‘заснуть’, а не просто временное пребывание в нем, как, например, в русском деривате *поспать*? Почему в (22) дериват от процесса *lukea* ‘читать’ обозначает небрежное выполнение (типа *читнуть*), а не, к примеру, короткую длительность (как в *почитать*) или частичное выполнение (как в *недочитать*)? Дериваты на *-ahta/-aise* действительно получают квантованными, но такого описания недостаточно, чтобы вывести финальную интерпретацию деривата.

2.2.3. Кушитский Семельфактив

Интересный случай параллелизма именной и глагольной морфологии описан в [Tosco 2007], где обсуждаются две похожие системы числа у имени и у глагола в языке гаввада кушитской группы афроазиатской семьи. В гаввада есть три грамматических рода: Мужской, Женский и Множественный.

(27) *šaamb-o* [мальчик-М] ‘мальчик’

(28) *šeet-te* [девочка-Ф] ‘девочка’

(29) *ʔorh-e* [молоко-PL] ‘молоко’

Число объекта выражается одним из трех способов: немаркированной формой, как в примерах (27)–(29), Сингулятивом, образующим единственное число (30), и Плуративом, образующим множественное число (31).

(30) *ħisk-att-o* [женщина-SING-М] ‘женщина’ < *ħisk-e* [женщина-PL] ‘женщины’

(31) *haarr-add-e* [осел-PLUR-PL] ‘ослы’ < *haarr-e* [осел-Ф] ‘осел, ослы’

Сингулятиву и Плуративу параллельны две деривации глагольного числа: Семельфактивная геминация (32) и Итеративная редупликация (33).

(32) *ʕuk-k-* ‘отпить’ < *ʕuk-* ‘пить’

(33) *fi-fil-* ‘расчесывать (много раз)’ < *fil-* ‘расчесывать’

М. Тоско показывает, что эти деривации сходны в том, как они ведут себя по отношению к счетности у существительных и «предельности» («telicity») у глаголов. Сингулятив образует имя со значением единичного объекта от счетного существительного (34а) и обозначение порции вещества от несчетного существительного (34б). Аналогично, Семельфактив от «предельной» ситуации обозначает единичную ситуацию (35а), а Семельфактив от «непредельной» ситуации — ослабленное действие (35б).

(34) а. *palh-itt-o* ‘один страус’ < *palh-o* ‘страус’

б. *ceeq-itt-e* ‘немного крови’ < *ceeq-te* ‘кровь’

(35) а. *tul-li* ‘кашлянуть’ < *tul-a* ‘кашлять’

б. *ʕuk-ki* ‘отпить’ < *ʕuk* ‘пить’

М. Тоско проводит параллель между счетностью у существительных и «предельностью» у глаголов и утверждает, что они являются подвидам ограниченности («boundedness»). Конечно, М. Тоско далеко не первый отмечает такую параллель (об этом см., например, [Mehlig 1994]). Однако, в отличие от предшествующих авторов, он показывает, как такая параллель работает в области словообразования в конкретном языке, где она достаточно

ясно выражена. К сожалению, он не указывает, какую интерпретацию имеют Семельфактивы от событий типа 'прийти', 'найти' (и имеют ли они таковую вообще), поэтому сложно судить, что именно имеет в виду автор под словом «предельность» («telicity»). Впрочем, мы можем предположить, что дело в естественной атомарности, которую мы обсудим в следующем подразделе статьи.

2.3. Об атомах

В связи с понятием семельфактива интересна работа [Rothstein 2008] и вводимое там понятие атома и естественной атомарности.

С. Ротштейн начинает свое рассуждение с того, что класс счетных существительных состоит из двух подклассов. Первый подкласс — это типичные счетные существительные типа *boy* 'мальчик' или *dog* 'собака'. Второй подкласс — это счетные существительные типа *wall* 'стена, стенка' или *bunch* 'букет, охапка'.

Два класса существительных различаются тем, насколько единица обозначаемого объекта задана самой семантикой существительного. Для первого подкласса очевидно, что является одним представителем объекта: понятно, что представляет собой один мальчик или одна собака, — это изначально заложено в семантике таких существительных.

Напротив, что считается одной стеной или одной охапкой цветов, зависит от контекста. С. Ротштейн приводит следующие примеры. Если мы с соседом вплотную построили стены перед нашими домами, мы можем объявить, что «мы вместе построили стену перед нашими двумя домами», а можем сказать, что «каждый построил по стене перед своим домом» (например, в зависимости от того, сколько стоит разрешение на постройку стены, есть ли налоговый вычет за постройку стены и т. п.). Аналогично, если взять охапку цветов и разделить ее между двумя людьми, то можно сказать, что у каждого по одной охапке цветов, а можно сказать, что у каждого по половине охапки.

Это различие С. Ротштейн объясняет с помощью понятия атома и естественной атомарности. Мы опустим формальные детали ее анализа и перескажем основную идею. Неформально говоря, атом — это нечто неделимое, некоторая **минимальная или принимаемая за минимальную** единица некоторой сущности. Счетные существительные обозначают атомы некоторой сущности. Например, *яблоко* — атомарная сущность, так как части яблока нельзя назвать *яблоком*: одно яблоко — это минимальная единица измерения яблок. Напротив, несчетные сущности, как, например, *суп*, не атомарны, так как части супа являются *супом*: нет «одного» супа, который был бы минимальной единицей измерения, которую было бы нельзя (с точки зрения языка) разделить дальше.

Естественная атомарность же заключается в следующем: денотат естественно атомарной сущности изначально, сам по себе дан в отдельных единицах, или атомах. Другими словами, само слово задает единицу измерения для обозначаемых объектов. Слова типа *boy* 'мальчик' или *dog* 'собака' естественно атомарны: мальчиков считают в мальчиках, а собак в собаках — это задается лексической семантикой слов. С другой стороны, слова типа *wall* 'стена', *bunch* 'охапка' не являются естественно атомарными: не существует естественной, ингерентной единицы измерения стен или охапок, а что считать за одну стену или охапку, зависит от контекста.

С. Ротштейн применяет понятие атома и естественной атомарности к глаголам. Она утверждает, что квантованность («telicity» в понимании [Krifka 1998]) связана с атомарностью: ситуация квантованная, когда задана конкретная единица измерения, которой она измеряется. У естественно атомарных ситуаций такая конкретная единица измерения задана сама по себе. Например, события типа *arrive* 'прибыть' естественно атомарны и могут употребляться как квантованные сами по себе, так как в них уже заданы атомы ситуации:

- (36) *John arrived in half an hour.*
 ‘Джон добрался за полчаса’. [Rothstein 2008: 48]

С другой стороны, процессы типа *run* ‘бежать’ не естественно атомарны и не могут сами по себе употребляться как квантованные (37a) и требуют эксплицитно заданной единицы измерения, например *a mile* ‘миля’ (37b).

- (37) а. *#Mary ran in ten minutes.*
 Ожид.: ‘Мэри сбегала (куда-то) за десять минут’.
- б. *Mary ran a mile in ten minutes.*
 ‘Мэри пробежала милю за десять минут’. [Rothstein 2008: 59]

Однако если процесс мультипликативный, как, например, *jump* ‘прыгать’, он все же может употребляться как квантованный сам по себе, без эксплицитного выражения единицы измерения. В таких контекстах такие глаголы обозначают семельфактивы (38b). С. Ротштейн объясняет это тем, что такие глаголы обозначают естественно атомарную ситуацию, в которой уже заложен естественный атом ситуации. При этом возможно употребление, когда глагол обозначает несколько атомов (38a).

- (38) а. *Mary jumped for ten minutes.*
 ‘Мэри попрыгала десять минут’. (наш пример)
- б. *Mary jumped in 15 seconds.*
 ‘Мэри прыгнула за 15 секунд’. [Rothstein 2008: 60]

Итак, атом — это **минимальная**, неделимая единица некоторой сущности. Естественно атомарные сущности и ситуации, такие как *мальчик* или *прыгать*, сами задают, что является атомом для них. Для сущностей и ситуаций, не являющихся естественно атомарными, таких как *стена* или *бегать*, что именно является атомом, задается контекстом.

2.4. Минимальная ситуация

Мы предлагаем следующее определение деривации семельфактива: семельфактив выделяет **минимальную по длительности ситуацию**, или, другими словами, атом ситуации. Рассмотрим, как это значение комбинируется с разными акциональными классами на примере описанных выше трех дериваций семельфактива.

Типичный пример семельфактива — это дериват от мультипликативного процесса. Такой процесс естественно атомарен, в его семантике уже содержится информация о неделимой минимальной единице — кванте, или атоме, этого мультипликативного процесса. Поэтому дериват от мультипликатива обозначает этот атом:

- (39) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
hup-ähtä-ä ‘прыгнуть’ < *hupätä* ‘прыгать’
- б. Гаввада [Tosco 2007]
tul~li ‘кашлянуть’ < *tula* ‘кашлять’
- с. Русский
мигнуть < *мигать*

Если ситуация — немultiпликативный процесс, то она не является естественно атомарной, а в семантике не содержится информации об атоме этой ситуации. В таких случаях семельфактив «создает» такой атом «сам» в зависимости от контекста. Другими словами,

оператор семельфактива вычленяет из всех ситуаций, которые можно назвать данным глаголом, минимальную по длительности.

- (40) а. Финский [Karlsson 1999: 239]
laul-ahhta-a ‘попеть немного’ < *laulaa* ‘петь’
 б. Гаввада [Tosco 2007]
ʒuk~ki ‘отпить немного’ < *ʒuk* ‘пить’
 в. Русский
курнуть < *курить*

Если у ситуации есть инкрементальная тема, то минимальная по длительности ситуация будет давать семантический эффект «небрежной» реализации. Степень реализации таких ситуаций есть накопление эффекта по инкрементальной теме и зависит от длительности ситуации. Поэтому если длительность такой ситуации минимальна, то минимален и эффект: например, в (41а) чтение происходит с минимально необходимым вниманием, а в (41б) доение происходит с минимально необходимыми усилиями.

- (41) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
luk-ais-ta ‘прочитать невнимательно, проглядеть’ < *lukea* ‘читать’
 б. Гаввада [Tosco 2007]
sox~x- ‘подойти только один сосок’ < *sox-* ‘дойти’
 в. Русский
читнуть < *читать*

Семантика минимальной по длительности ситуации также объясняет ограничения, которые имеет деривация семельфактива. Например, семельфактивы невозможны с событиями:

- (42) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
**saav-ahhta-a* < *saapua* ‘прийти’
 б. Русский
**находнуть* < *находить*

События мыслятся как мгновенные ситуации, не имеющие длительности (или имеющие нулевую длительность). Поэтому нельзя выбрать из всех возможных элементов экстенционала минимальный по длительности: между возможными событиями нет какой-либо разницы в длительности, так как длительности нет (или она одинаковая и равна нулю). Например, в (42) любое событие прихода или обнаружения чего-либо длится мгновение (ср. **Я прихожу две минуты*, **Я нахожу его две секунды*, но ^{OK}*Я хожу две минуты*, ^{OK}*Я иду два часа*). Поэтому разные возможные события прихода / обнаружения нельзя сравнить между собой по длительности и выбрать из них более короткое.

Семельфактивы невозможны и с вневременными состояниями (также называемыми состояниями индивидного уровня). Так как такие состояния находятся вне временного измерения и не имеют какой-либо длительности, оказывается невозможным получить минимальную по длительности ситуацию.

- (43) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
**tied-ähtä-ä* < *tietää* ‘know’
 б. Русский
**понимнуть/понимануть/понянуть* < *понимать*

В плане сочетаемости с эпизодическими состояниями семельфактивы различаются от языка к языку. В русском языке такие дериваты на *-ну* возможны только с дополнительными префиксами (подробнее о подобных дериватах см. [Nordrum 2020]):

(44) *grustitъ* > **grustnutъ*, но *vzgrustnutъ*

В финском же дериваты от эпизодических состояний возможны. Они могут обозначать вхождение в состояние (45), как было уже указано выше. Однако встречаются случаи, не учитываемые в анализе С. Армошкайте и П. Коскинен, когда дериват от состояния обозначает краткое пребывание в состоянии (46).

(45) *Lapsi nuk-äht-i.*
ребенок спать-АНТА-PAST.3SG
'Ребенок **заснул**'. [Armoškaitė, Koskinen 2008: 5]

(46) *Ystävä viiv-äht-i.*
друг оставаться-АНТА-PAST.3SG
'Друг **побыл** [у меня]'. [Armoškaitė, Koskinen 2008: 7]

Возможно, здесь мы наблюдаем ситуацию, похожую на то, как развивались когнаты русского *-ну* в других славянских языках. В чешском и польском показатели *-nou* и *-nq* более активно используются как перфективирующие маркеры [Dickey 2001]: ср., например, чешские *lehnout, padnout* и польские *legrać, padnąć* с параллельными им русскими перфективами *лечь* и *(у)насть*.

Другое объяснение может состоять в том, что финский показатель происходит из показателя инхоатива, как мокшанский показатель *-kst*, о котором мы будем говорить в следующем разделе. Впрочем, для окончательных выводов необходим более тщательный разбор большего объема глагольных основ, а также исследование истории показателей *-ahta/-aise*.

Итак, значение семельфактива — минимальная по длительности ситуация. Как мы показали выше, этот анализ наиболее полно описывает поведение деривации со всеми возможными акциональными типами, позволяет вывести конечную интерпретацию деривата, зная акциональную характеристику исходной основы, а также объясняет ограничения на сочетаемость деривации.

2.5. Сдвиг инхоатива в семельфактив

В пользу анализа семельфактива как минимальной ситуации также говорит пример мокшанского Семельфактива на *-kst(a)*.

В специальной литературе описания данного суффикса минимальны. Едва ли не единственное описание дается в [Цыганкин 1980], где автор выделяет два значения. Первое — это «сделать подобным корневому слову» (в современных терминах это, кажется, можно назвать каузативом): *кеме* 'крепкий' — *кеме-кста-мс* 'закрепить'. Второе — это «заниматься тем, что обозначает корневое слово»: *коз* 'кашель' — *коз-кста-мс* 'кашлянуть' [Цыганкин 1980: 121]. Однако такое краткое описание не позволяет нам сколько-нибудь глубоко понять семантику показателя, поэтому мы в дальнейшем будем опираться на собственные полевые данные. К тому же, как будет видно далее, семантика показателя, по крайней мере в исследованном нами говоре Темниковского района, расходится с тем, как ее описывает Д. В. Цыганкин.

Семантика мокшанского Семельфактива в целом такая же, как и у других семельфактивов. Дериваты от мультипликативных процессов обозначают атом такой ситуации:

(47) *brad-əz'ə koz-ksta-s' fes'ɪ'*
брат-1SG.POSS.SG кашлять-SMLF-PST.3SG один_раз
'Мой брат **кашлянул**'.

(48) *turn'ik-n'ε-n' esə pet'ε l'uka-ksc'*
турник-DIM-GEN в.1N П. качаться-SMLF.PST.3SG
'Петя **качнулся** на турнике'.

Деривация на *-kst* — это стандартный способ образовать глагол единичной ситуации от междометия или звукоподражания (ср. русские Семельфактивы от междометий и звукоподражаний типа *охнуть* < *ох*, *хлопнуть* < *хлоп*, *хряснуть* < *хрясь*):

- (49) *ava-s' uf-ksc' stakə rabota-t' ezdə*
 женщина-DEF ох-SMLF.PST.3SG тяжелая работа-DEF.GEN в.ABL
 'Женщина **вздохнула** от тяжелой работы'.
- (50) *mon šer'ft-in'ə bočke-t', vec' žol'd'ər'-ksc'*
 я качать-PST.1SG>3SG бочка-DEF.GEN вода.DEF бульк-SMLF.PST.3SG
 'Я толкнул бочку, и вода [в ней] **булькнула**'.

Дериваты от немультипликативных процессов могут иметь семантический эффект минимального результата (51)–(52) или минимальной интенсивности (53). Однако оба этих эффекта являются следствиями минимальной длительности ситуации: если что-то сыпалось недолго, то высыпалось немного; если что-то уменьшалось недолго, то уменьшилось оно в небольшой степени; если кого-то ругали недолго, то, вероятно, с малой интенсивностью.

- (51) *mešok-s' pra-s' i počf-s' pejer'-ksta-s' ez-də-nzə*
 мешок-DEF упасть-PST.3SG и мука-DEF сыпаться-SMLF-PST.3SG в-ABL-3SG.POSS
 'Мешок упал и из него **немного высыпалось** муки'.
 {Комментарий носителя: не до конца.}
- (52) *mus'k-in'ə panar-əz'ə-n' i son kir'-ksta-s'*
 стирать-PST.1SG>3SG рубаша-1SG.POSS.GEN и он уменьшиться-SMLF-PST.3SG
 'Постирали рубашку, она **немного села**'.
- (53) *d'ed'ε-z'ə s'uc'ə-ksta-z'ə l'ena-t'*
 мать-1SG.POSS ругать-SMLF-PST.3SG>3SG Л.-DEF.GEN
 'Мама **ругнула** Лену (за какую-то мелочь)'.

Если же Семельфактив образуется от состояния, то дериват имеет значение инхоатива, причем часто обозначает вхождение в ослабленное состояние.

- (54) *məz'ardə tu-s'-t' inžij-n'ə mon r'izna-kst-ən'*
 когда уйти-PST.3-PL гость-DEF.PL я грустить-SMLF-PST.1SG
 'Когда гости ушли, мне **взгрустнулось**'.
 {Комментарий носителя: если умерла мать, то такой глагол употребить нельзя.}
- (55) *s'er'εt'-ksc' gr'ip-sə / *infarkt-sə*
 болеть-SMLF.PST.3SG грипп-IN инфаркт-IN
 'Приболел гриппом / *инфарктом'.

Однако часть носителей в примере (55) все же разрешают употребление и с аргументом *infarkt-sə* 'инфарктом'. Более того Семельфактив на *-kst* сочетается в инхоативном значении и с прилагательными без оттенка ослабленности:

- (56) *s'oks'ə-n' vas'ən' ši-t'n'ə-n' ez-də*
 осень-GEN ранний день-DEF.PL-GEN в-ABL
lopa-t'n'ə t'užε-kstəm-s'-t'
 лист-DEF.PL желтый-SMLF-PST.3-PL
 'В ранние дни осени листья **стали желтеть**'.
- (57) *s'ovən'-c' l'ep-əl', kos'k-s', kemə-ksta-s'*
 глина-DEF мокрый-PQP.3SG высохнуть-PST.3SG твердый-SMLF-PST.3SG
 'Глина была мокрой, потом высохла и **затвердела**'.

Есть основания полагать, что деривация на *-kst* изначально имела значение инхоатива, а потом развила значение семьельфактива. Во-первых, исторически показатель *-kst* есть сочетание транслатива на *-ks* и суффикса для образования глаголов *-t* [Серебрянников 1967: 222]. Во-вторых, в отличие от диалекта, который исследовали мы, в литературном варианте мокшанского языка подавляющее большинство глаголов с *-kst* имеют лишь значение инхоатива. Большая часть литературных дериватов на *-kst* образована от существительных (58) и прилагательных (59) (примеры взяты из газеты «Мокшень правда» и представлены в стандартной орфографии).

- (58) *Писатель-сь ялга-кст-сь Александр Николаевич Бучин-онь*
 писатель-DEF друг-SMLF-PST.3SG А. Н. Б.-GEN
мархта, сон Жуков-онь шофёр-оу-оль <...>
 с он Ж.-GEN шофер-3SG.POSS.SG-PQP.3SG
 ‘Писатель **подружился** с Александром Николаевичем Бучиным, он был шофером Жукова <...>’ [Лобанов В. «Кельгома Вася атя...» // Мокшень правда, 29.09.2011, № 38]
- (59) *Венгрия-ста ту-м-да меле Жанна-нь и Эдит-онь ётка*
 В.-EL уйти-INF-ABL после Ж.-GEN и Э.-GEN между
ялгакси-сь нинге сядонга кемо-кста-сь.
 дружба-DEF еще больше крепкий-SMLF-3SG
 ‘После отъезда из Венгрии дружба между Жанной и Эдит **стала** еще более **крепкой**’. [Вешкин И. Кода мокшень стирсь и венгеркась арасть ялгакс // Мокшень правда, 25.08.2011, № 33]

Также встречаются инхоативы и от глаголов: как от стативных предикатов (60), так и от динамических (61).

- (60) *Сярять-кст-сь фкя актёр-сь, и аш-ель*
 болеть-SMLF-PST.3SG один актер-DEF и NEG.EX-PQP.3SG
ки-нди налхк-омс герой-ть Васенька-нь рол-енц.
 кто-ДАТ играть-INF герой-DEF.GEN В.-GEN роль-3SG.POSS.SG.GEN
 ‘**Заболел** один актер и некому было играть роль Васеньки’. [Волгапова А. Ролензон эса маряви мокшэрзянь // Мокшень правда, 16.02.2015]
- (61) *Радио-са аз-озь — лий-кста-сь космос-у*
 радио-IN рассказать-PST.3PL>3SG лететь-SMLF-PST.3SG космос-ЛАТ
омбоце космонавт-оньке Герман Титов.
 второй космонавт-1PL.POSS Г. Т.
 ‘По радио сообщили: **полетел** в космос второй наш космонавт Герман Титов’. [Тяпаев А. Толонь и ведень пачк // Мокшень правда, 21.04.2011, № 15]

Некоторые дериваты в литературном языке все же имеют значение семьельфактива, но их меньшинство.

- (62) *Тядя-зе кяжси сельмованф-са варжа-кст-сь*
 отец-1SG.POSS.SG злой взгляд-IN посмотреть-SMLF-PST.3SG
ланг-озо-н и мярьг-сь <...>
 на-ILL-1SG.POSS и говорить-PST.3SG
 ‘Отец зло **взглянул** на меня и сказал <...>’ [Корчеганов В. Н. Сёрматфнеса, учса, мо-рафнеса // Мокшень правда, 24.05.2012, № 20]
- (63) *Весть шир-езо-нк сува-сь сер-ес аф оцю аля,*
 однажды сторона-ILL-1PL.POSS войти-PST.3SG рост-ILL NEG большой мужик
шумбра-кст-сь сембо-нь мархта <...>
 здравствуй-SMLF-PST.3SG все-GEN с
 ‘Однажды на нашу сторону зашел невысокий мужик, **поздоровался** со всеми <...>’ [Тяпаев А. Кит сашендсть «Мокшень правда» // Мокшень правда, 25.10.2012, № 42]

По всей видимости, диалект, который мы исследовали, пошел дальше по пути грамматикализации инхоатива в сторону семьельфактива, а литературный вариант представляет собой более раннюю стадию грамматикализации показателя.

Мы видим следующую возможную историю развития *-kst*. Изначально это был показатель инхоатива, как в дериватах типа *jalga-kst* ‘подружиться’ (< *jalga* ‘друг’) или *s'er'et'-kst* ‘заболеть’ (< *s'er'ed'* ‘болеть’). Развитие показателя в сторону семьельфактива началось с глаголов звука, образованных от междометий и звукоподражаний типа *šumbra-kst* ‘поздороваться’ (< *šumbrat* ‘привет’) и *ij-kst* ‘охнуть’ (< *ij* ‘ох’). Эту семантическую близость инхоативов и семьельфактивов от глаголов звука замечали и другие исследователи (см., например, [Васц 2012]). В мокшанском языке глагол без показателя множественности употребляется только в значении единичной ситуации [Козлов 2018], так что при повторении ситуации был бы обязателен показатель множественности и исход глагольной основы выглядел бы как *-ksn* (< *-kst + -n*).

Затем показатель распространился на дериваты от мультипликативов типа *koz-ksta* ‘кашлянуть’ (< *koz* ‘кашлять’) и *tərnat-kst* ‘вздрагнуть’ (< *tərnat* ‘дрожать’). Если кто-то только начал кашлять или дрожать, то, скорее всего, осуществился только один или несколько атомов соответствующей ситуации. Если бы осуществилось много таких квантов, то, согласно принципу кооперации и максиме количества [Grice 1975], как самое информативное высказывание говорящий выбрал бы не сообщение о начале ситуации «он начал кашлять», а обычное сообщение о множественной ситуации «он кашлял» без показателя *-kst*. Далее с этим значением минимальной ситуации деривация распространилась на другие глаголы.

Инхоатив обозначает начальную фазу ситуации, то есть точку в ее начале. Эта точка в то же время является минимальной ситуацией, что сближает инхоатив с семьельфактивом. Описанный случай грамматикализации показателя инхоатива в семьельфактив поддерживает наш анализ семьельфактива как минимальной ситуации: неясно, как начало ситуации могло бы грамматикализироваться просто в квант мультипликативной ситуации или просто в неопределенное событие. Подобный случай грамматикализации инхоатива в семьельфактив наблюдается и в других языках — например, таков показатель *-psej* в нанайском (см. [Оскольская, Стойнова 2012]).

2.6. Выводы

Итак, мы обсудили деривацию семьельфактива. В подразделах 2.1–2.2 мы рассмотрели подходы к анализу семьельфактива, предложенные в литературе. Введя понятие атома и естественной атомарности в подразделе 2.3, в подразделе 2.4 мы предложили анализ семьельфактива как акционального преобразователя, вводящего **минимальную по длительности ситуацию**, и показали, как такое определение объясняет все наблюдаемые интерпретации с разными акциональными типами. Дополнительным аргументом в пользу такого анализа служат случаи развития у показателя инхоатива, обозначающего начальную, а затем и минимальную стадию ситуации, значения семьельфактива, как в подразделе 2.5.

3. Делимитатив

В данном разделе мы рассмотрим деривацию делимитатива в типологической перспективе. В подразделе 3.1 мы обсудим два подхода к понятию делимитатива в славянских языках. В подразделе 3.2 мы рассмотрим деривации делимитатива в неславянских языках: горномарийском и чувашском. В подразделе 3.3 мы предложим свой анализ делимитатива

и покажем, как из него выводятся наблюдаемые интерпретации в зависимости от аспектуального класса, а также обсудим варьирование дериваций делимитатива в разных языках. В подразделе 3.4 мы подведем итоги.

3.1. О понятии делимитатива

Большая часть исследований делимитатива была проведена на материале славянского Делимитатива на *po-*. Можно выделить два подхода к этой деривации.

Первый подход — скалярный, согласно которому делимитатив обозначает, что некоторый параметр в структуре ситуации имеет значение ниже нормального, ожидаемого. Примером такого подхода может послужить работа [Piñón 1994], посвященная польскому Делимитативу. В ней К. Пиньон показывает двойственность аспектуальной характеристики показателя.

С одной стороны, Пиньон показывает, что Делимитатив обозначает ограниченную ситуацию и тем самым схож с другими префиксальными глаголами Совершенного вида. Например, Делимитативы так же, как прочие глаголы Совершенного вида, реферируют к ситуации в будущем в синтетической форме непрощедшего времени (64) и не сочетаются с фазовыми глаголами типа *zacząć* ‘начать’, *przestać* ‘перестать’, *skończyć* ‘закончить’ (65).

(64) *Bożena poczyta gazetę.*

Б. почитает газету

‘Божена почитает / (*сейчас читает) газету’. [Piñón 1994: 349]

(65) **Irenka nagle przestała popić mleka /mleko.*

И. вдруг перестала попить молока молоко

Букв. «Ира вдруг перестала попить молоко». [Piñón 1994: 350]

С другой стороны, как отмечает Пиньон, Делимитативы обозначают процессы, имеющие длительность, а не мгновенные события. Этим они схожи с глаголами Несовершенного вида. Например, Делимитативы так же, как и глаголы Несовершенного вида, сочетаются с выражениями длительности ситуации (66) и не сочетаются с наречиями, указывающими на результирующее состояние, такими как *prawie* ‘почти’ (67).

(66) *Bożena poczytała gazetę dwadzieścia minut.*

Б. почитала газету двадцать минут

‘Божена почитала газету двадцать минут’. [Piñón 1994: 352]

(67) **Irenka prawie poczytała gazetę.*

И. почти почитала газету

Букв. «Ира почти почитала газету». [Piñón 1994: 353]

Также Пиньон замечает, что польский Делимитатив совместим только с контролируруемыми процессами:

(68) a. *Dziecko poleżało na stole.*

дитя полежало на столе

‘Ребенок полежал на столе’.

b. **Książka poleżała na stole.*

книжка полежала на столе

‘Книжка полежала на столе’.

К. Пиньон предлагает анализ Делимитатива как производной функции меры — такой функции, которая содержит в себе некоторую функцию меры. В случае Делимитатива это некоторая мера от длительности ситуации. По Пиньону *po-* принимает агентивный процесс

и указывает на то, что по некоторому параметру μ длительность процесса меньше ожидаемого значения.

Схожий анализ представлен в [Filip 2000] для русского языка. По существу анализ Х. Филип отличается только в двух аспектах. Во-первых, в ее анализе параметр не обязательно привязан ко времени. Во-вторых, значение этого параметра не строго меньше нормального значения, то есть может быть не только меньше, но и равно ему.

Скалярный анализ делимитатива хорошо описывает обычные употребления *по-*типа (69), где ситуация действительно меньше нормального значения.

(69) *Зажмурился, **посидел** немного с закрытыми глазами, снова глянул в воду и отстриг кусочек правого.* [Сергей Козлов. Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка // «Мурзилка», 2003]

Однако, как показывают примеры (70) и (71), дериваты на *по-* употребляются с наречием *воволь*, обозначающим, что степень реализации ситуации равна нормальной, а не меньше ее. Скалярный анализ плохо совместим с такими употреблениями. К тому же, иногда возможны употребления типа (72), где степень реализации ситуации больше, чем нормальная.

(70) *В сауне, **воволь попотеv** в жаркой парной, {...} финн благодушно разговорится с вами, сидя в гостинной за кружкой холодного пива.* (Пример из интернета, цит. по [Федотов, Чуйкова 2013: 178])

(71) *Когда я писала роман «Белая голубка Кордовы» — о гениальном поддельщике картин, — мне пришлось **воволь пошататься** по закоулкам и лавочкам Старгорода.* [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)]

(72) *Зарабатывая большие деньги, он большую часть их расходовал на еду, вот и сынок вышел в папашу не только лицом, но и умением хорошо и **много поесть**.* [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935)]

Другой подход к делимитативу — аспектуальный, согласно которому делимитатив — это оператор, который содержит исключительно семантику перфектива и не добавляет результирующего состояния.

В [Dickey, Hutcheson 2003] предлагается сравнение делимитативных дериваций в русском, чешском и польском. Как показывают параллельные примеры в (73), в русском Делимитатив невозможен в контексте, когда выраженный Делимитативным глаголом процесс в дальнейшем продолжается, тогда как в чешском и польском такое употребление возможно.

(73) а. **Мы **посидели** в приемной час и в пять часов еще продолжали здесь сидеть.* [Русский]

б. ***Posěděl** jsme hodinu v recepci a ještě o páté jsme tam seděli.* [Чешский]

с. ***Posiedzieliśmy** godzinę i o piątej jeszcze tutaj siedzieliśmy.* [Польский]

Как объясняют авторы, по значению Совершенного вида славянские языки делятся на два ареала — восточный (все восточнославянские языки и болгарский) и западный (остальные славянские языки). Дики и Хатчесон утверждают, что в западном ареале, к которому относятся чешский и польский, Совершенный вид обозначает то, что они назвали цельностью («totality»), т. е. концептуализацию ситуации как «неделимого целого». Это определение сродни понятию квантованности в [Grifka 1998].

В восточном ареале, как пишут Дики и Хатчесон, Совершенный вид обозначает временную определенность («temporal definiteness»). Ситуация обладает временной определенностью, если она уникальна во временной структуре дискурса, т. е. концептуализируется как единое целое и качественно отличается от предыдущего и последующего положения вещей [Dickey, Hutcheson 2003: 28].

Первый пример такой разницы, который приводят Дики и Хатчесон, — это хабитуальные контексты. В языках западного ареала нормально использовать в таких контекстах Совершенный вид (74a): единственное необходимое условие цельности здесь соблюдается, и ситуация квантованная. В языках же восточного ареала почти всегда используется Несовершенный вид (74b): хабитуальная ситуация повторяется, и поэтому ее нельзя понять как уникальную во времени. При этом, если ситуация встроена в некоторую цепочку, она оказывается уникальной внутри этой цепочки, поэтому Совершенный вид оказывается приемлемым (75).

(74) а. *Vypije_{CB} jednu skleničku vodky denně.* [Чешский]

б. *Каждый день он *выьет_{CB} / выпивает_{НСВ} по одной рюмке водки.* [Русский]

(75) *Он всегда так: выьет_{CB} кофе и пойдет_{CB} на работу.*

Другой пример, который приводят авторы, — общефактические контексты. В языках западного ареала Несовершенный вид не может оформлять единичное событие (76a): в таких контекстах ситуация всегда концептуализируется как законченная, цельная, поэтому обязателен Совершенный вид. В языках же восточного ареала типично употребление Несовершенного вида (76b): условие цельности не так важно в системах восточного типа, но зато важно то, что факт в (76b) не имеет уникальной локализации во времени, что необходимо для употребления Совершенного вида в таких языках.

(76) а. *Jednou už dostal_{CB} / *dostával_{НСВ} napomenutí za zpoždění.* [Чешский]

б. *Однажды он уже получил_{НСВ} выговор за опоздание.* [Русский]

Итак, вернемся к примеру (73) с Делимитативами, представленному выше. В случае чешского и польского единственное необходимое для употребления Делимитатива условие цельности соблюдается. Ситуация сидения концептуализируется как неделимое целое, т. е. квантованна, благодаря обстоятельству длительности *hodinu / godzinę* ‘час’, поэтому Совершенный вид употребим. В случае же русского условие уникальности не соблюдается: последующее сидение не отличается качественно от сидения, обозначаемого формой *посидели*. Поэтому в русском языке Совершенный вид в этом случае неупотребим.

На связь между характером Совершенного вида и характером Делимитатива в конкретных славянских языках указывают и факты диахронии. Как показывают Дики и Хатчесон, в русском и болгарском распространение делимитативного *по-* совпадает по времени с несколькими инновациями в области видовой оппозиции, произошедшими в XVII в. и сделавшими восточный Совершенный вид отличным от его западного коррелята.

Изначально приставки лишь подчеркивали естественный предел ситуации. Когда видовая оппозиция распространилась на все типы ситуации и стала обозначать временную определенность, образовалась потребность в перфективизаторе для ситуаций без естественного предела, так как такие ситуации тоже необходимо было встраивать в нарративную цепочку. Делимитатив заполнил эту лауну и стал основным перфективизатором: в современном русском *по-* — самая частотная приставка для образования Совершенного вида. С другой стороны, в языках западного ареала такой потребности не появилось. Поэтому в этих языках показатель Делимитатива употребляется реже. Итак, согласно Дики и Хатчесон, Делимитативная семантика *по-* является следствием более полной грамматикализации видовой оппозиции в русском языке, а Делимитатив функционирует в основном как нейтральный перфективизатор.

На аспектуальный характер Делимитатива указывают и ограничения сочетаемости. Как показывают М. Л. Федотов и О. Ю. Чуйкова [2013], Делимитатив не сочетается с событиями (77)–(78). Исследователи объясняют это тем, что Делимитатив обозначает, что реализуется только срединная стадия ситуации, а у событий этой срединной стадии нет.

(77) *находить* > **понаходить* (книгу)

(78) *приходить* > **поприходить* (в единичном значении)

Другое ограничение, выделяемое Федотовым и Чуйковой, — возможность концептуализации «идеальной» ситуации как прерываемой. Так как, по их определению, Делимитатив обозначает прерванную, незавершенную ситуацию, то эту ситуацию должно быть возможно прервать. Поэтому с Делимитативом не употребляются глаголы, которые обозначают ситуацию, предполагающую обязательное достижение естественного предела (79). При этом такие глаголы, как в (80), употребимы в актуально-длительной интерпретации (*Что ты делаешь?* — **Выдаю** книгу *Vase.*), поэтому следует полагать, что срединная фаза у них все же есть.

(79) *рассрелять* > **порассрелять* (в единичном значении)

(80) *выдавать* > **повыдавать* (книгу) (в единичном значении)

К классу глаголов, которые не соответствуют этому ограничению, относятся также вневременные состояния, или состояния индивидуального уровня: эти ситуации нельзя прервать, так как они находятся вне временного измерения.

(81) *картавить* > **покартавить*

Федотов и Чуйкова обобщают это ограничение так: чтобы употребляться с Делимитативом, ситуация должна быть внутренне «ненацеленной». Внутренне «ненацеленной» они называют такую ситуацию, где отсутствует интенция участника или внутренняя тенденция достичь естественного предела.

К схожему обобщению приходят К. Л. Киселева и С. Г. Татевосов и называют такое свойство ситуации внутренней гомогенностью [Kisseleva, Tatevosov 2011; Tatevosov 2015]. Это свойство заключается в том, что у ситуации отсутствует причинная и временная упорядоченность. Другими словами, не должно быть так, что ситуация делится на подситуации и при этом существует ровно одна начальная подситуация и для каждой подситуации существует ровно один исход.

Это ограничение справедливо, однако у Киселевой и Татевосова оно существует как бы отдельно от семантики Делимитатива, которую они описывают как стандартную семантику перфектива. Непонятно, почему Делимитатив имеет именно это ограничение, а не другое. Федотов и Чуйкова же связывают его с семантикой Делимитатива. Согласно их описанию, Делимитатив значит, что реализуется только срединная стадия ситуации. Именно поэтому должна наличествовать срединная стадия и должно быть возможно, чтобы она имела место без реализации конечной стадии.

Впрочем, анализ Федотова и Чуйковой не объясняет употребления *по-*, который образует так называемый видовой коррелят: авторы не ставили такой цели. В подразделе 3.3 мы предпримем попытку приблизиться к семантике для *по-* и подобных ему показателей, которая бы позволила нам охватить и такие употребления. В следующем же подразделе мы опишем примеры делимитатива вне славянского ареала.

3.2. Делимитатив в других языках

Делимитативные деривации встречаются не только в славянских языках. Один из примеров делимитатива — показатель Аттенуатива на *-all/-alall/-ǎldal* в горномарийском языке.

В литературе по марийским языкам показателям Аттенуатива посвящены лишь короткие упоминания. Перечисляя аспектуальные аффиксы горномарийского языка, А. А. Саваткова описывает дериваты с показателем *-all/-ǎl* как «однократно-моментальные глаголы

с уменьшительно-ласкательным значением», а дериваты на *-âldal/-âldâl* — как «многokратные глаголы незначительного действия» [Саваткова 2002: 209, 212, 215]. И. С. Галкин, описывая суффиксы *-al/-âl*, *-alt/-âlt* и *-âld/-âld*, дает им схожую характеристику, однако ему больше интересна история этих суффиксов [Галкин 1966: 94–95, 122–129]. Поэтому дальнейшее описание горномарийского Аттенуатива будет основано на наших собственных полевых данных (также см. [Макаrchук 2019]).

Эти показатели находятся в дополнительной дистрибуции. Показатель *-al* употребляется только с многосложными основами. Показатели *-alal* и *-âldal* употребляются с односложными основами в зависимости от типа спряжения.

Горномарийский Аттенуатив полисемичен.

Одна из часто воспроизводимых интерпретаций — лимитатив, «длительная, но ограниченная во времени ситуация» по [Плунгян 2011: 396]:

- (82) *ovošč-vlâ-m lu minut nârâ šolt-alal-aš kel-eš*
 овощ-PL-ACC десять минута около варить-ATT-INF надо-NPST.3SG
 ‘Овощи нужно **поварить** минут десять’.

При этом длительность обязательно должна быть меньше нормальной. Если в предложении прямо указана длительность, равная нормальной для данной ситуации или превышающая ее, то возникает противоречие и предложение оказывается неграмматичным.

- (83) {Ситуация: нужно проработать шесть часов.}

a. *vas'a kok câš vele rovojaj-al-ân*
 В. два час лишь работать-ATT-PRF.3SG

‘Вася **поработал** всего лишь два часа’.

b. **a pet'a kändäkš câš vâk rovojaj-al-ân*
 а П. восемь час даже работать-ATT-PRF.3SG

Ожид.: ‘А вот Петя **поработал** целых восемь часов!’

Более того, горномарийский Аттенуатив несовместим с интерпретацией, при которой ситуация достигает естественного предела. Поэтому он не сочетается с такими наречиями, как ‘сразу’, ‘залпом’, ‘за раз’, требующими такой интерпретации⁵, несмотря на то, что длительность ситуации меньше нормальной:

- (84) **a pet'a ikänâ-štâ roman-xälâ lâd-âldal-ân*
 а П. один_раз-IN роман-целиком читать-ATT-PRF.3SG

Ожид.: ‘А Петя залпом **прочел** весь роман’.

Другая регулярная интерпретация — вхождение в краткое состояние: участник ситуации достигает некоего состояния, но длится оно недолго, после чего он возвращается в исходное состояние:

- (85) *ât'â-m kečävâl pašte tokâ-na pâr-alal'-â*
 отец-POSS.1SG полдень после домой-POSS.1PL прийти-ATT-AOR.3SG

‘Отец полудни **заскочил** (= **зашел ненадолго**) домой’.

Здесь длительность состояния также должна быть короткой. Поэтому показатель Аттенуатива невозможно употребить, если состояние необратимо (86) или его длительность равна или больше нормальной (87):

- (86) *mân' tâng-em-lân ručk-âm / *podark-âm pu-alal'-âm*
 я друг-POSS.1SG-DAT ручка-ACC подарок-ACC дать-ATT-AOR.1SG

‘Я **одолжил** (= **дал ненадолго**) другу ручку / *подарил другу подарок’.

⁵ Ср. русские предельный *съесть* и непредельный *поесть*: ^{OK}*сразу* / ^{OK}*за пять минут съел суп* vs. ^{??}*сразу* / ^{??}*за пять минут поел суп*.

- (87) *män' väc minut-eš / *väc ärn'ä-eš pâr-alal'-äm*
 я пять минута-ЛАГ пять неделя-ЛАГ прийти-АТТ-АОР.1SG
 'Я **заскочил** на пять минут / *приехал на пять недель'.

И наконец, Аттенуатив может обозначать, что ситуация реализована частично. Это может проявляться в малой степени выраженности результирующего состояния (88) или в частичности задействованности актанта (89).

- (88) *kängäžäm män' okn'a-vlä-m pač-äldal-än kod-em*
 летом я окно-PL-ACC открыть-АТТ-CVB оставить-NPST.1SG
 'Летом я оставляю окна **приоткрытыми**'.

- (89) *stöl väl-nä kol šänz-ä*
 стол на-IN рыба сидеть-NPST.3SG
 'На столе лежит рыба'.

a. *kačk-äldal'-äm dä jäl-län kod-äšäm*
 есть-АТТ-АОР.1SG и люди-ДАТ оставить-АОР.1SG
 'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и другим оставила'.

b. **kačk-äldal'-äm dä šä-m kodə*
 есть-АТТ-АОР.3SG и NEG.АОР-1SG оставить.CN
 Ожид.: 'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и ничего не оставила'.

В чувашском языке есть похожая деривация с легким глаголом *il-* 'брать' [Шлуинский 2006]. Она имеет схожий с горномарийским Аттенуативом набор интерпретаций. Как показывает А. Б. Шлуинский, интерпретация деривата зависит от акциональности исходного глагола. Если глагол имеет так называемую «непредельную интерпретацию», т. е. может обозначать состояние или процесс, то в сочетании с *il-* он получает лимитативную интерпретацию:

- (90) *ivan čirle-se il-č-ě*
 Иван болеть-CONV брать-PST-3
 'Иван немного поболел'.

- (91) *kupästa šer-se il-č-ě*
 капуста гнить-CONV брать-PST-3
 'Капуста немного погнила'.

Если глагол имеет так называемую «предельную интерпретацию», т. е. является событием, то дериват от него обозначает вхождение в короткое состояние, или, как его описывает Шлуинский, антирезультатив:

- (92) *šuta süin-se il-č-ě*
 свет гаснуть-CONV брать-PST-3
 'Свет погас и снова загорелся'.

Единственное отличие чувашской деривации заключается в поведении дериватов от мультипликативных глаголов. Вместо ожидаемой лимитативной интерпретации дериват имеет значение кванта мультипликативной ситуации. Впрочем, далее мы отметим, как такая, на первый взгляд, аберрация легко встраивается в значение делимитатива.

- (93) *šiv tumla-sa il-č-ě*
 вода капать-CONV брать-PST-3
 'Вода (один раз) капнула'.

3.3. Порция ситуации

Мы предлагаем следующее определение: делимитатив выделяет **неконечную порцию ситуации**⁶. Рассмотрим подробнее, как такое определение работает с разными акциональными классами и как выводятся наблюдаемые интерпретации.

Если исходная основа — состояние или процесс, то делимитатив обозначает, что это состояние или процесс началось и имело место некоторое время, а потом прекратилось.

(94) а. Русский

подышать < *дышать*

почитать < *читать*

б. Горномарийский (собственные полевые данные)

šül-älül'-ä 'подышал немного' < *šül-äš* 'дышал'

läd-äldal'-ä 'почитал' < *läd-ä* 'читал'

с. Чувашский [Шлуинский 2006]

šivär-sa ilčë 'немного поспал' < *šivär-čë* 'спал'

šer-sa ilčë 'немного погнила' < *šer-čë* 'гнила'

При этом примеры типа (93), где дериват от мультипликативного процесса обозначает один квант ситуации, легко встраиваются в такой анализ. Один квант мультипликативного процесса — это тоже порция этого процесса, пусть и важный частный случай, и количество квантов зависит от того, какая интерпретация более адекватна прагматически.

Уточнение, что порция неконечная, необходимо для того, чтобы указать, что оператор делимитатива не может обозначать окончание ситуации, которая имела место до этого, например, как в глаголе *дописывать*. Неформально говоря, делимитатив не может обозначать вторую половину ситуации, только первую. При этом оказывается не нужной апелляция к фазам ситуации в том смысле, что нам не нужно знать, что является срединной фазой ситуации и есть ли она в структуре ситуации.

Когда делимитатив «берет» порцию ситуации, в ассерции нет информации о какой-либо результирующей фазе. Однако в правильном контексте или при правильном глаголе такая информация может добавляться в результате коэрсии, как в случаях употребления глагола с наречием *вдоволь* в примерах (70)–(71) выше.

Подобным образом с помощью механизма имплицатуры можно объяснить также случаи глаголов типа *поест* и *попросить*. Дело в том, что для таких глаголов порция ситуации сама по себе является полноценной ситуацией. Если произошла порция ситуации поедания, то какое-то поедание уже завершено, так как этот глагол инкрементален. Как правило, такой глагол обозначает частичную ситуацию (95а), но это происходит потому, что есть альтернативный глагол, имеющий в своей ассерции результирующее значение (95б). В других контекстах делимитатив может обозначать просто факт поедания (95с). Порция ситуации *просить* оказывается полноценной по другой причине: это глагол, обозначающий попытку действия, поэтому если произошла хотя бы одна попытка, то можно считать, что попытка имела место.

(95) а. *Я поел пирог,* ^{OK}*но он еще остался / ?и его больше нет.*

б. *Я съел пирог,* [?]*но он еще остался / ^{OK}и его больше нет.*

с. *Ты поел?* — *Я поел и наелся.*

⁶ Мы благодарим анонимного рецензента за помощь в уточнении формулировки этого значения.

Как представляется, в подобной логике можно объяснить многие «видовые пары» на *po-* типа *грузить* — *погрузить*. Так как в значении *po-* нет указания на результирующее состояние, он позволяет образовывать глаголы Совершенного вида от глаголов, у которых нет результирующей фазы в структуре ситуации (ср. обсуждавшееся выше объяснение Дики и Хатчесон *po-* как нейтрального перфективизатора в разделе 3.1 и [Dickey, Hutcheson 2003]). При этом, если говорящий употребляет глагол Совершенного вида, обозначающий порцию ситуации, вместо глагола Несовершенного вида, по максиме количества [Grice 1975] появляется импликатура, что ситуация закончилась и завершилась некоторым результатом — иначе был бы использован менее информативный глагол Несовершенного вида. Таким образом, результирующая фаза — это просто закрепившаяся импликатура.

В этом месте проявляется разница между русским и горномарийским делимитативом. По всей вероятности, в горномарийском «частичность» ситуации обязательна (см. (89) выше).

При анализе делимитатива как неконечной порции ситуации легко объяснить, почему он не образуется от вневременных состояний и вхождений в них. Дело в том, что взять порцию от такого вневременного состояния невозможно: оно не делится на какие-либо части. Примеры типа (96)–(97) выглядят странно и требуют реинтерпретации состояния как временного: чтобы был употребим делимитатив, глагольные основы в (96) и (97) нужно переинтерпретировать как обозначающие временные состояния «притворяться, что шепелявишь» и «вести себя, как мариец» соответственно.

(96) ^{??}*Вася пошепелявил час, а потом перестал.*

(97) [?]*tādä marəŋ äł-äldal'-ä dä vara rušəŋ li-n*
 тот мариец быть-АТГ-АОР.3SG и потом русский стать-PRF.3SG
 'Он **побыл** марицем, а потом стал русским'.

Делимитативы от событий в разных языках ведут себя по-разному. В русском такие дериваты невозможны (в единичной интерпретации), тогда как по-марийски и по-чуваши они обозначают, что результирующее состояние данного события вскоре прекратилось.

(98) а. Русский

**ноприходить* < *приходить* (в единичном значении)

**норасстреливать* < *расстреливать* (в единичном значении)

б. Горномарийский (собственные полевые данные)

pər-älal'-ä 'заскочил' < *pər-äš* 'зашел'

pišt-äläl'-ä 'положил ненадолго' < *pišt-äš* 'положил'

с. Чувашский [Шлуинский 2006]

sün-se ilčë 'погас и снова вспыхнул' < *sünčë* 'погас'

šuxal-sa ilčë 'потерялся и нашелся' < *šuxalčë* 'потерялся'

Возможно, языки различаются тем, какие части ситуации доступны делимитативу. В русском делимитатив не может модифицировать результирующее состояние, поэтому порцию от события выделить не получается. В горномарийском и чувашском же, по всей видимости, частью ситуации, доступной оператору делимитатива, является и ее результирующее состояние, поэтому в этих языках делимитатив может выделить порцию этого состояния.

3.4. Выводы

Итак, мы обсудили деривацию делимитатива. В разделе 3.1 мы рассмотрели трактовки делимитатива, предложенные в литературе для славянских языков. В разделе 3.2 мы описали две деривации делимитатива вне славянского ареала. И наконец, в разделе 3.3 мы предложили анализ делимитатива как неконечной порции ситуации и показали, как такое определение предсказывает наблюдаемые интерпретации с разными акциональными классами.

4. Заключение

Подведем итоги. В данной статье мы рассмотрели деривации семельфактива и делимитатива в типологической перспективе и обсудили предлагаемые в литературе описания этих дериваций. Описав поведение дериватов в зависимости от акциональной характеристики исходной основы, мы пришли к следующим ядерным значениям семельфактива и делимитатива.

Семельфактив обозначает **минимальную по длительности ситуацию, атом** некоторой ситуации. Если дериват образуется от мультипликативного процесса (как, например, *кашлянуть* от *кашлять*), то конечная интерпретация деривата — один квант, или подситуация, множественной, мультипликативной ситуации: в семантике мультипликативного процесса уже задан атом этой ситуации, поэтому семельфактиву остается только его «предъявить». Если исходная основа — немultipликативный процесс, то ситуация не имеет естественных атомов в своей семантике и семельфактив пытается самостоятельно построить такую минимальную по длительности ситуацию соответственно контексту (как, например, *курнуть* от *курить*). Так как семельфактив обозначает минимальную ситуацию, он не образуется от событий в силу того, что события не имеют длительности (или, в иной трактовке, имеют нулевую длительность) и их оказывается невозможным сравнить между собой по этому параметру. Также невозможны семельфактивы от вневременных состояний, так как у таких состояний не выделяется длительность в структуре ситуации. Что касается образования семельфактивов от других типов состояний, языки в этом отношении демонстрируют вариативность.

Делимитатив обозначает **неконечную порцию ситуации**. Если дериват образуется от процесса или состояния, то он обозначает ситуацию, которая началась и имела место некоторое время (например, *почитать* от *читать*). Если любая часть ситуации приводит к желаемому результату, то такой дериват является полноценной ситуацией (ср. *Ты поел?* — *Я поел и наелся*), хотя это зависит от языка. Если порция ситуации не приводит к результату (например, потому что процесс инкрементальный), то делимитатив обозначает частичную ситуацию (ср. *Вася **пописал** письмо, ?? и написал / ОКно не закончил*). Аналогично семельфактивам, оказываются невозможны делимитативы от вневременных состояний, так как у таких состояний не выделяется какая-либо четкая длительность в структуре ситуации. Что касается образования делимитативов от событий, то по данному параметру языки различаются. Если делимитативы от событий все же образуются, то они означают, что результирующее состояние данного события в скором времени прекратилось (например, горномарийское *pu-alal* — ‘одолжить (= дать на время)’ от *pu* — ‘дать’) — таким образом, делимитатив берет порцию результирующего состояния.

Исследователю, который не изучал глубоко словообразовательные аспектуальные показатели, может на первый взгляд показаться, что их интерпретации идиосинкратичны и мало предсказуемы. Однако, как показывает наше исследование, если хорошо определить семантику деривационного показателя, то конечную интерпретацию деривата предсказать из семантики исходной основы оказывается возможным, а кажущийся хаос

словообразования превращается в не лишённую стройности систему. Семантика аспектуальных показателей представляет собой обширную область для возможных будущих исследований, в которой многое ещё остается неизученным.

Область глагольного вида неоднородна, и одной из ее составляющих является затронутая в этой статье область **глагольной меры** — значения, выражающие некоторую меру или степень ситуации по тому или иному параметру. Мы выражаем надежду, что больше исследователей обратят внимание на этот раздел аспектологии, что позволит углубить наше понимание того, чем является глагольный вид и из каких компонентов он состоит.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

ANTA, AISE — финский Глагольный Диминутив

AOR — горномарийский Аорист

ATT — горномарийский Атенуатив

CN — конегатив

CONV, CVB — деепричастие

DAT — датив

DEF — определенность

DIM — диминутив

EL — элатив

F — женский род

GEN — генетив

ILL — иллатив

IN — инессив

INF — инфинитив

LAT — латив

M — мужской род

MOM — хантыйский Моментатив

NEG — отрицание

NEG.EX — экзистенциальное отрицание

NPST — непрошедшее время

PART — партитив

PAST — прошедшее время

PL — множественное число

PLUR — Плюратив в языке гаввада

POSS — посессивность

PRF — горномарийский Перфект

PST — прошедшее время

PPR — Второе Прошедшее время в мокшанском

SG — единственное число

SING — Сингулятив в языке гаввада

SMLF — семьяфактив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. *Семантические типы предикатов*. Селиверстова О. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1982. [Bulygina T. V. Towards a typology of predicates in Russian. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982.]
- Галкин 1966 — Галкин И. С. *Историческая грамматика марийского языка*. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1966. [Galkin I. S. *Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka* [Historical grammar of Mari]. Vol. 2. Yoshkar-Ola: Mari Publishing House, 1966.]
- Горбова 2016 — Горбова Е. В. Русские семьяфактивы и непрототипическая алломорфия. [Gorbova E. V. Russian semelfactives and non-prototypical allomorphy. *Russian Linguistics*, 2016, 40(1): 57–78.]
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. *Введение в русскую аспектологию*. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Козлов 2018 — Козлов А. А. Фреквентатив. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 438–457. [Kozlov A. A. Frequentative. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 438–457.]
- Макарчук 2019 — Макарчук И. В. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке. *Acta linguistica Petropolitana*, 2019, т. XV, ч. 2: 130–162. [Makarchuk I. V. Verbal attenuative in Hill Mari. *Acta linguistica Petropolitana*, 2019, vol. XV, part 2: 130–162.]
- Оскольская, Стойнова 2012 — Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке. *Проблемы языка: Сб. научных статей по материалам Первой*

- конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Девяткина Е. М., Ганенков Д. С., Маховиков Д. В., Шлуинский А. Б. (ред.). М.: Ин-т языкознания РАН, 2012, 213–230. [Oskolskaya S. A., Stoyanova N. M. Means of expression of the initial phase of event in Nanai. *Problemy yazyka: Proc. of the 1st Conf. "Problems of language: Young scholars' perspective"*. Devyatkina E. M., Ganenkov D. S., Makhovikov D. V., Shluinskii A. B. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics, 2012, 213–230.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. 'Быстро' в грамматике русского и других языков. *Слово в тексте и словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна*. Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки русской культуры, 2000, 212–223. [Plungian V. A. 'Fast' in grammar of Russian and other languages. *Slovo s tekste i slovare: Sbornik statei k 70-letiyu akad. Yu. D. Апресяна*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 212–223.]
- Плунгян 2009 — Плунгян В. А. К вопросу об акциональной классификации предикатов: акционально связанные ситуации. [Plungian V. A. On actional classification of predicates: Actionally bound events.] *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag*. Scholze L., Wiemer B. (eds.). Bochum: Brockmeyer, 2009, 57–74.
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Саваткова 2002 — Саваткова А. А. *Горное наречие мари́йского языка*. [Savatkova A. A. *Gornoe narechie mariiskogo yazyka* [The Hill dialect of the Mari language].] Szombathely: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. *Историческая морфология мордовских языков*. М.: Наука, 1967. [Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of Mordvinic languages]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. *Акциональность в лексике и грамматике*. Дис. ... докт. филол. наук. МГУ, 2010. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike* [Actionality in lexicon and grammar]. Ph.D. diss. Moscow State Univ., 2010.]
- Федотов, Чуйкова 2013 — Федотов М. Л., Чуйкова О. Ю. К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. *Из прошлого в будущее. Сб. статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова*. Грехова Е. И. (ред.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013, 153–203. [Fedotov M. L., Chuiikova O. Yu. Towards a definition of limitative aspect and on some features of Russian 'delimitative' derivation. *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statei i vospominanii k 100-letiyu professora Yu. S. Maslova*. Grekhova E. I. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2013, 153–203.]
- Храковский 1998 — Храковский В. С. Типология семelfактива. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Черткова М. Ю. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1998, 485–490. [Xrakovskij V. S. Typology of semelfactive. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998, 485–490.]
- Цыганкин 1980 — Цыганкин Д. В. (ред.). *Грамматика мордовских языков: фонетика, графика, орфография, морфология*. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1980. [Tsygankin D. V. (ed.). *Grammatika mordovskikh yazykov: fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of Mordvinic languages: Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Saransk: N. P. Ogarev Mordvin State Univ., 1980.]
- Шлуинский 2006 — Шлуинский А. Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция с вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке. *Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология*, 2006, 1: 32–47. [Shluinskii A. B. Actionality and an aspectual marker: Construction with the auxiliary verb *il-* in Chuvash. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2006, 1: 32–47.]
- Янда 2012 — Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов. *Вопросы языкознания*, 2012, 6: 3–47. [Janda L. A. Russian prefixes as a verb classifier system. *Voprosy Jazykoznanija*, 2012, 6: 3–47.]
- Armoškaitė, Koskinen 2008 — Armoškaitė S., Koskinen P. Diminutive verbal suffixes in Finnish. *Proc. of the 2008 Annual Conf. of the Canadian Linguistic Association*, 2008, 1–13.
- Armoškaitė, Sherkina-Lieber 2008 — Armoškaitė S., Sherkina-Lieber M. Event number suffixes in Russian and Lithuanian. *Proc. of Annual Workshop of Slavic Linguistics*. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2008, 1–16.
- Bacz 2012 — Bacz B. Reflections on semelfactivity in Polish. *Studies in Polish Linguistics*, 2012, 7: 107–128.

- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Dickey 2001 — Dickey S. M. “Semelfactive” *-nq-* and the Western Aspect Gestalt. *Journal of Slavic Linguistics*, 2001, 9(1): 25–48.
- Dickey, Hutcheson 2003 — Dickey S. M., Hutcheson J. Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic. *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists*. Maguire R. A., Timberlake A. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2003, 23–36.
- Filip 2000 — Filip H. The quantization puzzle. *Events as grammatical objects, from the combined perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*. Pustejovsky J., Tenny C. (eds.). Stanford: CSLI Press, 2000, 3–60.
- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*. Vol. 3. Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York: Academic Press, 1975, 41–58.
- Kangasmaa-Minn 1984 — Kangasmaa-Minn E. Tense, aspect and Aktionsarten in Finno-Ugrian. *Aspect bound*. De Groot C., Tommola H. (eds.). Berlin: De Gruyter, 1984, 77–93.
- Karlsson 1999 — Karlsson F. *Finnish: An essential grammar*. 2nd edn. London: Routledge, 1999.
- Kisseleva, Tatevosov 2011 — Kisseleva X. L., Tatevosov S. G. Ordered activities and semantics of the delimitative. Talk presented on the *Sixth Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society*, Provence, 2011.
- Krifka 1998 — Krifka M. *The origins of telicity. Events and grammar*. Rothstein S. D. (ed.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1998, 197–235.
- Makarchuk 2020 — Makarchuk I. V. *Typology of verbal attenuative*. Master thesis. HSE Univ., Moscow, 2020. https://www.academia.edu/43196984/Typology_of_verbal_attenuative.
- Makarova, Janda 2009 — Makarova A., Janda L. A. Do it once: A case study of the Russian *-nu-* semelfactives. *Scando-Slavica*, 2009, 55(1): 78–99.
- Mehlig 1994 — Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке [Homogeneity and heterogeneity in space and time: On verbal aspect in Russian]. *Revue des études slaves*, 1994, 66(3): 585–606.
- Nordrum 2020 — Nordrum M. *Together and apart. Perfective verbs with a prefix and the semelfactive suffix -nu- in Contemporary Standard Russian*. Tromsø: Univ. of Tromsø, 2020.
- Paducheva, Pentus 2008 — Paducheva E., Pentus M. Formal and informal semantics of telicity. *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. Rothstein S. D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 191–215.
- Piñón 1994 — Piñón C. Aspectual composition and the “pofective” in Polish. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The MIT Meeting*. Avrutin S., Franks S., Progovac L. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1994, 341–373.
- Rothstein 2008 — Rothstein S. D. Telicity, atomicity and the Vendler classification of verbs. *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. Rothstein S. D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 43–77.
- Smith 1997 — Smith C. S. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1997.
- Sokolova 2015 — Sokolova S. “Rabotnul na slavu — gul’ni smelo!”: *-NU-* as a universal aspectual marker in non-standard Russian. *Proc. of the 5th Conf. of the International Commission on Aspectology*. Kyoto: Kyoto Sangyo Univ., 2015, 271–277.
- Sulkala 1996 — Sulkala H. Expression of aspectual meanings in Finnish and Estonian. *Estonian: Typological studies*. Vol. 1. Erelt M. (ed.). Tartu: Univ. of Tartu Press, 1996, 165–225.
- Tatevosov 2003 — Tatevosov S. G. Situational diminutives: Towards a typology. Talk presented at the *5th International Conf. of the Association for Linguistic Typology*, Cagliari, 2003.
- Tatevosov 2015 — Tatevosov S. G. Constraining the distribution of the delimitative. Talk presented at the Conf. “*Formal Approaches to Slavic Linguistics*”, 2015.
- Tosco 2007 — Tosco M. Semelfactive verbs, plurative nouns: On number in Gawwada (Cushitic). *Proc. of the 13th Italian Meeting of Afro-Asiatic Linguistics*. Fales F. M., Grassi G. F. (eds.). Padova: S.A.R.G.O.N., 2007, 385–399.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The Philosophical Review*, 1957, 66(2): 143–160.

Базовые обозначения боли в бесермянском удмуртском

© 2021

Мария Николаевна Усачёва^{а. @}Анна Леонидовна Леонтьева^{б. @}^аИнститут языкознания РАН, Москва, Россия; mu@iling-ran.ru;^бНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; aleonteva@hse.ru

Аннотация: В работе представлены результаты лексико-типологического исследования бесермянского идиома — варианта удмуртского языка, характеризующегося высокой степенью влияния контактных языков — тюркских и русского. В статье описываются языковые единицы, обозначающие неспецифицированные болевые ощущения. Материал рассматривается в лексико-семантическом и синтаксическом ракурсе: выделяются лексические единицы, способные обозначать неспецифицированное болевое ощущение, семантически непроемкие и развившие болевое значение из неболевого; для последних указываются первичные значения и механизмы семантических переходов. Отдельно рассматриваются пути дальнейшего развития болевых значений: возможность обозначения утраты функциональности места локализации болевых ощущений и эмоциональных страданий. Выделяются модели управления болевых предикатов, оцениваются возможности кодирования различных участников болевой ситуации: лица, испытывающего боль, и части тела или внутреннего органа, где локализуется боль. Бесермянские данные сопоставляются с данными близкородственного коми-зырянского языка, с одной стороны, и с данными контактных языков: татарского и русского, — с другой. Показывается, что бесермянский идиом демонстрирует лексически более богатую систему обозначения неспецифицированных болевых ощущений, чем каждый из упомянутых языков в отдельности, сохраняя общепермские черты и заимствуя новые из контактных языков. Однако возможность морфологического кодирования различных аспектов неспецифицированной боли (интенсивности, аспектуальных характеристик), присущая близкородственному коми-зырянскому, в бесермянском удмуртском практически не реализуется: он, как и тюркские языки, предпочитает использовать для этой цели собственно лексические средства — адвербиалы и идеофоны. Характерное для бесермянского разнообразие средств кодирования актантов болевой ситуации является общей чертой пермских языков, которая поддерживается влиянием русского языка.

Ключевые слова: бесермянское наречие, лексическая типология, пермские языки, предикаты боли, удмуртский язык

Благодарности: Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 20-512-14003 АНФ_а «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

Для цитирования: Усачёва М. Н., Леонтьева А. Л. Базовые обозначения боли в бесермянском удмуртском. *Вопросы языкознания*, 2021, 6: 69–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.69-98

Basic pain terms in Beserman Udmurt

Maria N. Usacheva^{a, @}

Anna L. Leontyeva^{b, @}

^aInstitute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mu@iling-ran.ru;

^bHSE University, Moscow, Russia; aleonteva@hse.ru

Abstract: This paper is devoted to semantic structure and syntactic properties of predicates of pain in Beserman Udmurt. Beserman is a variety of Udmurt spoken in northwestern Udmurtia, which has undergone contact influence of Russian dialects and of Turkic languages. We analyze meanings and compatibility of units which denote pain, describe grammatical encoding of different participants of the situation of pain — the experiencer, the body part where pain is located, and the cause of pain. We consider the following parameters to be relevant for encoding the situation of pain in Beserman Udmurt: type of experiencer, location of pain and its cause (including a human making someone feel pain), pure pain vs. pain accompanied by functionality loss, physical pain vs. painful emotions, intensity of pain and its type. We compare Beserman Udmurt data with those from idioms which either are closely related to Udmurt genetically or are in the situation of close contact with it — namely, with the data from Komi-Zyrian, certain Russian dialects, and Turkic languages. We show that unlike Komi-Zyrian, its relative, Beserman Udmurt encodes different types of pain on the lexical level (i. e. by verbal roots and ideophones), not on the grammatical one (i. e. through morphological derivation). In this respect, Beserman Udmurt resembles certain Turkic languages. The diversity of argument encoding in expressions of pain is a common trait of Beserman Udmurt and Komi-Zyrian; it seems to be supported by the influence of Russian dialects.

Keywords: Beserman, lexical typology, pain predicates, Permian, Udmurt

Acknowledgements: This work was supported by RFBR grant No. 20-512-14003 ASCF A “Linguistic diversity in the Volga–Kama region. Typology and language documentation between Volga and the Urals”.

For citation: Usacheva M., Leontyeva A. Basic pain terms in Beserman Udmurt. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 69–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.69-98

Введение

Настоящее исследование выполнено в парадигме лексической типологии, основная задача которой — выделение параметров, релевантных для концептуализации некоторого явления действительности (объекта, ситуации) средствами произвольного языка. В парадигме лексической типологии были описаны предикаты температуры [Копчевская-Тамм, Рахилина 1999; Кортъевская-Тамм 2015], плавания [Майсак, Рахилина 2007], падения [Кашкин, Плешак 2015], боли [Брицын и др. 2009; Рахилина 2010] и некоторые другие. Нас будет интересовать семантическая зона боли в бесермянском наречии удмуртского языка¹. Материалы для статьи собирались в деревне Шамардан Юкаменского района Удмуртской

¹ Основные отличия бесермянского наречия от других групп удмуртских диалектов лежат прежде всего в области фонетики и лексики [Кельмаков 1998; Люкина 2008], в меньшей степени в области морфологии. Словарный состав бесермянского наречия характеризуется наличием достаточно большого по сравнению со многими удмуртскими диалектами количества заимствований из русского языка (а именно, из севернорусского наречия). Хорошо освоенные русские заимствования нередко воспринимаются бесермянами как исконные слова, отличающие бесермянское наречие от других разновидностей удмуртского языка («наше слово *petuk*, *atas* только удмурты говорят»). Помимо русского языка, на бесермянское наречие, как и на удмуртский язык в целом, оказали значительное влияние языки тюркской семьи (в основном кыпчакской группы).

Республики в 2003–2019 гг.² Также мы использовали данные корпусов бесермянского наречия³ и удмуртского языка⁴.

Первая задача, которую мы ставим перед собой, — показать, как в бесермянском удмуртском разрабатывается фрейм боли. Системного описания болевого фрейма в удмуртском языке до сих пор не проводилось, несмотря на то что данные по предикатам боли собраны уже для представительного количества языков.

Коль скоро в распоряжении лингвистов находятся данные по предикатам боли в различных языках мира, причем данные эти собраны фактически по одному и тому же плану, одними и теми же методами [Брицын и др. 2009; Рахилина 2010], можно попробовать не просто описать болевые предикаты еще в одном идиоме, а сделать шаг вперед и посмотреть на бесермянский материал с точки зрения **внутригенетической типологии и языковых контактов**. Всегда ли близкородственные языки будут характеризоваться минимальными различиями разработки болевого фрейма? Какие черты болевой лексики сохраняются в языке, какие уходят, а какие приобретаются под воздействием контактирующих языков? На эти вопросы мы постараемся ответить в данной работе, сравнив бесермянские данные с имеющимся в нашем распоряжении материалом а) близкородственного удмуртскому коми-зырянского языка и б) находящихся в состоянии активного и длительного контакта с удмуртским русских диалектов и татарского языка. Анализу концептуализации боли в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка посвящена статья [Лучина 2011], на основные выводы которой мы опираемся. Кроме того, мы привлекаем коми-зырянские данные из словарей [Кузнецова и др. 2010; ССКЗД] и корпусов коми-зырянского языка⁵. Материалы по русским диалектам взяты из диалектных словарей [СРНГ] и [СРГСУ]. Что касается татарского языка, в нем, насколько нам известно, болевая лексика специально не исследовалась; полевые исследования с этой целью провести сейчас не представляется возможным. В нашем распоряжении имеются материалы двуязычных словарей [РТС] и [ТРС]; кроме того, нам удалось собрать некоторые данные путем асинхронного письменного анкетирования носителей татарского языка (г. Казань)⁶. Есть работа [Тищенко-Монастырская 2009], посвященная болевым предикатам в крымскотатарском языке; на некоторые результаты этой работы, релевантные для тюркских языков в целом, мы также ссылаемся⁷.

Насколько нам известно, в ареально-генетической перспективе болевые предикаты до сих пор не рассматривались. Мы надеемся, что настоящая работа может стать одним из первых шагов на пути продвижения лексической типологии к формулированию типологических обобщений на несколько новом уровне — на основании достаточно большого количества проанализированных данных и с учетом генетической близости и контактного влияния.

² Основной целью сбора являлось составление подробного бесермянско-русского словаря. Большая часть цитируемых нами примеров непосредственно взята из корпуса, сформированного на основе примеров из этого словаря.

³ http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru (Бесермянский корпус, далее — БК); http://linghub.ru/beserman_multimedia/search (Мультимедийный бесермянский корпус, далее — МБК); http://linghub.ru/beserman_examples_corpus/search (Корпус примеров из бесермянско-русского словаря, далее — СлК).

⁴ <http://udmurt.web-corpora.net/> (Корпуса удмуртского языка и удмуртских социальных сетей; далее — УЛК и УК, соцсети соответственно).

⁵ <http://komi-zyrian.web-corpora.net/>.

⁶ Полученные таким образом примеры снабжены ниже пометой «ПЭ» (переводные элицитированные).

⁷ Болевая лексика описана также для горномарийского языка [Жорник, Хомченкова 2017], который относится к финно-угорской семье, но не входит в пермскую подгруппу; он испытал сильное тюркское влияние. Однако бесермянский материал, с которым мы имеем дело, сильно отличается от описанного в упомянутой работе горномарийского. По-видимому, оба финно-угорских языка испытали тюркское влияние в разных аспектах.

1. Фрейм «боль»: релевантные параметры

Прежде чем обратиться к описанию болевых предикатов в бесермянском удмуртском, выделим релевантные для типовой ситуации (фрейма) боли параметры. Данный раздел во многом опирается на базовую работу [Бонч-Осмоловская и др. 2009], но не повторяет ее: ряд выделенных в этой работе параметров уточняется или рассматривается под иным углом зрения.

Итак, ситуация боли в общем виде может быть описана следующим образом: 'X испытывает неприятное ощущение Q интенсивности W, локализованное в принадлежащей ему области Y и вызванное причиной R'⁸. Описанная ситуация представляет собой состояние, т. е. имеет место на некотором временном отрезке. Говорящий может фиксироваться на начальной или конечной точке этого отрезка либо на самом отрезке (ср. русск. *вступить* vs. *болеть* vs. *отпустить*). Также для некоторых видов боли начальная и конечная точка отрезка могут совпадать (ср. русск. *кольнуть* в болевом значении, которое отличается от *вступить* тем, что последнее предполагает продолжение болевого ощущения после его начала, первое же обозначает мгновенное болевое ощущение — приступ боли). Наконец, ситуации боли, продолжающиеся во времени или мгновенные, могут повторяться, воспринимаясь независимо (ср. русск. *иногда болит голова*) либо как единый кластер ощущений (ср. русск. *покалывает, стреляет* в болевом значении).

1.1. Субъект боли и область ее локализации

Неприятные ощущения может испытывать только живое существо (чаще всего человек, животное или антропоморфный объект).

Субъект боли в языках мира, как правило, выступает в роли экспериенцера (ср. русск. *мне больно*), темы (ср. русск. *я болею*), посессора (ср. русск. *у меня болит горло*) или пациенса (ср. русск. *меня тошнит*).

Областью локализации неприятных ощущений может быть часть тела, внутренний орган или организм в целом. Если язык допускает обозначение болевыми предикатами не только физической, но и душевной боли, то одной из областей локализации неприятных ощущений также становится душа (как самостоятельный невидимый орган или аналог организма в целом)⁹.

Часть тела может выполнять роль места (ср. русск. *в боку колет*), цели (ср. русск. *в бок стреляет*), пациенса (ср. русск. *больно ногу*) или темы (ср. русск. *нога болит*). Также часть тела может выступать метонимическим заместителем обозначения болевой ситуации в целом и играть роль источника-каузатора (ср. русск. *животом мается* ≈ 'мается от неприятных ощущений в животе'). Часть тела может не выражаться на поверхности вследствие

⁸ Отметим, что такое представление болевой ситуации не единственное: в зависимости от целей и задач конкретного исследования в болевой ситуации может выделяться больше или меньше релевантных участников. Так, в [Рахилина 2010] выделяются «основные роли: часть тела, испытывающая боль (а в некоторых случаях в дополнение к ней еще и конкретный участок части тела, испытывающий боль); лицо, испытывающее боль, и причина возникновения боли» [Там же: 464]. База FrameNet (<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>) предлагает большее число слотов для болевой фрейма: помимо перечисленных рассматривается также конкретный фрагмент части тела, в которой локализована боль, — SUBREGION.

⁹ Также душевная боль в разных культурах может локализоваться в определенных частях тела — например, в сердце, в голове, в животе.

смещения фокуса на саму ситуацию боли или ее субъект (ср. русск. *Мне руку больно* vs. *Отпусти руку: мне больно*).

Если областью локализации боли оказывается организм в целом, он может обозначаться специальным словом (ср. русск. *тело*) или отождествляется с самим субъектом, испытывающим боль. В последнем случае часть тела на поверхности не выражается (ср. русск. *у него стало плохо с сердцем* — боль локализована в конкретном внутреннем органе vs. *ему стало плохо* — непонятно, что конкретно болит).

В зависимости от того, говорим мы о локализации боли в конкретной части тела или в целом организме, выделяются два класса болевых предикатов, которые в [Рахилина 2010] названы предикатами «локальной боли» и «плохого самочувствия». По всей вероятности, ситуация локальной боли — плохого самочувствия представляет собой континуум. Одни языки выделяют в нем два четких центра, для каждого из которых имеется специальное средство выражения — одно или несколько (ср. русск. *болеет, хворает, нездоровится, занемог* vs. *болит, больно*). Другие пользуются одной лексической единицей или набором единиц для обоих случаев (ср. лит. удм. *висьыны* ‘болеть (о человеке, части тела)’). В языках второго типа плохое самочувствие отличается от локальной боли только составом участников: в первом случае часть тела не выводится на поверхность, ср. (1) vs. (2)¹⁰.

- (1) бесермянский удмуртский (БК):

Emma=no viś-e.

Эмма=ADD болеть-PRS.3SG

‘И Эмма болеет, плохо себя чувствует’.

- (2) бесермянский удмуртский (МК):

Tñnad lapa-ez=a viś-e val, pñd-âz?

ты.GEN1 стопа-POSS.3SG=Q болеть-PRS.3SG быть.PST нога-POSS.3SG

‘У тебя стопа болела, нога?’

Еще одно правило, позволяющее различать предикаты плохого самочувствия vs. локальной боли, связано с падежным оформлением типичной причины болевых ощущений — болезни-диагноза. С предикатами локальной боли болезнь обычно кодируется стандартным для языка, практикующим не зависящим от семантики предиката средством обозначения причины (ср. *из-за* + GEN для русского или второй генитив для удмуртского (3)), при плохом самочувствии диагноз кодируется менее тривиальным, связанным с моделью управления конкретного предиката способом (ср. INS в русском или удмуртском (4)).

- (3) бесермянский удмуртский (полевые записи, элицитация):

*Ññlon-e viś-e angina-lñś / *angina-jen.*

глотка-POSS.1SG болеть-PRS.3SG ангина-GEN2 / *ангина-INS

‘У меня горло (букв. моё горло) болит из-за ангины’.

- (4) бесермянский удмуртский (полевые записи, элицитация):

*Peía viś-e pñed-en / *pñed-lñś.*

Петя болеть-PRS.3SG грипп-INS / *грипп-GEN2

‘Петя болеет гриппом’.

Таким образом, предикаты плохого самочувствия в языках типа удмуртского, где они совпадают с предикатами локальной боли, удобно считать не самостоятельными лексемами, а употреблениями предикатов с семантикой локальной боли (в терминах Ю. Д. Апресяна). Такого понимания мы будем придерживаться в данной работе.

¹⁰ О возможностях синтаксического оформления участников ситуации локальной боли и плохого самочувствия см. ниже.

1.2. Падежное оформление

Падежное оформление субъекта боли и области ее локализации происходит не независимо друг от друга, а укладывается в паттерны осмысления болевой ситуации. По-видимому, существует три основных паттерна представления боли в языках мира: 1) **экспериенциальный** (боль = ощущение), 2) **пациентивный** (боль = воздействие) и 3) **посессивный** (боль = ситуация, имеющая некоторое отношение к его первому участнику).

В первом случае боль мыслится как состояние, которое испытывает субъект. Именно он находится в фокусе внимания говорящего. В прототипическом случае часть тела остается за кадром и не выражается на поверхности или выражается с помощью обстоятельств. Если язык предпочитает экспериенциальное осмысление боли, то болевые предикаты в нем обычно нединамичны: часто это неглагольные единицы (ср. русск. *больно*). Редко, но все же встречается кодирование части тела как экспериенцера наряду с субъектом боли (ср. русск. *мне глазам / *руке / *голове / *животу больно*).

Во втором паттерне воздействие предполагает не только результирующее состояние, но и действие, вызывающее это состояние. Болевые предикаты в языках, предпочитающих пациентивное осмысление боли, более динамичны, чем в первом случае: это предпочтительно глаголы и глагольные конструкции. Пациентивное осмысление болевой ситуации характерно для вторичных болевых предикатов, образованных от неболевых глаголов воздействия, но есть языки, где эта стратегия оказывается востребованной и для базовых болевых предикатов. При осмыслении боли как воздействия обычно стирается разница между плохим самочувствием и локальной болью: субъект боли и часть тела прототипически претендуют на роль пациента (ср. русск. нелит. *меня повело* vs. *голове повело* — о головокружении), часть тела также может выступать в роли цели воздействия и кодироваться языковыми средствами со значением направления (ср. русск. *в голову ударило*).

Пациентивная стратегия ориентирована на часть тела, экспериенциальная — на субъекта боли. Тем самым теоретически возможно совмещение этих стратегий в одном языке (ср. русск. *Мне руку больно, ему в голову ударило*).

Третий паттерн не выделяет болевую ситуацию среди других положений дел. При таком осмыслении субъект боли кодируется как посессор или тема, а часть тела может выполнять любую роль (ср. русск. *у меня голова болит / в висок стреляет / по телу мурашки / глазам больно* и мн. др.; *он болеет / зубами мается*). Частным случаем описанного осмысления боли можно считать собственно посессивную интерпретацию, когда боль представляется не просто как нечто имеющее отношение к субъекту-посессору, а как то, чем он обладает (ср. англ. *to have X-ache*). Собственно посессивная интерпретация боли допустима не во всех языках. В русском языке она возможна, ср. (5а) и (5б). В бесермянском удмуртском есть продуктивная посессивная конструкция вида «посессор-GEN1 + обладаемое-POSS + глагол ‘иметь’» (6а). Однако отглагольные имена и номинализации, образованные от глагола ‘болеть’, в ней употреблены быть не могут (6б). Чтобы выразить значение болевых ощущений во внутренних органах, необходимо употребить глагол ‘болеть’ в личной форме (6в).

(5) русский язык:

а. *У Ивана частые головные боли.*

б. *У Ивана новая машина.*

(6) бесермянский удмуртский (полевые записи, элицитация):

а. *Āorog-len žabra-os-āz waŋ.*
рыба-GEN1 жабра-PL-POSS.3SG имеется
‘У рыбы есть жабры’.

- б. **Mānam ket viš-on-e / viš-em-e wañ.*
 я.GEN1 живот болеть-VN-POSS.1SG болеть-NMZ-POSS.1SG имеется
 ‘У меня болит живот (букв. У меня есть живот боль)’.
- в. ^{OK}*Mānam ket-ā viš-e.*
 я.GEN1 живот-POSS.1SG болеть-PRS.3SG
 ‘У меня болит живот’.

Поскольку посессивное осмысление боли ограничивает падежное оформление только субъекта боли, но не части тела, оно совместимо с пациентивной, но не с экспериенциальной стратегией оформления болевого ощущения (ср. русск. *У меня живот скрутило*).

Если в языке кроме падежного оформления существуют иные средства выражения посессивности (посессивные показатели, притяжательные местоимения), то они могут использоваться при любой стратегии осмысления боли.

1.3. Характер боли

Переменная Q (тип, характер болевого ощущения) не является обязательной для заполнения: мы можем испытывать неспецифицированное неприятное ощущение, которое называем болью (ср. русск. *больно, болит*), а можем уточнять, что именно чувствуем, когда у нас что-то болит (ср. русск. *тянет, ломит, ноет* и мн. др.). При описании специфицированных видов боли всегда возникает вопрос о том, как отделить собственно болевые ощущения от семантически близких к ним ситуаций физического дискомфорта (ср. *зуб ноет* vs. *в зубы отдаёт* vs. *зуб чувствуется, нога болит* vs. *нога чешется*). В данной работе, вслед за Е. В. Рахилиной и ее группой, мы будем придерживаться широкого понимания боли и будем относить к болевым также и ситуации телесного дискомфорта.

Конкретизация болевого ощущения может выражаться в самом предикате (как правило, такое значение развивается из неболевого, но бывают, как мы увидим ниже, и семантически производные предикаты, обозначающие определенные виды боли) или с помощью конструкции, включающей неспецифицированный болевой предикат и лексему-спецификатор (ср. бесермянские обозначения болевой ситуации, соответствующей русскому глаголу *ныть*: *kāskasa više* ‘букв. ноет, болит’ или *zut-zut više* ‘букв. зут-зут болит’).

Неспецифицированные болевые ощущения («просто боль»), по-видимому, составляют центральную область болевой зоны в языках мира — обозначающие их предикаты названы в [Рахилина 2010] базовыми. По свидетельству авторов данной работы, таких предикатов в языках мира обычно немного — не более 3-5 [Там же: 457]. Они семантически производны, т. е. болевое значение у них первично, а не образовано от других в результате метафоризации и других семантических процессов. Этот тезис, как кажется, нуждается в некоторых уточнениях.

Безусловно, в прототипической ситуации в центре болевой зоны лежит базовый предикат, обозначающий неспецифицированное болевое ощущение и на синхронном уровне семантически производный (ср. русск. *болеть* или лит. удм. *висьыны*). Однако не исключено, что такой базовый (= неспецифицированный) болевой предикат в языке мира окажется семантически и / или морфологически производным (ср. русск. *плохо* или *занемочь*, татарск. *авыру* ‘болеть’ (букв. тяжело), обозначающее боль любого характера, а не только ощущения тяжести). С другой стороны, в языках мира могут существовать предикаты, обозначающие очень специфические болевые ощущения, но у которых при этом в настоящее время не зафиксировано неболевого значения. Так устроены, по крайней мере, два бесермянских глагола:

- *zubektânâ*¹¹, имеющий два болевых значения: 1) ‘испытывать неприятные ощущения в зубах в результате гиперкинестезии’ (7) и 2) ‘испытывать покалывающие неприятные ощущения в конечностях в результате онемения’ (8),
- *dolkanâ/tolkanâ*¹² и каузативы от них *dolkatânâ / tolkatânâ*, обозначающие неприятные ощущения во рту от кислого вкуса (9) или (перен.) от резких неприятных звуков (10).

- (7) бесермянский удмуртский (СлК):

Jun kezât vi ju-isk-o-d=ke, piñ-ños zubekt-o.
 очень холодный вода пить-DETR-FUT-2SG=если зуб-PL сводить-3PL.PRS

‘Если выпьешь очень холодную воду, зубы сводит (букв. зубы «сводятся»)’.

- (8) бесермянский удмуртский (СлК):

Už-oñ-ña-m ki-jâ zubekt-i-z.
 спать-VN-CVB.SIMULT-1SG рука-POSS.1SG сводить-PST-3SG

‘Когда я спала, у меня свело руку (букв. рука «свелась»): [я ее отлежала]’.

- (9) бесермянский удмуртский (СлК):

Piñ-ños-â tolka-z-â čârs suter śi-isa.
 зуб-PL-POSS.1SG сводить-PST-3-PL кислый смородина есть-CVB

‘От кислой смородины у меня свело зубы (букв. мои зубы «свелись»)’.

- (10) бесермянский удмуртский (СлК):

Vorta až-a-d mar tros keļâ-os vort-i-d?
 ворота перед-ILL-POSS.2SG что много камень-PL тащить-PST-2SG
Bdes čâžâr-čazâr waž-e, piñ-ez-ik dolka-t-e=kađ!
 весь с.хрустом звучать-PRS.3SG зуб-POSS.3SG=EMPH сводить-CAUS-PRS.3SG=как

‘Зачем ты к воротам столько камешков притащил? Под ногами все время хрустит, даже как будто в зубы отдаст!’

Непроизводных специфицированных болевых предикатов в языке, по-видимому, не должно быть много — скорее всего, существуют языки, где их вообще нет и специфицированные болевые ощущения называются только предикатами, развившими болевое значение из неболевого. Но если такие предикаты есть, то их наличие, очевидно, свидетельствует об особой значимости называемых таким образом болевых ощущений. В связи с этим встает вопрос: обусловлена ли такого рода выделенность генетически или ареально? Иными словами, будут ли выделенные области болевой зоны одинаковыми для близкородственных языков, расположенных достаточно далеко друг от друга, или это общая черта неродственных языков, находящихся в длительном контакте, носители которых проживают примерно в одинаковых условиях и испытывают дискомфорт по одинаковым внешним причинам? Если верно последнее, то являются ли семантически непроизводные специфицированные болевые предикаты результатом заимствования из одного языка в другой или в каждом из контактирующих языков это исконные слова? Для ответа на поставленные вопросы требуются обширные полевые исследования, которые в настоящее время, к сожалению, невозможно организовать.

¹¹ В этимологических словарях удмуртского языка [Алатырев 1988] и [Rédei 1988] глагол *zubektânâ* отсутствует, но мы предполагаем, что он образован от идеофона *zub-zub*, передающего ощущение сильной тянущей боли.

¹² У данных глаголов также не зафиксировано неболевого значения, в этимологических словарях о них также нет информации. От глагола *tolkanâ* образовано название национального блюда — *толкым*. Толкым готовят из ржаной муки с рябиной — кисло-горькой ягодой, являющейся, по-видимому, прототипическим источником ощущений, обозначаемых глаголом *tolkanâ*. Ср. русск. название острой закуски или соуса *вырвиглаз*.

В нашем распоряжении есть лишь некоторые косвенные данные, свидетельствующие о том, что в близкородственном удмуртскому коми-зырянском для обозначения неприятных ощущений в конечностях в результате онемения и неприятных ощущений во рту (зубной боли) также существуют специальные семантически непроеизводные предикаты: *poddoony* ‘неметь’ и *juzedny* ‘болеть о зубах’ [Лучина 2011: 122]. Обозначая примерно одинаковые болевые ощущения, бесермянские и коми-зырянские предикаты имеют, однако, разные корни.

В татарском языке, по свидетельству наших консультантов, не существует непроеизводных предикатов для обозначения неприятных ощущений во рту и онемения конечностей (в обоих случаях используются вторичные болевые предикаты), но существует как минимум глагол *сызлау*, у которого современные словари не фиксируют неболевого значения¹³ и который используется для обозначения длительной ноющей боли в разных частях тела (зубах, ногах, руках и др.):

(11) татарский (Казань; ПЭ):

Иван-ның теше сызл-ый.

Иван-GEN зуб ньть-ST.PRS.PL

‘У Ивана зубы болят (букв. ноют)’.

Ближайший к пермским из финно-угорских языков горномарийский, претерпевший сильное влияние тюркских языков, имеет совсем иной набор непроеизводных специфицированных болевых предикатов — *cažgəžaš* ‘щипать’, *kəčəštäš* ‘испытывать боль от холода’ и *jəčəš* ‘пульсировать’ [Жорник, Хомченкова 2017: 97].

Таким образом, бесермянский материал позволяет предположить, что наличие в языке семантически непроеизводных предикатов, обозначающих специфицированную боль, обусловлено генетически, а не ареально. Эта гипотеза, однако, требует проверки в дальнейших полевых исследованиях и уточнения собранного материала по этимологическим словарям, которых не так много, по крайней мере, для пермских языков.

1.4. Интенсивность боли

Боль может быть высокой или низкой интенсивности; кроме того, этот параметр может быть нерелевантным для конкретной лексемы. Указание на высокую или низкую интенсивность боли (W) может содержаться в толковании лексемы и выражаться корнем или аффиксами (ср. русск. *мучиться* vs. *приболеть*). Кроме того, интенсивность боли может выражаться аналитически — конструкциями с интенсификаторами, междометиями или изобразительными словами-идеофонами (ср. русск. *очень больно* vs. *ох как больно* или бесермянск. удм. *žotār-žotār višānā* ‘сильно болеть, ньть (букв. джотыр-джотыр болеть)’). Обе стратегии не исключают друг друга и могут комбинироваться, если при этом не нарушается закон семантического согласования (ср. русск. *немного мучается*, **ужасно приболел* vs. *ужасно мучается*, *немного приболел*).

Причина боли. Болевое ощущение может возникать по внутренним или внешним причинам. К первым относят процессы, происходящие в организме и приводящие к болевым ощущениям, вторые представляют собой воздействия на организм внешних сил или сторонних объектов. Причиной болевой ситуации может быть активно действующий субъект (ср. русск. *сделать больно*) или неизвестная сила (ср. русск. *сердце давит*, *руку ломит*). Также в результате метонимического сдвига «участник ситуации → ситуация в целом» для

¹³ Для производного глагола *сызла-н-у* ‘чувствовать боль’ [TPC] фиксирует переносное значение ‘горевать, кручиниться, изболеться’. По всей вероятности, это действительно не источник, а следящая ступень развития болевого значения корня *сызл-*.

обозначения причины боли может быть использовано название части тела, в которой эта боль локализована (ср. русск. разг. *зубами мается, животом страдает* ≈ ‘мается / страдает, потому что **болят** зубы / **болит** живот’, а также русск. разг. *лекарство от головы* ≈ ‘лекарство, чтобы не было **боли** в голове’).

Болевой предикат может быть нечувствителен к причине боли (ср. русск. *больно*), а может включать описание причины в состав толкования (ср. русское слово *знобит*, которое передает ощущение холода в теле, обычно возникающее в результате повышенной температуры тела или низкого кровяного давления, но не в результате низкой температуры окружающей среды).

Причина боли может (но не обязана) выражаться на поверхности. Средства выражения причин болевых ситуаций в удмуртском языке не отличаются от обычных средств выражения причинных отношений в языке.

Если причина боли попадает в фокус внимания говорящего, он может обозначить болевую ситуацию с помощью каузативных глаголов или каузативных конструкций (ср. русск. *делать больно*, лит. удм. *висьытыны* ‘вызывать боль’).

Также мы можем описывать болевые ощущения, заменяя обозначения собственно боли описанием ее причины — болезненного воздействия на тело (ср. возможные ответы на вопрос *Почему ты плачешь?* — *Укололся / пчела укусила / палец прищемил / палец порезал* и мн. др.).

1.5. Аспектуальные характеристики

Аспектуальные характеристики болевой ситуации (длительность vs. моментальность, единичность vs. повторяемость) в языках мира могут выражаться аналитически — например, с помощью темпоральных сирконстантов (ср. русск. *весь день болит* vs. *каждый день болит*), и / или морфологически — глагольными морфемами, связанными с выражением аспекта (ср. русск. *побаливает, кольнуло*).

В данной статье мы рассматриваем удмуртские болевые предикаты, обозначающие неспецифицированную боль. В бесермянском удмуртском эта подсистема достаточно богата и включает как базовые болевые предикаты, так и лексемы, развившие болевое значение из неболевого. В силу компактности она представляется более удобным основанием для межязыкового сравнения, чем множество всех предикатов боли, которое в бесермянском удмуртском включает более 50 корней. На примере неспецифицированных предикатов можно продемонстрировать все представленные в бесермянском удмуртском стратегии кодирования ядерных актантов болевой ситуации (именно эти стратегии копируют все семантически производные предикаты боли) и способы обозначения ее релевантных характеристик — интенсивности и расположения на оси времени.

Далее мы рассмотрим следующие вопросы.

1. Как обозначается неспецифицированное болевое ощущение? Какие обозначения являются семантически непроизводными? Какие болевые значения возникли из неболевых и какие стратегии семантического перехода при этом использовались?¹⁴
2. Как выражается интенсивность боли и аспектуальные свойства болевой ситуации у неспецифицированных болевых предикатов?
3. Какие стратегии кодирования ядерных актантов болевой ситуации (субъект боли и часть тела, где локализуется боль) существуют у неспецифицированных бесермянских болевых предикатов?

¹⁴ Вопрос об источниках образования переносных специфицированных болевых значений в бесермянском удмуртском мы оставляем за рамками данной статьи. Этому вопросу будет посвящена отдельная работа.

При ответе на каждый вопрос мы будем подробно рассматривать бесермянский материал, сравнивая его с доступными нам данными коми-зырянского, русского и татарского языков.

2. Неспецифицированная боль в бесермянском удмуртском, в родственных и контактирующих идиомах

2.1. Средства выражения неспецифицированной боли

Неспецифицированные болевые ощущения в бесермянском удмуртском выражаются тремя основными способами.

I. Лексемами с семантически непроемчивым¹⁵ корнем *-viš- / -veš-* ‘-бол’-’:

- предикат *višānā* ‘болеть (о живом существе и части тела)’ (1)-(4), (12);
- образованные от него каузатив *višātānā* ‘заставлять болеть, причинять боль’ (13), (14) и детранзитив *višiskānā*, выполняющий в бесермянском удмуртском функции субъектного имперсонала, — ‘«[здесь] болеется»’ (15);
- *veš*, которое обычно ведет себя как предикатив ‘больно’ и используется либо отдельно (16), либо в составе инхоативной конструкции *veš luānā* ‘больно + стать’ (17), либо в составе каузативной конструкции *veš karānā* ‘больно + делать’ (18). Также *veš* может принимать посессивные и падежные показатели¹⁶, выступая таким образом как существительное (19);
- отглагольное существительное *višon* ‘боль, болезнь’ (20);
- субстантивированное причастие прошедшего времени *višem* ‘боль, болезнь (букв. болевшее)’ (21).

(12) бесермянский удмуртский (СлК):

Mānam boka-je viš-e.
я.GEN1 бок-POSS.1SG болеть-PRS.3SG
‘У меня бок **болит**’.

(13) бесермянский удмуртский (СлК):

Ta peškā viš-āt-e ki-m-e.
этот фурункул болеть-CAUS-PRS.3SG рука-1SG-ACC
‘У меня от этого фурункула рука **болит** (букв. Этот фурункул заставляет болеть мою руку).’

(14) бесермянский удмуртский (СлК):

Jār-me viš-āt-e.
голова-POSS.1SG.ACC болеть-CAUS-PRS.3SG
‘У меня голова болит (букв. мою голову болит).’

¹⁵ В нашем материале у данного корня не зафиксировано неболевого значения. Возможно, единственным исключением является глагол *vešanā* ‘крестить, освящать’. Однако мы не можем уверенно утверждать, образован ли он от корня *veš-* ‘боль’ или от омонимичной ему единицы, нам неизвестной. В этимологических словарях [Алатырев 1988; Rédei 1988] информация о корне *viš- / veš-* отсутствует.

¹⁶ Субстантивное употребление *veš* более характерно для литературного удмуртского — в бесермянском наречии это скорее редкость. Так, в корпусе примеров к бесермянскому словарю зафиксирован единственный пример (19). В бесермянском удмуртском чаще используется не существительное *veš*, а конструкция с причастием *lu-em* ‘быть-PTCP’, присоединяющим посессивные и падежные показатели: *Mānam pi-je veš lu-em-ez-leš* [больно стать-PTCP-POSS.3SG-GEN2] *čerekékiz* ‘Мой сын от боли (букв. от больно становящегося-его) кричал’.

- (15) бесермянский удмуртский (СлК):

Tunne zol viš-išk-i-z.
сегодня очень болеть-DETR-PST-3SG

‘Сегодня я / он очень плохо себя чувствовал (букв. сегодня очень болелось)’.

- (16) бесермянский удмуртский (СлК):

So zol sučk-i-z, so-lâ veš.
тот сильно обжигаться-PST-3SG тот-ДАТ больно

‘Она сильно обожглась, ей больно’.

- (17) бесермянский удмуртский (СлК):

Ńâl-on dâr-ja veš lu-e.
глотать-VN время-ADV больно стать-PRS.3SG

‘Больно глотать (букв. во время глотания больно становится)’.

- (18) бесермянский удмуртский (СлК):

Keš jenâ kapči ok-čik-e, no so kij-ez
коза осот легко собирать-DETR-PRS.3SG CONJ тот рука-ACC

veš kar-e.
больно делать-PRS.3SG

‘Осот полевой (букв. козий осот) легко собирать, но рукам больно (букв. Он рукам больно делает)’.

- (19) бесермянский удмуртский (СлК):

Veš-me čida-ško.
больно-POSS.1SG.ACC терпеть-PRS.1SG

‘Я терплю боль’.

- (20) бесермянский удмуртский (СлК):

Mânat čarti-jâ viš-on dâr-ja abi-je
я.GEN1 горло-POSS.1SG болеть-VN время-ADV бабушка-POSS.1SG

mânmâ čeci-jen čaj šot-i-z, katja-z.
я.DAT мед-INS чай давать-PST-3SG лечить-PST.3SG

‘Когда у меня горло болело, бабушка давала мне чай с мёдом и вылечила [меня / мне горло]’.

- (21) бесермянский удмуртский (СлК):

viš-em-leš čerekč-ik-ânâ
болеть-PTCP.PST кричать-DETR-INF

‘вскрикнуть от боли’

II. Ситуация неспецифицированной боли также регулярно выражается предикатами с базовым неболевым значением:

— оценочным прилагательным *ârod* ‘плохо / плохой’¹⁷ (22), (23);

— образованным от него предикатом *ârodmânâ* ‘становиться хуже (букв. плохеть)’ (24);

— прилагательным *šekât* ‘тяжело / тяжелый’ (25)¹⁸;

¹⁷ В наших материалах болевые значения у *ârod* зафиксированы только в инхотативной конструкции с *luânâ* ‘стать’. О том, используется ли лексема для обозначения самого состояния, а не только вхождения в него, у нас нет данных.

¹⁸ Трудно сказать, какие именно ощущения обозначает лексема *šekât* ‘тяжело’ — специфицированные болевые, связанные с тяжестью (метафорический перенос), или просто плохое самочувствие (результат ребрендинга «тяжело → плохо»). С одной стороны, пример (25) носители бесермянского удмуртского комментируют без отсылки к смыслам ‘тяжелый, большой вес, давить’: «тяжело» — это «голова болит, настроение плохое». С другой, в бесермянском удмуртском есть

- конструкцией с неопределенным местоимением и глаголом изменения¹⁹ *marke luânâ* ‘что-то случилось (букв. что-то + стать)’ (26);
 — отрицательной конструкцией с модальным предикатом NEG + *bâgatânâ* ‘не мочь’ (27).

- (22) бесермянский удмуртский (СлК):

So-lâ ârod lu-i-z, so jun žarekt-i-z.
 тот-ДАТ плохо стать-PST-3SG тот очень бледнеть-PST-3SG

‘Ему стало плохо, он сильно побледнел’.

- (23) бесермянский удмуртский (СлК):

Jâr-â ârod lu-i-z, mon šanč-ik-i.
 голова-POSS.1SG плохой стать-PST.3SG я качнуть-DETR-PST.1SG

‘Мне плохо стало (букв. у меня голова плохая стала), меня качнуло’.

- (24) бесермянский удмуртский (СлК):

Tolalte mon zol kân-m-i, ârodm-i,
 зимой я очень замерзнуть-PST.1SG стать.ПЛОХИМ-PST.1SG

bolñicaj-e mân-i.
 больница-ILL идти-PST.1SG

‘Зимой я сильно простудилась, мне плохо стало (букв. я поплохела), я в больницу пошла’.

- (25) бесермянский удмуртский (СлК):

Maktâr adami-len lu-e kema vina ju-em ber-e,
 похмелье человек-GEN1 стать-PRS.3SG долго алкоголь пить-PTCP.PST зад-ILL

ku so vina ju-ânâ ug=ñi med-â,
 когда тот алкоголь пить-INF NEG.PRS=EMPH хотеть-PRS.3SG

no so-lâ jun šekât na.
 CONJ тот-ДАТ очень тяжело еще

‘Похмелье у человека бывает после долгого употребления алкоголя — когда он пить (алкоголь) уже не хочет, но ему еще плохо (букв. тяжело)’.

примеры употребления *šekât* в значении локальной боли, которые консультанты объясняли как «давит что-то, в сон клонит». Возможно, бесермянская лексема *šekât*, обозначающая изначально ‘трудный, тяжелый = о том, что препятствует достижению цели’ (ср. *тяжело пилить большие дрова, тяжелая работа*), попав в болевую зону, испытывает одновременно влияние татарского языка, где базовый глагол *авыру* ‘болеть’ имеет тот же корень, что и прилагательное *авыр* ‘тяжелый’, и русских диалектов, где *тяжело, тяжело* первоначально означает ‘большого веса, то, что трудно поднять и что давит сверху’. Первое подкрепляет неспецифицированное обозначение плохого самочувствия, второе — метафору взаимодействия с объектом большого веса, используемую для обозначения специфического болевого ощущения в конкретной части тела или во всем организме.

¹⁹ Данная конструкция отличается от конструкции со значением ‘с чем-то что-то произошло’, поскольку в них используется разное падежное оформление. В конструкции с болевым значением, которую мы рассматриваем, актант оформляется номинативом, а в конструкции со значением ‘с чем-то что-то произошло’ — инструменталисом: *Brat-en-âz* [брат-INS-POSS.3SG] *marke luiz* ‘С его братом что-то случилось’ (подробнее см. п. 2.4). Отметим, что в [Брицын и др. 2009] предикаты изменения не включены в список источников болевых значений. Нам кажется, это важное упущение. Конструкции «часть тела + глагол изменения» неаддитивны: из суммы значений их составляющих болевая семантика не вытекает. Тем не менее бесермянская конструкция «часть тела / внутренний орган-NOM + *marke luânâ*» понимается, прежде всего, как болевая. Это происходит в результате имплицатуры: 1) по умолчанию наше тело здорово, 2) изменения в теле нарушают дефолтную ситуацию, следовательно, 3) изменения в теле — это нездоровье, боль, болезнь.

- (26) бесермянский удмуртский (СлК):

Pimurt mân-i-z-mân-i-z, tâpak dugd-i-z —
 мужчина идти-PST-3SG-идти-PST-3SG IDEOPH остановиться- PST-3SG

šulem-ez=a mar=ke lu-i-z.
 сердце-POSS.3SG=Q **что=INDEF** **стать-PST-3SG**

‘Мужчина шел-шел, резко остановился — наверное, сердце заболело (букв. сердце ли что-то стало)’.

- (27) бесермянский удмуртский (СлК):

Jâr-ân-âm ug=ni bĕgat-iškâ.
 голова-INS-POSS.1SG **NEG.PRS=EMPH** **мочь-1SG**

‘У меня голова очень болит (букв. моей головой не могу)’.

III. Также неспецифицированная боль выражается, по крайней мере, тремя лексическими единицами, имеющими более сложное толкование, чем у *-viš- / -veš-*: переменная Q (характер боли) у них также не заполняется, но выражаются иные другие параметры — интенсивность боли и / или ее причина. К этим лексическим единицам относятся:

— глагол *măžmăň* ‘болеть, испытывать боль, обычно сильную и длительную, в результате нарушения сакральных запретов’ (28);

— глагол *raňžăň* ‘мучиться, испытывать длительную сильную боль’ (29);

— идиома *kur ažăň* ‘мучиться, испытывать длительную сильную боль (букв. просить-видеть)’ (30)²⁰.

- (28) бесермянский удмуртский (СлК):

Nâl-len ki-jez măžm-em.
 девушка-GEN1 рука-POSS.3SG **болеть-PTCP.PST**

‘У девушки рука заболела²¹’.

- (29) бесермянский удмуртский (СлК):

Mon piň-en-âm raňž-iško.
 я зуб-INS-POSS.1SG **мучиться-PRS.1SG**

‘У меня зуб очень болит (букв. я зубом мучаюсь)’.

- (30) бесермянский удмуртский (полевые записи, элицитация):

*^{ok}piň viš-on-en-âz / *piň-ân-âz kur až-ăň*
 зуб болеть-VN-INS-POSS.3SG зуб-INS-POSS.3SG **мучиться-INF**

‘мучиться зубной болью / *с зубами’

Таким образом, в бесермянском удмуртском зона неспецифицированной боли разработана хорошо. Базовый корень используется практически во всех частях речи, для вторичных предикатов существует как минимум четыре источника переносного болевого значения, существует как минимум три стратегии конкретизации боли.

Согласно доступным нам данным, коми-зырянская, русская и татарская системы неспецифицированной болевой лексики не настолько сильно разработаны, как в бесермянском удмуртском (см. таблицу 1).

²⁰ Глагол *măžmăň* не имеет неболевого значения и не фиксируется в этимологических словарях. Для *raňžăň* ‘мучиться, испытывать длительную сильную боль’ болевое значение — частный случай более общей семантики дискомфорта. Согласно словарю К. Редеи [Rédei 1988], корень этого глагола раньше мог обозначать ‘лохмотья, рвань’. Идиома *kur ažăň* включает легко узнаваемые корни: ‘просить + видеть’, но, по-видимому, полностью утратила семантическую связь с ними.

²¹ Комментируя этот пример, носители бесермянского удмуртского сообщали, что боль в руке была серьезной: болели суставы, выскочили чирьи — и что причиной боли было посещение девушкой запретного священного места.

Таблица 1

**Свойства лексем, обозначающих неспецифицированную боль,
в бесермянском удмуртском, коми-зырянском, русском и татарском языках**

	бесермянский удмуртский	коми- зырянский	русский	татарский	
Базовый корень / корни	-viś- / -veś-	-viś-	-бол-, -хвор-	авыр-, (чир-) ²² , сызл- ²³	
Базовый глагол с показателем каузатива	+	+	-	+	
Каузативная конструкция с базовым глаголом	+	+	+	+	
Имперсональная форма	+	+	-	-	
Предикатив	+	-	+	+	
Уточнение причины специальными корнями	+	-	-	-	
Уточнение характеристик интенсивности / длительности специальными корнями	+	+	+	+	
Источники болевого значения	Общая негативная оценка	+	+	++	+
	Тяжесть, трудность	+	+	+	авыр-
	Неопределенное местоимение	+	?–	+	нет данных
	Отрицание внутренней возможности	+	-	++	-

Бесермянский удмуртский сохраняет общепермский корень для обозначения боли и, как и коми-зырянский, образует от него формы дегранзива, используемые при перенесении фокуса с субъекта боли на саму боль и / или место ее локализации. Каузативные формы свойственны пермским языкам и татарскому. Использование же форм предикатива 'больно' (с дативным кодированием первого участника) для коми-зырянского нехарактерно, но встречается в русском и татарском.

²² Несмотря на то что русско-татарский словарь предлагает для русского *болеть* как один из переводов глагол *чирләу*, по доступным нам данным опроса носителей татарского языка, болевые глаголы с корнем *чир-* (базовые для родственного татарскому и контактирующего с ним в сельской местности чувашского языка) не являются частотными в современной разговорной речи городского населения. Фразу 'Иван болеет' абсолютно все консультанты (носители литературного татарского языка, жители Казани) переводили только как *Иван авырта* и лишь одна носительница, родом из деревни Верхний Симет на севере Татарстана, вспомнила, что «еще можно сказать» *Иван чирли* 'Иван болеет'.

²³ Татарско-русский словарь не фиксирует у *сызлау* неболевого значения: в словаре дается только перевод 'болеть, ныть'. Все наши консультанты использовали этот глагол при переводе фразы *У Ивана зубы болят* вместо дефолтного и ожидаемого здесь *авыру*. По доступным нам данным пока трудно судить, обозначает ли этот глагол специфицированную боль в зубах (ср. бесерм. корень *zubekt-*) или сильную боль неспецифицированного характера, прототипом которой служит зубная боль.

Развитие болевого значения из семантики негативной оценки свойственно русскому языку (ср. *ему плохо / погано / паршиво / хреново; у него плохо с сердцем*; прост. и диал. *ему поплохело*, а также *он плохо себя чувствует*). В татарском такой перенос также возможен, хотя и не так богато представлен, как в русском:

- (31) татарский (Казань; ПЭ):

Карт-ка яман бул-ып кит-те
 старый-ДАТ плохой быть-CVB уйти-РСТ
 ‘Старику стало плохо’.

Прилагательные со значением негативной оценки развивают болевое значение и в коми-зырянском — причем имеет место не только дативное (32), но и номинативное (33) кодирование первого участника ситуации:

- (32) к.-зыр. яз., иж. диал., муж. говор [Кузнецова и др. 2010: 100]:

Мен сэтчем лёк, ме рысь-с-э сё-и,
 я.ДАТ так плохо я творог-3SG-ACC есть-РСТ.1SG
а сыа зэй курыд вёл-эма.
 а тот очень горький быть-РСТ2.3SG

‘Мне так плохо, я творог съел, а он очень горький был’.

- (33) к.-зыр. яз., иж. диал. [ССКЗД: 259]:

Сыа юр-на-с лёк.
 тот голова-INS-POSS.3SG плохой

‘Он мучается головой, страдает головными болями’.

Отрицание внутренней возможности развивает болевое значение прежде всего в русском языке (ср. *занемог, недуг, немошь*). Для коми-зырянского и татарского такой перенос не характерен.

Конструкция с неопределенным местоимением используется для обозначения боли как минимум в русском языке. Для коми-зырянского мы не нашли соответствующих примеров ни в словарях [ССКЗД; Кузнецова и др. 2010], ни в корпусах, поэтому мы предполагаем, что для этого языка данная конструкция не является основной (если вообще присутствует).

Развитие неспецифицированной болевой семантики из значения ‘тяжело’ характерно для татарского, русского, коми-зырянского языков. Наиболее употребительный татарский базовый глагол *авыру* ‘болеть’ семантически производный: корень *авыр-* имеет первое значение ‘тяжелый’:

- (34) татарский (Казань; ПЭ):

Таня авыр сумка-ны кутәр-еп бар-ды,
 Таня тяжелый сумка-ACC поднять-CVB идти-РСТ
хэзер аның арка-сы авыр-т-а.
 сейчас она.GEN спина-POSS.3SG тяжелый-CAUS-PRS

‘Таня тяжелую сумку несла (букв. поднимая, шла), теперь у нее спина болит (букв. вызывает тяжелые [ощущения])’.

Такой же перенос зафиксирован и в русском языке. В ижемском коми-зырянском есть целое словообразовательное гнездо болевых глаголов, образованных от прилагательного *сьёкыд* ‘тяжелый’: *сьёктасьны, сьёктооны, сьёктэччыны* ‘чувствовать тяжесть в теле, болеть, недомогать’ [ССКЗД: 355], *сьёктэдлыны* ‘стать хуже (под воздействием внешней причины)’ [Кузнецова и др. 2010: 157]. Ср. примеры из мужевского говора:

- (35) к.-зыр. яз., иж. диал., муж. говор [Кузнецова и др. 2010: 157]:

Тон погоддя-ыс сьёкыд, и ме сьёктал-а.
 сегодня погода-POSS.3SG тяжелый CONJ я недомогать.PRS-1SG
 ‘Сегодня плохая погода, и я плохо себя чувствую’.

- (36) к.-зыр. яз., иж. диал., муж. говор [Там же: 157]:

Менэ сьѡкт-эд-л-і-с *погоддя* *водьлаздор-а-с.*
 я.АСС тяжелый-CAUS-EXP-PST-3SG погода перед-LOC-POSS.3SG

‘Перед этой погодой мне стало хуже (букв. меня занедужило)’.

Интересно, что в бесермянском удмуртском образовании болевого значения по модели ‘тяжелый’ → ‘болеть’ возможно, но находится на периферии системы. Данное явление присутствует и в близкородственном коми-зырянском, и в контактном татарском, но в число ядерных бесермянских стратегий кодирования болевой ситуации оно по какой-то причине не вошло.

Таким образом, можно утверждать, что лексическая система обозначения неспецифицированных болевых ощущений в бесермянском удмуртском сохраняет основные пермские черты (наблюдаемые и в коми-зырянском языке): базовые корни, систему глагольных аффиксов (каузатив, детранзитив) — и обогащается под сильным влиянием русского языка, заимствуя из него такие источники вторичных болевых предикатов, как отрицание внутренней возможности и конструкции с неопределенным местоимением. Примерами тюркского влияния на лексическую систему бесермянских неспецифицированных болевых предикатов мы не располагаем.

2.2. Дальнейшее развитие неспецифицированных болевых значений

Бесермянская система неспецифицированных болевых значений достаточно инертна. В отличие от литературного удмуртского, русского, татарского, коми-зырянского языков, бесермянские базовые предикаты не склонны развивать значение **душевной боли**: из семантически непроемких предикатов душевную боль обозначают только предикатив *veš* и конструкции с ним (37), а также единицы с семантикой ‘мучиться’²⁴ (38), (39).

- (37) бесермянский удмуртский (СлК):

Babam-e kul-i-z=ke, *tānāt jun* *veš* *lu-i-z.*
 дед-POSS.1SG умирать-PST-3SG=когда я.ДАТ очень **больно** становиться-PST-3SG

‘Когда дедушка умер, мне было очень больно’.

- (38) бесермянский удмуртский (СлК):

Mon tužik-en-āt *rañž-išk-o:* *vina ju-e,*
 я муж-INS-POSS.1SG **мучиться**-DETR-PRS.1SG алкоголь пить-PRS.3SG

tamak kāsk-e, *žug-išk-e,* *koñdon luška.*
 табак курить-PRS.3SG бить-DETR-PRS.3SG деньги воровать.PRS.3SG

‘Я с мужем своим мучаюсь: [он] пьет, курит, дерется, деньги ворует’.

- (39) бесермянский удмуртский:

So-len an-ez kul-i-z, *so kur až-e.*
 тот-GEN1 мама-POSS.3SG умереть-PST-3SG тот страдать-PRS.3SG

‘У нее мама умерла, она очень страдает’.

Интересно, что в близкородственном коми-зырянском у базового болевого глагола есть значение душевной боли:

²⁴ Для *rañž-išk-o:*, как и для русского *мучиться*, по-видимому, стоит говорить не столько о душевной боли, сколько о сильном длительном душевном и / или бытовом дискомфорте (ср. *мучиться с плохо работающим краном / с блинами*).

- (40) к.-зыр. яз., иж. диал., муж. говор [Кузнецова и др. 2010: 32]:

Челяд-е серти сьӧлэм-е вис-е.
 дети-POSS.1SG из-за сердце-POSS.1SG болеть-PRS.3SG

‘Я очень переживаю за детей (букв. Из-за детей мое сердце болит)’.

Бесермянские базовые болевые предикаты также не используются для обозначения **утраты функциональности** части тела. Для этого обычно употребляются специализированные корни (например, *maíd-* ‘терять зрение’, *kwalka-* ‘отниматься (о конечностях)’ и др.) или конструкции с идеофонами (например, *bál-baí ažǎnǎ* ‘не видеть (букв. быть-баль видеть)’), *kǎskǎl-ak luǎnǎ* ‘вдруг стать нерабочим (букв. стать кыскыль)’).

Так же устроен русский язык, только в нем идеофоны для обозначения утраты функциональности используются крайне редко. Их заменяют конструкции с указательным местоимением *тот* в генитиве (ср. русск. прост. *У него голова / глаза совсем того*). В доступных нам коми-зырянских примерах, содержащих базовые болевые предикаты, утрата функциональности всегда сопровождается болью:

- (41) литературный коми-зырянский язык (корпус, пресса):

Син дойм-ытӧдз дзорг-ан, и синва-ыд
 глаз болеть-CV.1IM тарашиться-FUT.2SG CONJ слеза-POSS.2SG

чепӧсьяс сол-ӧн.
 хлынуть.FUT.3SG соль-INS

‘Посмотришь не мигая [на солнце] до боли в глазах, и хлынут соленые слезы’.

Собственно утрата функциональности, без болевого ощущения, выражается глаголом со значением ‘сдвинуться с места’:

- (42) коми-зыр. яз., присыктывкар. диал. [ССКЗД: 336]:

Синм-ыс вӧрзь-ӧма.
 глаз.OBL-POSS.3SG сдвинуться-PST.3SG

‘Зрение ослабло (букв. глаза сдвинулись)’.

В то же время в татарском языке базовый болевой глагол может использоваться для обозначения утраты функциональности:

- (43) татарский (Казань; ПЭ):

Аның начар күр-дә-и күз-ләр-е авыр-т-а.
 он.GEN плохой видеть-PST-DEPAT глаз-PL-3 тяжелый-CAUS-PRS

‘У него плохое зрение (букв. плохо видели глаза вызывали тяжелое [ощущение])’.

Таким образом, можно утверждать, что утрата базовым болевым глаголом болевого семантического компонента с сохранением только компонента утраты функциональности для пермских языков нехарактерна. Теоретически возможного заимствования этой стратегии из татарского не происходит; возможно, общепермская стратегия поддерживается влиянием русского языка.

2.3. Характеристики боли и средства их выражения

Говорящий может **конкретизировать** информацию о болевых ощущениях, добавив к базовому глаголу боли идеофон (44), (45) и/или конверб на *-sa* от глагола, обозначающего специфицированную боль (46).

- (44) бесермянский удмуртский (СлК):

Žotār-žotār kǎsk-ǎ viš-e.
 ИДЕОФН поясница.OBL-POSS.1SG болеть-PRS.3SG

‘У меня ноет (букв. джотыр-джотыр болит) поясница’.

- (45) бесермянский удмуртский (СлК):

Jâr-âd zut-zut viš-e.
 голова-POSS.2SG **ИДЕОРН** болеть-PRS.3SG

‘У тебя в голове начинается ноющая боль (букв. твоя голова зут-зут болит)’.

- (46) бесермянский удмуртский (СлК):

Piñ-â zub-zub kâska-sa viš-e.
 зуб-POSS.1SG **ИДЕОРН** тянуть-CVВ болеть-PRS.3SG

‘У меня зуб очень сильно болит (букв. зуб сильно тянучи болит)’.

Боль, обозначаемая базовыми предикатами, может быть любой **интенсивности**. Интенсивность боли выражается преимущественно аналитически: интенсификаторами (47)–(49) или идеофонами (50), (51)²⁵.

- (47) бесермянский удмуртский (СлК):

Pâdes-ist-âm lî-os-âz lakâr vâr-o,
 колено-EL-POSS.1SG кость-PL-POSS.3SG **ИДЕОРН** шататься-PRS.3PL

So tânat jun viš-e.
 тот я.GEN1 **очень** болеть-PRS.3SG

‘У меня хрустят кости в колене, оно у меня **очень сильно болит**’.

- (48) бесермянский удмуртский (СлК):

Pik karon-len gumî-ja-z piçî-ješ gâne
 медовик-GEN1 стебель-LOC-POSS.3SG маленький-ADJ.PL совсем

veñ-ños-âz wañ, no so-os zol veš ug kar-o.
 игла-PL-POSS.3SG быть.PRS CONJ тот-PL **очень больно** NEG.PRS делать-PRS.3PL

‘У медовика (растения) на стебле есть маленькие иголки, но они **очень больно** не колются (букв. не делают)’.

- (49) бесермянский удмуртский (СлК):

Mon tolon suç-k-i, sâçe veš val!
 я.NOM вчера жечь-DETR-PST.1SG **так больно** быть.PST

‘Я вчера обожглась, **так больно** было!’

- (50) бесермянский удмуртский (СлК):

Davleñije=ke žuč-ik-e, jâr-â žotâr-žotâr viš-e.
 давление=если поднимать-DETR-PRS.3SG голова-POSS.1SG **ИДЕОРН** болеть-PRS.3SG

‘Если у меня поднимается давление, голова **очень сильно болит**’.

- (51) бесермянский удмуртский (СлК):

Žot-žot šulm-â viš-e.
ИДЕОРН сердце-POSS.1SG болеть-PRS.SG

‘У меня **очень** сердце **болит**’.

Также высокая интенсивность боли может выражаться специальными лексическими единицами: *kur ažânâ* или *rañžânâ* ‘мучиться’, которые могут использоваться как отдельно, так и в сочетании с интенсификатором:

- (52) бесермянский удмуртский (СлК):

Mânat sošed-e šulm-ân-âz jun rañž-e.
 я.GEN сосед-POSS.1SG сердце-INS-3SG **очень** мучиться-PRS.3SG

‘У меня сосед очень сердцем мучается’.

²⁵ Все перечисленные средства активно используются с глаголом *višânâ* ‘болеть’. Для предикатива *veš* ‘больно’ и отглагольного имени *višon* ‘боль’ в корпусах бесермянского наречия встречаются только примеры с интенсификаторами, а для каузатива *višâtânâ* ‘вызывать боль, причинять боль, быть причиной возникновения болевых ощущений’ не встретилось ни одного контекста с рассматриваемой семантикой.

Глагол *tăžtănă* ‘болеть в результате нарушения сакральных запретов’ также обозначает интенсивную боль, локализованную, как правило, не в одной части тела, а в нескольких или в организме в целом²⁶. Наконец, выражение *ug băgatănă* ‘не мочь, недомогать’, по словам носителей бесермянского удмуртского, также означает боль, более сильную, чем выражаемая базовым *višănă* ‘болеть’, и может переводиться как ‘очень болеть’.

Примеров морфологического выражения интенсивности неспецифицированного болевого ощущения в нашем материале не нашлось. Таким образом, для выражения интенсивности боли базовые предикаты предпочитают аналитические средства. В родственном бесермянскому коми-зырянском языке картина совсем другая. По данным [Лучина 2011], боль с перепадами интенсивности выражается в коми-зырянском морфологически — показателем итератива / семейфактива: *viš-e* ‘болит’ — *viš-ed-e* ‘побаливает’ [Там же: 125]. Идеофоны, которые бы обозначали высокую интенсивность боли, в коми-зырянском не отмечены.

Русский язык также может выражать высокую или, наоборот, низкую интенсивность боли префиксами и суффиксами (ср. *разболеться*, *расхвораться* vs. *приболеть*), но такая стратегия используется менее регулярно, чем аналитическая. Например, *приболеть* используется для обозначения ситуации плохого самочувствия, но не локальной боли.

Тюркские языки, в отличие от коми-зырянского и русского, не используют глагольных морфологических показателей для обозначения высокой или низкой интенсивности боли, заменяя их интенсификаторами, а также конструкциями с идеофонами²⁷.

Таким образом, бесермянский удмуртский утрачивает общепермские морфологические средства выражения интенсивности боли и под влиянием тюркских языков-соседей развивает аналитическую стратегию выражения интенсивности, привлекая для этого не только интенсификаторы, но и многочисленные идеофоны.

Аспектуальные характеристики болевой ситуации также выражаются преимущественно аналитически: с помощью а) адвербиальных лексем, обозначающих длительность или многократность (53), б) конструкций с идеофонами на *-ak*, используемыми для обозначения мгновенно и неожиданно возникающих ситуаций (54), в) конструкций с глаголом *kućkănă* ‘начинать(ся)’ (54). Повторяющиеся приступы боли могут также выражаться морфологически — показателем итератива *-ăl-* (55). Итеративная форма *višălănă* более частотна для обозначения плохого самочувствия, но также допустима и для обозначения локальной боли. Использование итеративного показателя, однако, не является обязательным, ср. (53).

(53) бесермянский удмуртский (СлК):

Dâr-ăn-dâr-ăn jâr-ă viš-e.
 время-INS-время-INS голова-POSS.1SG болеть-PRS.3SG
 ‘Временами у меня болит голова’.

(54) бесермянский удмуртский (СлК):

Mar taće ket ul-ă ċokak viš-ănă kućk-i-z?
 что такой живот низ-POSS.1SG ИДЕОФН болеть-INF начинать-PST-3SG
 ‘Что это у меня так резко заболел (букв. чокак болеть начал) низ живота?’

(55) бесермянский удмуртский (СлК):

Mănat virser-ă lab uža,
 я.GEN1 сосуд-POSS.1SG слабо работать.PRS.3SG

²⁶ По-видимому, сказанным объясняется более частое (90 % примеров корпуса для бесермянского словаря) использование глагола в значении не боли, а болезни.

²⁷ Наши татарские консультанты отрицают возможность использования идеофонов для обозначения боли в татарском языке. Вероятнее всего, такой результат представляет собой искажение реального положения дел, связанное с неудачным методом сбора материала: элицитация, тем более письменная и асинхронная, очевидно, не лучший способ обнаружения идеофонов в языке. О том, что для тюркских языков в болевой зоне характерны идеофоны, можно судить по работам [Тищенко-Монастырская 2009; Иванов 2016; 2017].

jâr-â *ĉem* *viš-âl-e*.
 голова-POSS.1SG часто болеть-ITER-PRS.3SG

‘У меня низкое давление (букв. сосудистая система плохо работает), голова часто болит’.

Также для выражения постоянной (длительной и/или многократной) боли может использоваться конструкция с конвербом на *-sa-* от глагола *višânâ* ‘болеть’ и вспомогательным глаголом *ulânâ* ‘жить, находиться’ (55), (57) или *kâllânâ* ‘лежать’.

(56) бесермянский удмуртский (СлК):

Abi-je *ĉem / tros* *viš-âsa* *ul-e*.
 бабушка-POSS.1SG часто/много болеть-CVB жить-PRS.3SG

‘Моя бабушка часто/много болеет (букв. болеючи живет)’.

(57) бесермянский удмуртский (СлК):

Pâd-â *pâr* *viš-âsa* *ul-e*.
 нога-POSS.1SG постоянно болеть-CVB жить-PRS.3SG

‘У меня нога все время болит (букв. болеючи живет)’.

Татарский язык также предпочитает выражать аспектуальные значения аналитически — с помощью наречий, а не специальных глагольных показателей:

(58) татарский (Казань; ПЭ):

Бала *гел* *авыр-т-а*.
 Ребенок всегда тяжелый-CAUS-PRS

‘Ребенок все время болеет’.

Кроме того, для татарского языка характерно выражение длительности с помощью конструкций с конвербом и вспомогательным глаголом [Татевосов и др. 2017: 26 и сл.], которое мы наблюдали и в бесермянском (56), (57).

Коми-зырянский и русский языки используют наречия как вспомогательное средство выражения видовых значений — основными же средствами выражения вида в них выступают глагольные показатели [Лучина 2011: 125–126]. Но ни русскому, ни коми-зырянскому не свойственно выражать длительность боли конструкцией с конвербом и вспомогательным глаголом.

Таким образом, неспецифицированные предикаты боли в бесермянском удмуртском предпочитают аналитическое выражение аспектуальных характеристик и интенсивности боли, для которых в коми-зырянском языке наблюдается предпочтение морфологических средств выражения. Возможно, морфологическая стратегия была исконно пермской и постепенно утрачивается бесермянским удмуртским под влиянием тюркских языков, предпочитающих аналитические средства выражения длительности боли и ее интенсивности.

2.4. Кодирование ядерных актантов

Варианты падежного оформления основных участников болевой ситуации: субъекта боли и части тела — для бесермянских неспецифицированных болевых предикатов представлены в таблице 2 (с. 90–91).

Бесермянский удмуртский не относится к языкам с доминирующим экспириенциальным осмыслением боли. Этим он близок, прежде всего, родственному коми-зырянскому, а также татарскому языку и кардинально отличается от русского, где экспириенциальный паттерн для обозначения состояний, в том числе болевых, активно используется (ср. *Мне больно / нездоровится*). В бесермянском удмуртском и татарском экспириенциальная стратегия присутствует преимущественно в конструкциях с одиночными предикативами со значением ‘больно’, ‘плохо’ и ‘тяжело’. В этом случае на поверхности выражается только субъект боли (он кодируется дативом). Часть тела при дативном субъекте

Таблица 2

Управление базовых предикатов боли (ядерные актанты)

Предикат		X (той, кто испытывает боль)	Y (локализация боли, часть тела)
Некаузативные	vīšānā 'болеть'	NOM	—
		не выражается лексически — только посессивный показатель на лексеме Y	NOM
		GENI + посессивный показатель на лексеме Y	PROL (с вопросительными местоимениями) ILL
	vīšānā 'плохо себя чувствовать, «болеться»'	не выражается на поверхности, выводится из контекста	—
		—	—
	tāṣṭānā 'болеть в наказание'	GENI + посессивный показатель на лексеме Y	NOM
		INS (нет непосредственно болевого значения — только более общее значение негативной ситуации)	—
	tāṣṭe luānā 'что-то случилось'	не выражается лексически — только посессивный показатель на лексеме Y	NOM
		GENI + посессивный показатель на лексеме Y	—
	ārodānā 'становиться хуже, шлохеть'	NOM	—
NOM или — + посессивный показатель на лексеме Y		INS	
—		INS	
ig bāgānā 'неможеться'	NOM + посессивный показатель на лексеме Y	INS (только в составе конструкции с соположением Y + vīson)	NOM
		—	
kur āṣānā 'мучиться'	не выражается лексически — только посессивный показатель на лексеме Y	—	не оформляется — образует конструкцию с соположением
	GENI + посессивный показатель на лексеме Y	NOM	—
	—	—	не оформляется — образует конструкцию с соположением
Существительные	vīson 'боль'	—	—
	vīset 'боль'	—	—

Некаузативные

Иди-ома

Существительные

Некаузативные		Предикат	X (той, кто испытывает боль)	Y (локализация боли, часть тела)
Предикативное / прилагательное	Ус' 'больно', у́с' <i>luânâ</i> 'больно + стая'	–	–	–
		не выражается лексически — только посессивный показатель на лексеме Y	–	NOM (только для ус' <i>luânâ</i>)
		GEN1 + посессивный показатель на лексеме Y	–	NOM (только для ус' <i>luânâ</i>)
	ârod 'плохо', ârod <i>luânâ</i> 'плохо + стая'	DAT	–	–
		DAT	–	–
		не выражается лексически — только посессивный показатель на лексеме Y	–	NOM (только для ус' <i>luânâ</i>)
–	GEN1 + посессивный показатель на лексеме Y	–	NOM (только для ârod <i>luânâ</i>)	
	не выражается лексически — только посессивный показатель на лексеме Y	–	–	
	DAT	–	–	
Казуативные	Ллагол	у́с' <i>karânâ</i> 'вызывать боль'	GEN2 + посессивный показатель на лексеме Y (редк., лит. удм.)	ACC
		не выражается лексически — только посессивный показатель на лексеме Y	–	ACC
	Предикатив	у́с' <i>karânâ</i> 'больно делать'	GEN2 + посессивный показатель на лексеме Y (редк., лит. удм.)	ACC
–	–	ACC	–	
–	–	–	–	

боли в бесермянском удмуртском не выражается (59) — как и в коми-зырянском (32), где обозначение части тела встречается при номинативном оформлении субъекта (33).

(59) бесермянский удмуртский (полевые записи, элицитация):

So-lâ *veś* / **So-lâ* *veś* *ki-ze*.
 тот-ДАТ больно / *тот-ДАТ больно рука-POSS.3SG.ACC

‘Ему больно / *Ему руку больно’.

В инхоативной конструкции с глаголом *luânâ* предикативы ведут себя иначе, укладываясь уже не в экспериментальный, а в посессивный паттерн осмысления боли (см. ниже).

Более востребованным и, по-видимому, изначально присущим бесермянскому удмуртскому оказывается паттерн «боль = воздействие». Он используется прежде всего в каузативных предикатах боли, при которых в фокусе внимания оказывается часть тела — пациенс, оформляемая аккузативом. Реже (только в конструкции с *veś karânâ* ‘больно делать’) роль пациенса и аккузативное оформление достаются субъекту боли — часть тела при этом не выражается на поверхности:

(60) бесермянский удмуртский (СлК):

Parś *pi-os-tâ* *zêk-es=ni*,
 свинья детеныш-PL-POSS.2SG большой-ADJ.PL=EMPH

anaj-zes *veś* *kar-o=ni*.
 мать-POSS.3PL.ACC больно делать-PRS.3PL=EMPH

‘Поросята твои большие уже — своей матери больно делают’ (потому их надо отделить от свиноматки).

Кодирование части тела как цели воздействия для бесермянских неспецифицированных²⁸ болевых предикатов не характерно (часть тела обычно выступает в роли пациенса и оформляется аккузативом). Иллативом управляет глагол *mâžmânâ* ‘болеть в наказании’ (61), однако при нем иллативный показатель не присоединяется ни к субъекту боли, ни к части тела, а кодирует место, попадание в которое стало причиной болевой ситуации.

(61) бесермянский удмуртский (СлК):

Peškâ *kotâr-ti-d* *tâlpin-tâlpin*,
 чирей вокруг-PROL-POSS.2SG ярко-красный

kâtčâ=ke *mâžm-i-d* *lu-o-z*.
 куда-то.ILL=INDEF болеть-PST-2SG стать-FUT-3SG

‘Вокруг болячки красным-красно, наверное, ты куда-то попал в нехорошее место и потому заболел (букв. куда-то заболел в наказание)’.

Отметим, что пациентивный паттерн осмысления болевой ситуации еще активнее используется бесермянскими предикатами специфицированных болевых ощущений. В этой зоне он востребован не только у каузативных предикатов, но также и у предикатов без каузативных показателей, образованных от неболевых глаголов воздействия-манипуляции и / или перемещения:

(62) бесермянский удмуртский (СлК):

Ket-me *bâgârt-e*.
 живот-POSS.1SG.ACC раскатывать²⁹-PRS.3SG

‘У меня живот крутит’.

²⁸ При обозначении специфицированных болевых ощущений, где осмысление боли как воздействия будет подкрепляться многочисленными источниками метафоризации (воздействие инструментом, разрушение, деформация и др.), иллативное оформление части тела частотно. Пациентом при таких глаголах выступает субъект боли, а части тела отводится роль цели.

²⁹ У данного глагола нет точного переводного аналога в русском языке. Это глагол группы воздействия инструментом. Он может называть, например, ситуации раскатывания теста, разрыхления земли, подшивания края одежды, зачищивания краев пирога и др.

- (63) бесермянский удмуртский (СлК):

Tābār-m-e=no mar=ke kās-k-e.
 спина-POSS.1SG-ACC=ADD что=INDEF тянуть-PRS.3SG
 ‘Мне спину что-то тянет’.

Пациентивный паттерн осмысления боли, по свидетельству [Лучина 2011], характерен для коми-зырянского, но менее активно востребован в русском и практически не востребован в татарском. Тем самым есть основания утверждать, что это исконно пермское явление.

Осмысление болевой ситуации как **одного из положений дел, имеющих некоторое отношение к субъекту** боли (будем для краткости называть его посессивным) оказывается наиболее характерным³⁰ для неспецифицированных предикатов боли в бесермянском удмуртском. Для такого понимания боли возможны два варианта оформления субъекта боли — генитивом (как внешнего посессора) или номинативом (как темы). В первом случае роль темы получает часть тела, которая стоит в номинативе (64), (65). Во втором — часть тела или не выражается на поверхности, или оформляется одним из местных падежей — локативом или пролативом (66). Последний, по-видимому, обязателен при замене существительного — части тела относительным местоимением.

- (64) бесермянский удмуртский (СлК):

Īem-ez par-āsa ket viš-on dār-ja=no ju-o.
 черемуха-ACC заваривать-CVВ живот болеть-VN время-ADV=ADD пить-PRS.3PL
 ‘Черемуху заваривают, когда живот болит, и пьют’.

- (65) бесермянский удмуртский (СлК):

Mānam si’an pāsi-je veš lu-e.
 я.GEN1 испражняться-VN отверстие-POSS.1SG больно становится-PRS.3SG
Mon si’a-ško loš=kad šarik-en.
 я.NOM испражняться-PRS.1SG лось=как шарик-INS
 ‘У меня болит анальное отверстие: я какаю шариками, как лось’.

- (66) бесермянский удмуртский (СлК):

Mon vera-nā ug bāgat-išk-ā, kātī-jā mānam viš-e.
 я сказать-INF NEG мочь-DETR-NEG.SG где.PROL-POSS.1SG я.GEN1 болеть-PRS.3SG
 ‘Я не могу сказать, где у меня болит’.

Поскольку посессивный паттерн не накладывает ограничений на участников ситуации, кроме первого, посессивное кодирование субъекта боли может совмещаться с паттерном «боль = воздействие» и допускает для части тела роль пациенса или цели, ср. (63)³¹. Тот факт, что в бесермянском удмуртском посессивные показатели являются грамматически обязательными при обозначении референтных частей тела, значительно расширяет область действия посессивной стратегии: субъект боли, даже не выражаясь с помощью падежной формы, присутствует в высказывании в виде посессивного показателя³². Стоит отметить,

³⁰ Эта стратегия осмысления болевой ситуации характерна для большинства неспецифицированных болевых предикатов. Из этого мы делаем вывод о наибольшей ее распространенности в бесермянском удмуртском.

³¹ Для бесермянского удмуртского комбинация субъекта-посессора в генитиве с частью тела в роли пациенса в аккумулятиве нехарактерна, хотя не запрещена — предпочитается выражение субъекта с помощью посессивных показателей (13), (14). В литературном удмуртском комбинация генитива субъекта и аккумулятива части тела при обозначении боли — более частое явление.

³² Чаще всего в бесермянском удмуртском при аккумулятивном / иллативном оформлении части тела субъект боли кодируется только посессивными показателями и не выражается на поверхности (формой генитива), но генитивное его оформление не запрещено, ср. (12). Такие примеры регулярно встречаются в корпусе литературного удмуртского, допускающего более тяжелые

что при осмыслении «боль = ситуация, имеющая отношение к субъекту» в бесермянском удмуртском не используется инструменталис-комитатив (ср. русск. *У него плохо / что-то с сердцем*). Попав в болевую зону, конструкция *marke luññ* перестраивает модель управления: часть тела начинает кодироваться не ожидаемым инструменталисом, а номинативом (68) и вытесняет *marke* из позиции подлежащего; последнее теряет актантные свойства (ср. русск. *Что-то у меня голова болит*).

(67) бесермянский удмуртский (СлК):

So-len šek-a-z uš-i-z,
 тот-GEN1 чувство-ILL-POSS.3SG падать-PST-3SG
brat-en-ǎž marke lu-i-z šusa.
 брат-INS-POSS.3SG что-то стать-PST-3SG что

‘Он почувствовал, что с его братом что-то случилось’.

(68) бесермянский удмуртский (СлК):

šulm-ǎž marke lu-i-z.
 сердце-POSS.3SG что-то стать-PST-3SG

‘У него с сердцем что-то случилось (букв. его сердце что-то стало)’.

Инструментальное оформление части тела наблюдается у предикатов с семантикой ‘мучиться, страдать’ — *rañžǎññ* и *kur ažǎññ* (29), (30), (52), но при них это не комитативный инструменталис, а инструменталис причины, типичный для бесермянского. Так, *kur ažǎññ* не допускает инструментального управления только частью тела, требуя конструкции *X višon* ‘X-овая боль’, где X — нереферентное обозначение части тела (30). Для *rañžǎññ* часть тела в инструменталисе допустима, но она, по-видимому, метонимически отождествляется с локализованной в ней болью, причиняющей страдания.

Интересный случай представляет модель управления конструкции *ug bǎgatǎññ* ‘неможеться’. На первый взгляд, этот глагол, как и *rañžǎññ* и *kur ažǎññ*, демонстрирует экспериментальную стратегию осмысления боли, где субъект боли выступает в роли экспериментера и кодируется номинативом, а часть тела становится причиной / источником и получает стандартное для бесермянского удмуртского инструментальное оформление. Однако в неболевых ситуациях с *ug bǎgatǎññ* причина обычно кодируется не инструменталисом, а вторым генитивом (69). Изменение глагольного управления для той же роли кажется малооправданным. С другой стороны, инструменталис в неболевых контекстах с *ug bǎgatǎññ* регулярно используется для обозначения органа-инструмента (части тела), выполняющего действие, подчиненное предикату ‘мочь’ (70).

(69) бесермянский удмуртский (СлК):

Piči pi-je ta peš-leš ujbât
 маленький мальчик-POSS.1SG этот жара-GEN2 вся.ночь
už-ǎññ ez bǎgat.
 спать-INF NEG.PST.3 мочь

‘Мой сынок из-за этой жары всю ночь спать не мог’.

(70) бесермянский удмуртский (СлК):

Kor-ez žut-ǎññ ki-jen ud bǎgat-e.
 бревно-ACC поднимать-INF рука-INS NEG.FUT.2 мочь-NEG.PL

‘Это бревно вы руками не сможете поднять’.

Таким образом, в случае с болевым *ug bǎgatǎññ*, по всей вероятности, имеет место не экспериментальная стратегия осмысления боли, а своего рода «ленивый»

конструкции: *ужась-ѐс-лэсь* (работник-PL-GEN2) *йыр-зэс* (голова-POSS.3PL.ACC) *вись-ыт-о* ‘голови у работников болят (букв. что-то заставляет болеть головы работников)’.

ребрендинг³³. Сформировав новое значение ‘не мочь (функционировать), возможно, из-за плохого самочувствия → плохо себя чувствовать, испытывать боль’, глагол не стал использовать стандартные стратегии кодирования новых ролей, а сохранил одну из старых моделей управления — ту, которая раньше использовалась во фразах с обозначениями частей тела³⁴.

Посессивный паттерн осмысления боли активно используется в коми, татарском и русском языках.

Кроме описанных трех паттернов представления боли, бесермянский удмуртский допускает перенос фокуса с участников ситуации на саму ситуацию. Этот перенос позволяет не выражать на поверхности субъект боли и часть тела. Такую возможность дает прежде всего отглагольное образование *višet*, которое используется преимущественно для обозначения болевой ситуации как причины иной ситуации — без указания на субъект боли и часть тела (21). Также без включения в состав клаузы субъекта боли или / и части тела могут использоваться конструкции с *višon* (64) и *veś* ((17) и др.) и детранзитивное *višiskānā* (15). Часть тела при «нулевой» стратегии осмысления боли может выражаться на поверхности, выступая в роли конкретизатора болевых ощущений и образуя с предикатом конструкцию с соположением (64). То же можно наблюдать и в коми, и в татарском, и в русском языках. Обобщение стратегий кодирования участников болевой ситуации в бесермянском, русском, коми-зырянском и татарском языках содержится в таблице 3.

Таблица 3

**Востребованность стратегий кодирования участников болевой ситуации
в бесермянском, русском, коми-зырянском и татарском языках**

Язык	Экспериментальная стратегия	Пациентивная стратегия	Посессивная стратегия
Бесермянский удмуртский	Предикативы с дативным оформлением субъекта	Активно используется	
Коми-зырянский	Не используется		
Татарский	Предикативы с дативным оформлением субъекта	Не используется	Активно используется
Русский	Активно используется (базовая стратегия при обозначении состояний, не только болевых)	Менее востребована, более характерна для специфицированных предикатов боли	

Таким образом, мы видим, что бесермянский удмуртский проявляет присущие родственному коми-зырянскому черты кодирования основных участников болевой ситуации и предпочитает посессивный и пациентивный паттерн осмысления боли. Из русского бесермянский заимствует также и экспериментальный паттерн (существующий и в татарском), но использует его не так активно.

³³ Вслед за Е. В. Рахилиной и ее группой будем называть ребрендингом «мену сочетаемости, которой сопутствует существенное изменение значения, “удалившее” результирующую семантику прилагательного на столь значительное расстояние от исходного, что оно не покрывается ни метафорой, ни метонимией» [Рахилина 2010: 429–430]. «Семантической базой ребрендинга является импликатура, при которой результат семантического перехода служит следствием или выводом из исходного значения» [Там же: 446].

³⁴ Возможно, это свидетельствует о том, что семантический переход «не мочь» → «болеть» не произошел в бесермянском удмуртском непосредственно, а болевое значение «не мочь» было заимствовано из русских диалектов и наложилось на исконное собственно модальное «не мочь».

Заключение

Итак, мы продемонстрировали, что для бесермянского наречия удмуртского языка характерна относительно подробная система средств обозначения неспецифицированной болевой ситуации. Она включает базовый корень с высоким словообразовательным потенциалом (каузативные и детранзитивные глаголы, два типа отглагольных существительных, прилагательное-предикатив-существительное), как минимум три семантически непроизводных предиката с иными, семантически более сложными корнями и как минимум четыре предикативных единицы, развивших болевое значение из неболевого. Эта система богаче как коми-зырянской, так и русской и татарской. Бесермянский удмуртский сохраняет пермские черты и активно заимствует средства выражения болевых значений из русского. Более бедная система татарского языка не оказывает влияния на лексический состав бесермянской системы.

При выражении аспектуальных характеристик неспецифицированной боли и степени ее интенсивности бесермянский удмуртский теряет пермские черты и, в отличие от коми-зырянского, практически не использует глагольные аффиксы. Здесь наблюдается сильное влияние татарского языка, заключающееся в явном предпочтении лексических средств выражения: адвербиалов, конструкций с конвербами и легкими глаголами и конструкций с идеофонами.

Бесермянские модели управления те же, что и в коми-зырянском. Они демонстрируют предпочтение посессивного и пациентивного осмысления болевой ситуации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC — аккузатив	ILL — иллатив
ADD — аддитивная клитика	INDEF — неопределенность
ADJ — прилагательное	INF — инфинитив
ADV — наречие	INS — инструменталис
CAUS — каузатив	ITER — итератив
CONJ — союз	LOC — локатив
CVB — деепричастие	NEG — отрицание
CVB.LIM — предельное деепричастие	NMZ — номинализация
CVB.SIMULT — деепричастие одновременности	NOM — номинатив
DAT — датив	OBL — косвенная основа
DEPAT — депациентив	PL — множественное число
DETR — детранзитив	POSS — посессивность
EL — элатив	PROL — пролатив
EMPH — эмфаза	PRS — настоящее время
EXP — экспериентив	PST — прошедшее время
FUT — будущее время	PTCP — причастие
GEN — генитив	SG — единственное число
ИДЕОФН — идеофон	VN — отглагольное имя

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Словари

- Алатырев 1988 — Алатырев В. И. *Этимологический словарь удмуртского языка: буквы А, Б: 778 словарных статей*. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988.
- Кузнецова и др. 2010 — Кузнецова А. И. (ред.), Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Усачева М. Н. *Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка*. Екатеринбург: Баско, 2010.

- РТС — Дмитриев Н. К. (гл. ред.). *Русско-татарский словарь: В 4 т.* Казань: Таткнигоиздат, 1955–1959.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Л.: Наука, 1965–2016.
- СРГСУ — Вовчок П. А. (гл. ред.). *Словарь русских говоров Среднего Урала.* Свердловск, 1964–1988.
- ССКЗД — Сорвачева В. А. (ред.), Жилина Т. И., Сахарова М. А. *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов.* Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1961.
- ТРС — Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А., Закиев М. З., Минуллин К. М., Рамазанова Д. Б. (ред.). *Татарско-русский словарь: В 2 т.* Казань: Магариф, 2007.
- Rédei 1988 — Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch.* Bd. 1. *Uralische und finnisch-ugrische Schicht.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.

Электронные ресурсы

- Бесермянский корпус. http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru
- Корпуса коми-зырянского литературного языка и коми-зырянских социальных сетей. <http://komi-zyrian.web-corpora.net/>
- Корпус примеров из бесермянско-русского словаря. http://linghub.ru/beserman_examples_corpus/search
- Корпуса удмуртского языка и удмуртских социальных сетей. <http://udmurt.web-corpora.net/>
- Мультимедийный бесермянский корпус. http://linghub.ru/beserman_multimedia/search
- База FrameNet. <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бонч-Осмоловская и др. 2009 — Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации. *Концепт боль в типологическом освещении.* Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.). Киев: Видавничий дім Дмитра Бурого, 2009, 8–27. [Bonch-Osmolovskaya A. A., Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Verbs of pain: Lexical typology and mechanisms of semantic derivation. *Kontsept bol' v tipologicheskom osveshchenii.* Britsyn V. M., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Yavorskaya G. M. (eds.). Kyiv: Dmytro Buraho Publishing House, 2009, 8–27.]
- Брицын и др. 2009 — Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.). *Концепт боль в типологическом освещении.* Киев: Видавничий дім Дмитра Бурого, 2009. [Britsyn V. M., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Yavorskaya G. M. (eds.). *Kontsept bol' v tipologicheskom osveshchenii* [The concept of pain in a typological perspective]. Kyiv: Dmytro Buraho Publishing House, 2009.]
- Жорник, Хомченкова 2017 — Жорник Д. О., Хомченкова И. А. Предикаты боли в горномарийском языке: семантика и морфосинтаксис. *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых».* Девяткина Е. М. (ред.). М.: Ин-т языкознания РАН, 2017, 95–112. [Zhornik D. O., Khomchenkova I. A. Predicates of pain in Hill Mari: Semantics and morphosyntax. *Problemy yazyka: Papers from the 5th Conf. "Issues of language: Young scholars' perspective"*. Devyatkina E. M. (ed.). Moscow: Institute of Linguistics, 2017, 95–112.]
- Иванов 2016 — Иванов В. А. Идеофоны в функции интенсификатора (на материале пермских языков). *Тринадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций* (Санкт-Петербург, 2016). Мищенко Д. Ф. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2016, 63–65. [Ivanov V. A. Ideophones as intensifiers in Permic languages. *13th Conf. on Typology and Grammar for Young Scholars* (St. Petersburg, 2016): Book of abstracts. Mishchenko D. F. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016, 63–65.]
- Иванов 2017 — Иванов В. А. Звукоподражания финно-угорских языков Поволжья в сопоставлении с тюркскими. *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции* (Уфа, 2017). Хисамитдинова Ф. Г. (ред.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017, 90–94. [Ivanov V. A. Ideophones in the Finno-Ugric languages of Volga region, against the background of Turkic. *Proc. of 17th Conf. "Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii"* (Ufa, 2017). Khisamitdinova F. G. (ed.). Ufa: Institute of History, Language and Literature, 2017, 90–94.]
- Кашкин, Плешак 2015 — Кашкин Е. В., Плешак П. С. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование). *Вестник Воронежского*

- гос. ун-та. *Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2015, 3: 137–142. [Kashkin E. V., Pleshak P. S. Ideophonic verbs of falling: Semantic observations and a prospect of a typology. A corpus study. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Linguistics and intercultural communication"*, 2015, 3: 137–142.]
- Кельмаков 1998 — Кельмаков В. К. *Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография*. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. [Kel'makov V. K. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A brief course of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography]. Izhevsk: Udmurt Univ. Press, 1998.]
- Копчевская-Тамм, Рахилина 1999 — Копчевская-Тамм М., Рахилина Е. В. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции). *Типология и теория языка: От описания к объяснению. Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика*. Тестелец Я. Г., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1999, 462–487. [Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E. V. With the warmest feelings: In the aftermath of the Stockholm expedition. *Tipologiya i teoriya yazyka: Ot opisaniya k ob'yasneniyu. Sbornik k 60-letiyu A. E. Kibrika*. Testeleets Ya. G., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999, 462–487.]
- Лучина 2011 — Лучина Е. С. Концептуализация боли в мужевском говоре коми-зырянского языка. *Colloquia classica et indogermanica V*. Казанский Н. Н. (отв. ред.). СПб.: Наука, 2011, 122–128. (= *Acta linguistica Petropolitana*, 2011, т. VII, ч. 3.) [Luchina E. S. Conceptualization of pain in Muzhi dialect of Komi-Zyrian. *Colloquia classica et indogermanica V*. Kazansky N. N. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2011, 122–128. (= *Acta linguistica Petropolitana*, 2011, vol. VII, part 3.)]
- Люкина 2008 — Люкина Н. М. *Особенности языка балезинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика)*. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2008. [Lyukina N. M. *Osobennosti yazyka balezinskikh i yukamenskikh besermyan (sravnitel'naya kharakteristika)* [The language of Balezin and Yukamen Beserman people: A comparative study]. Ph.D. diss., Udmurt State Univ, 2008.]
- Майсак, Рахилина 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Lexical typology of predicates denoting motion in a liquid medium]. Moscow: Indrik, 2007.]
- Рахилина 2010 — Рахилина Е. В. (отв. ред.). *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. [Rakhilina E. V. (ed.). *Lingvistika konstruktiv* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik, 2010.]
- Татевосов и др. 2017 — Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. (ред.). *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*. М.: Буки Веди, 2017. [Tatevosov S. G., Pazel'skaya A. G., Suleimanov D. Sh. (eds.). *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialekt* [Elements of the Tatar language in a typological perspective: Mishari dialect]. Moscow: Buki Vedi, 2017.]
- Тищенко-Монастырская 2009 — Тищенко-Монастырская О. А. Метафоры боли в крымскотатарском языке. *Концепт боль в типологическом освещении*. Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.). Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009, 281–313. [Tishchenko-Monastyrskaya O. A. Pain metaphors in Crimean Tatar. *Kontsept bol' v tipologicheskom osveshchenii*. Britsyn V. M., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Yavorskaya G. M. (eds.). Kyiv: Dmytro Buraho Publishing House, 2009, 281–313.]
- Кортjevskaja-Tamm 2015 — Кортjevskaja-Tamm М. (ed.). *The linguistics of temperature*. Amsterdam: John Benjamins, 2015.

Получено / received 10.11.2020

Принято / accepted 16.03.2021

О статусе грамматической категории вида в русском языке: взгляд лексикографа

© 2021

Елена Владимировна Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; uryson@gmail.com

Аннотация: Цель работы — обсудить такой способ представления видовых пар, который максимально соответствует, с одной стороны, теоретическим представлениям о категории вида, а с другой — современным лексикографическим требованиям к экспликации семантики слова. Рассматриваются два вопроса: проблема выбора представителя видовой пары (т. е. того члена пары, который получает лексикографическую разработку, в отличие от того члена, который описывается через отсылку к нему) и проблема словарного представления парного многозначного глагола. Описание видовых пар под таким углом зрения позволило выработать более удобный формат подачи глагола; кроме того, оно предоставляет новые, лексикографические аргументы для уяснения природы грамматической категории вида в русском языке.

Ключевые слова: вид, видовая пара, лексикография, полисемия, русский язык

Благодарности: Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-02-00291А).

Для цитирования: Урысон Е. В. О статусе грамматической категории вида в русском языке: взгляд лексикографа. *Вопросы языкознания*, 2021, 6: 99–116.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.99-116

On the status of verbal aspect in Russian: A lexicographer's view

Elena V. Uryson

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

uryson@gmail.com

Abstract: The goal of the paper is to propose a new format of representation of Russian aspectual pairs in an explanatory dictionary. Two issues are being considered: the choice of the representative of an aspectual pair (i.e. the verb in a given pair which gets full lexicographic description in contrast to the other verb, which has just a reference to the former); and the representation of a polysemic aspectual pair. The proposed format satisfies both the aspectological theory and modern requirements to explication of lexical meaning. New semantic arguments are formulated for understanding the nature (inflectional vs. derivational) of Russian verbal aspect.

Keywords: aspect, aspectual pair, lexicography, polysemy, Russian

Acknowledgements: The research was partially supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (No. 19-02-00291A).

For citation: Uryson E. V. On the status of verbal aspect in Russian: A lexicographer's view. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 99–116.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.99-116

Введение

Предлагаемая работа посвящена подаче русских видовых пар в толковом словаре, ср. *делать* — *сделать*, *вырезать* — *вырезать*, *рождаться* — *родиться* и т. п. Цель работы — выбрать такой способ представления видовых пар, который максимально соответствует, с одной стороны, теоретическим представлениям о категории вида, а с другой стороны — современным лексикографическим требованиям к экспликации семантики слова. Описание видовых пар под таким углом позволит не только выработать более удобный формат представления глагола, но и лучше уяснить природу грамматической категории вида в русском языке.

Напомним некоторые основные положения русской аспектологии, на которые опирается лексикографическая практика.

Первое положение состоит в том, что два глагола — СОВ и НЕСОВ — внутри видовой пары имеют тождественное лексическое значение и различаются только видовой семантикой. Второе положение таково: в видовую пару объединяются не многозначные глаголы (во всем наборе их значений), а глагол СОВ в его одном конкретном значении и глагол НЕСОВ, тоже взятый в одном конкретном значении.

В дальнейшем будем называть слово, взятое в одном из своих значений лексемой¹. Многозначное слово представляется как набор лексем. Многозначный глагол в этом отношении не отличается от другого полисемичного слова. Однако некоторые лексемы глагола могут иметь видовые корреляты. Следовательно, многозначный глагол — это набор лексем, некоторые из которых объединены в видовые пары. В общем случае полисемичный глагол представляет собой набор лексем, в который входят как «одиночные» лексемы (не имеющие видового коррелята), так и видовые пары.

Остановимся на том, как выделяются видовые пары, точнее — какие единицы объединяются в видовую пару. Существует два способа выделения видовых пар. Первый состоит в том, чтобы подставить к глаголу НЕСОВ вопрос «что делать?» и объединить этот глагол в пару с тем глаголом СОВ, который отвечает на вопрос «что сделать?» и при этом ничем другим не отличается от выбранного глагола НЕСОВ. Ср. «что делать?» *строить (дом)* — «что сделать?» *построить (дом)*. Этим способом могут пользоваться только носители языка, т. к. видовые пары выделяются в данном случае по интуиции.

Семантическая теория предлагает попытку формализации этого способа — видовая пара определяется исходя из значения глаголов НЕСОВ и СОВ: «чисто видовыми считаются пары глаголов, члены которых не выражают никаких семантических различий, кроме видовых» [Гловинская 1982: 24]. В самом общем виде, глагол СОВ (V1) и глагол НЕСОВ (V2) образуют видовую пару, если лексическое значение глагола V1 тождественно лексическому значению глагола V2, а видовое значение СОВ глагола V1 и видовое значение НЕСОВ глагола V2 различаются строго определенным образом. Ясно, что для семантического определения видовой пары требуется располагать достаточно точными экспликациями лексической и видовой семантики глаголов. Однако такие экспликации предложены далеко не для всех глаголов, а имеющиеся семантические описания не всегда бесспорны. Подробная критика этого подхода содержится в работе [Анна Зализняк и др. 2015: 52–55].

Второй способ выявления видовых пар является операционным и опирается на критерий Маслова. По Ю. С. Маслову, глагол СОВ и глагол НЕСОВ образуют видовую пару, если при строго определенной трансформации контекста глагол СОВ обязательно заменяется на глагол НЕСОВ. Как продемонстрировал Маслов, глагол СОВ автоматически заменяется на глагол НЕСОВ, в частности, «при переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость настоящего исторического» [Маслов 1948/2004: 76]. Ср. *Он поймал жар-птицу и отдал ее царю* — *Он ловит жар-птицу и отдает ее царю*. При такой

¹ В целом лексема соответствует лексико-семантическому варианту (ЛСВ) А. И. Смирницкого.

трансформации контекста «лексическая семантика глагола принципиально не должна подвергаться ни малейшему изменению. Значит, обратимость данного глагола СОВ в тот или иной глагол НЕСОВ при переводе повествования в плоскость настоящего исторического может служить надежным признаком парности этих двух глаголов, а необратимость — признаком того, что данные два глагола не составляют видовой пары» [Там же]. В примере выше *поймал* автоматически заменяется на *ловит*, а *отдал* на *отдает*. Следовательно, *ловить* — *поймать* и *отдавать* — *отдать* — это видовые пары. Напротив, пара *искать* — *найти*, как будто подобная паре *ловить* — *поймать*, видовой не является: глагол *искать* ни в настоящем историческом и ни в каком другом контексте не может заменить собой глагол *найти*. Ср. *Он нашел жар-птицу и отдал ее царю* — **Он ищет жар-птицу и отдает ее царю*.

Очевидно, что критерий Маслова имеет семантическую подоплеку: лексема СОВ заменяется на парную ей лексему НЕСОВ благодаря особенностям семантической организации глаголов внутри видовой пары. Семантическая подоплека критерия Маслова обсуждается в работе [Урысон 2019а], и сейчас мы на этом вопросе не останавливаемся. В дальнейшем при обсуждении видовых пар мы опираемся на критерий Маслова.

При описании многозначного глагола лексикографу необходимо, во-первых, представить в словарной статье глагола его видовые пары (отделив их от «одинокных» лексем данного глагола) и, во-вторых, подать совокупность этих видовых пар (вместе с «одинокными» лексемами) в определенном порядке. В предлагаемой работе рассматриваются — в достаточно общем виде — обе эти проблемы: представлению видовой пары посвящен раздел 1, представление видовых пар в составе набора лексем многозначного глагола рассматривается в разделе 2. В разделе 3 полученные выводы обсуждаются с точки зрения грамматической теории.

Непосредственным объектом исследования служит глагольная пара *исключать* — *исключить*². Этот глагол интересен тем, что представляет собой пример сплетения поставленных выше задач.

1. Представление видовой пары

1.1. Иерархия членов видовой пары: постановка вопроса

С точки зрения словарного описания глагол СОВ и глагол НЕСОВ внутри видовой пары не равноправны. При представлении видовой пары в словаре один из ее членов выбирается в качестве основного: он получает полноценное словарное описание, в то время как второй член пары описывается через отсылку к нему. (Такие отсылки в русской лексикографии называют условными формулами.) Например: «**вышивать**. Несов. к вышить» [МАС]. Вслед за [Анна Зализняк и др. 2015: 162] будем называть этот основной член пары «представителем пары».

Выбор представителя пары — это отдельная проблема, которая в разных работах решается по-разному³. Например, в работе [Там же: 167–181] на роль представителя пары выбирается глагол СОВ. Это аргументируется следующим образом. В некоторых, точнее в т. н. масловских контекстах парный глагол НЕСОВ обозначает событие — «и при этом не содержит ничего “нового” по сравнению со значением перфективного члена <т. е. члена

² В работе используется словарная статья данного глагола, написанная автором для [АС]. Автор благодарит сотрудников проекта, высказавших свои замечания по этой словарной статье.

³ Заметим, что в теоретической литературе и в лексикографии этот вопрос часто даже не ставится [Грамматика-70; Грамматика-80; СУш].

СОВ той же пары. — *Е. У.>*» [Там же: 55]; ср. *После этого он встал и вышел — После этого он встает и выходит*. «Событийное значение является для имперфективного члена видовой пары <т. е. ее члена НЕСОВ. — *Е. У.>* “тривиальным” — поскольку (...) оно имеется у всех без исключения парных глаголов НЕСОВ» [Там же: 55]. Действительно, глагол НЕСОВ, не обозначающий события в масловском контексте, вообще не является парным, т. е. не образует пары ни с одним глаголом СОВ. Но событие в норме обозначается глаголом СОВ, — и к тому же у его коррелята НЕСОВ то же событийное значение реализуется лишь в определенных контекстах, т. е. является контекстно-зависимым. Поэтому в качестве представителя пары естественно выбрать ее член СОВ, а парный ему глагол НЕСОВ описывать через отсылку.

Это решение совпадает с подходом, принятым в [МАС]: «Объяснение значений, как правило, дается при глаголах совершенного вида. Словарная статья с объяснением значений при глаголах несовершенного вида дается в том случае, когда глагол не имеет соотносительного глагола совершенного вида» [МАС: 11]. (Реальная подача глаголов в [МАС] не всегда соответствует этому принципу, ср., например, статьи глаголов *бросать*, *бурить*; анализ представления видовых пар в этом словаре выходит за рамки предлагаемой работы.)

Другой подход принят в [АС], см. [Апресян 2010]. По [Там же: 59], главное правило выбора представителя пары таково: если член НЕСОВ в этой паре «допускает употребление в актуально-длительном или процессном значении», то в качестве представителя пары выбирается глагольная лексема НЕСОВ⁴.

Легко видеть, что эти подходы дают разные результаты даже при описании «тривиальных» видовых пар, ср. *перейти (улицу) — переходить (улицу)*. В соответствии с подходом [Анна Зализняк и др. 2015; МАС] представителем этой пары является ее член СОВ: он обозначает событие безотносительно к контексту, ср. *После этого он перешел улицу*, в то время как НЕСОВ *переходить* хотя и обозначает то же событие, но лишь в масловских контекстах, ср. *После этого он переходит улицу* [наст. историческое]. По [Апресян 2010; АС] представителем данной пары, наоборот, является ее член НЕСОВ, т. к. он допускает употребление в актуально-длительном значении, ср. *Смотри, он переходит улицу! Вижу, как он переходит улицу*.

Требуется понять, есть ли у одного из этих подходов преимущества перед другим. Мы сосредоточимся на семантической стороне вопроса, отвлекаясь от морфологических ображений. В частности, пока остаются вне рассмотрения подход, принятый в [БТС], и близкий ему подход в работе [Горбова 2017], где в основу выбора представителя видовой пары положен скорее морфологический принцип.

Удобно начать с обсуждения более частного вопроса: почему если в качестве представителя видовой пары выбирается лексема НЕСОВ, то она должна допускать употребление в актуально-длительном или процессном значении.

Хорошо известно, что глагол понимается в значении НЕСОВ, отличном от актуально-длительного или процессного, только при мощной контекстной поддержке [Бондарко 1971; Падучева 1996]. Ср. *Осирис умирает, Петя строит дом vs. Осирис вновь умирает и вновь оживает, Петя строит уже третий дом* [значение многократности]; *В прошлом году было то же самое: Осирис оживает, все счастливы, Он строит дом и дарит его невесте* [наст. историческое]. Следовательно, актуально-длительное и процессное значения НЕСОВ, в отличие от других значений НЕСОВ, являются контекстно-независимыми. При этом остальные значения НЕСОВ выводятся из основного по регулярным семантическим преобразованиям [Падучева 1996] (см. также [Урысон 2019а]). Следовательно, естественно толковать лексему НЕСОВ именно в этом значении⁵.

⁴ В работе [Апресян 2010: 59] это правило формулируется лишь применительно к той паре, куда входит основная лексема глагола. Достаточно очевидно, что оно справедливо и для остальных видовых пар многозначного глагола.

⁵ В работе [Апресян 2010: 59] это решение обосновывается иначе.

Если же член видовой пары в НЕСОВ не допускает употребления в актуально-длительном или процессном значении, то обычно в качестве представителя пары выбирается ее член СОВ. Действительно, в этом случае данная лексема НЕСОВ, как правило, обозначает событие, ср. *Он случайно встречает Машу* [наст. историческое], *Он несколько раз встречал ее на этой улице* [значение многократности], *Да, я встречал Машу на соседней улице* [общезначимое значение]. Поскольку событие в норме обозначается глаголом СОВ, то в качестве представителя такой пары обычно и выбирается этот ее член⁶.

Для дальнейшего существенно, что «базовым» значением НЕСОВ является актуально-длительное или процессное значение, а остальные значения НЕСОВ выводятся из него с помощью регулярных семантических преобразований.

Подобным образом коррелируют внутри видовой пары ее члены СОВ и НЕСОВ: компонент пары СОВ связан со своим видовым коррелятом НЕСОВ тем или иным регулярным семантическим соотношением [Гловинская 2001; Падучева 1996]. Следовательно, в общем случае нет препятствий для того, чтобы считать представителем пары ее член СОВ — из него можно получить с помощью стандартных семантических преобразований значение его коррелята НЕСОВ. Но вообще говоря, возможен и обратный переход: от значения компонента пары НЕСОВ к значению его коррелята СОВ. Пока у нас нет оснований считать «базовым» ни член пары НЕСОВ, ни ее компонент СОВ. Преимущество того или иного решения в конечном итоге будет определяться простотой и экономностью описания.

Такой подход к выбору представителя пары требует надежную экспликацию семантического соотношения между ее членами СОВ и НЕСОВ. Это и представляет основную трудность в решении поставленной проблемы. Хорошо известно, что с точки зрения семантики видовые пары устроены достаточно разнообразно: в одних парах СОВ и НЕСОВ связаны одним семантическим соотношением, а в других — другим. В зависимости от семантического соотношения между членами видовые пары разбиваются на типы (наиболее подробно они описаны в книге М. Я. Гловинской [2001] и в [Анна Зализняк и др. 2015: 64–70]).

Естественно ожидать, что выбор компонента СОВ или НЕСОВ на роль представителя пары зависит от семантического типа пары, т. е. от семантического соотношения между ее членами. Таким образом, требуется рассмотреть каждый такой тип отдельно, для каждого типа написать правило перехода от СОВ к НЕСОВ и обратно и затем сравнить одно правило с другим с точки зрения простоты и экономности. Однако известны и случаи нестандартного видового соотношения между членами пары [Гловинская 2001]. Очевидно, что для пары с нестандартным видовым соотношением требуется прежде всего его эксплицировать — иначе может оказаться необоснованным выбор ее представителя. Такая экспликация иногда представляет собой нетривиальную семантическую задачу.

Продемонстрируем предлагаемый подход на примере глагола *исключать* — *исключить* с нестандартным семантическим соотношением в некоторых его видовых парах. В Заключении приводятся некоторые примеры применения этого подхода к массовому материалу.

1.2.1. *Исключать* — *исключить*: общая семантическая характеристика

Выбранный глагол многозначен, причем многие его лексемы имеют видовой коррелят (по критерию Маслова). Приведем упорядоченный список лексем этого глагола, снабдив их упрощенными толкованиями и необходимым иллюстративным материалом, а затем охарактеризуем семантические связи между ними. Наличие видового коррелята у той или

⁶ В работе [Апресян 2010: 59] приведены некоторые классы глаголов (точнее, глагольных лексем), которые хотя и не допускают употребления в актуально-длительном или процессном значении НЕСОВ, но тем не менее представляются в словарях в НЕСОВ. К ним относятся *грешить*, *ошибаться*, *подводить* и т. п. (интерпретативы по Ю. Д. Апресяну) и некоторые речевые акты: *просить*, *советовать*, *требовать* и т. п.

иной лексемы, а также выбор представителя пары специально обсуждается в следующем разделе; здесь мы сочли возможным ограничиться очевидными примерами при лексеме.

исключить 1.1 (СОВ и НЕСОВ) ‘сделать так, что объект перестал входить в совокупность объектов, однотипных с ним’:

исключить из утренней зарядки силовые упражнения; Полезно время от времени исключать из повседневного рациона сладости.

исключить 1.2 (СОВ и НЕСОВ) ‘официально сделать так, что объект перестал входить в официальный список однотипных объектов’:

исключить оппозиционеров из списка кандидатур; исключить из повестки последний пункт; Это лекарство уже исключали из перечня бесплатных препаратов.

исключить 1.3 (СОВ и НЕСОВ) ‘официально сделать так, что человек перестал быть членом организации’:

исключить из гимназии за неуспеваемость; исключить из партии за поддержку оппозиции; Его уже исключали за плохое поведение.

исключать 2.1 (по-видимому, НЕСОВ) ‘считать, что данная ситуация не входит в число возможных’:

Я не исключаю (не исключал), что она уже замужем; Никто не исключал возможность гражданской войны; Мы исключаем вероятность неблагоприятного исхода операции.

исключить 2.2 (по-видимому, СОВ и НЕСОВ) ‘проанализировав положение дел, начать считать, что данная ситуация не входит в совокупность тех ситуаций, которые могут иметь место’ (медицинские или подобные специальные контексты):

исключить диабет (аппендицит); Следствие исключает (исключило), что его отравили обычным ядом; Нельзя исключать / исключить, что она ничего не знала.

исключить 3.1 (по-видимому, СОВ и НЕСОВ) ‘быть причиной того, что данная ситуация невозможна’:

Переезд на новую квартиру исключил (исключал) возможность отдыха после работы; Принятые меры предосторожности полностью исключают возможность взрыва.

исключить 3.2 (по-видимому, СОВ) ‘сделать так, что данная ситуация невозможна’:

Мы исключили возможность аварии.

исключить 4, в форме ПРИЧ СТРАД ПРОШ, ‘быть невозможным’:

Ночевка на этом участке склона исключена — может убить камнепадом; Если соблюдается техника безопасности, то аварии исключены.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Лексему 1.1 мы усматриваем еще в ряде контекстов.

Во-первых, это случаи типа *исключить из фильма сцены насилия; исключить из рассказа последний абзац; Если б исключить из его характера ухарство, он был бы очень добрый мальчик* (А. А. Шкляревский). В подобных контекстах лексема *исключить 1.1* подвергается семантической модификации: речь идет не о совокупности однотипных объектов, а об объекте, представляющем собой сложное соединение большого количества взаимосвязанных, возможно разнообразных составных частей (ср. фильм, характер).

Во-вторых, это стандартное сочетание *исключить из рассмотрения*. Слово *рассмотрение* метонимически обозначает здесь совокупность вещей, которую рассматривает (ментально) субъект. Все сочетание указывает на то, что субъект исключает данный объект

из той совокупности, которую он рассматривает: *Предлагаю исключить эту проблему из рассмотрения.*

Естественно считать, что лексема *исключить 1.1* представлена и в сочетании *если исключить кого-л. (что-л.)*, указывающем на то, что данный объект исключен из рассмотрения: *Вообще, если исключить монашка, встреченного мною на пароме, то святогорские иноки отличаются от всех других бескорыстием* (В. Немирович-Данченко); *Если исключить персональные и военные пенсии, то максимальная пенсия составляет 120 рублей (60 долларов), а средняя — вдвое меньше* (А. Сахаров).

ПРИМЕЧАНИЕ 2. В языке рекламы лексема *исключить 1.1* допускает особое, «превентивное» употребление. Ср. *Вы хотите поехать на море или в горы. Сразу исключите курорты в малоразвитых странах.* Это высказывание уместно не только если субъект уже включил в рассмотрение конкретные места, куда можно поехать, но и в том случае, когда он еще не начал выбирать страну или курорт, не начал рассматривать никакие варианты.

Охарактеризуем в общих чертах структуру полисемии данного глагола.

Первый блок объединяет лексемы с общим значением действия, которое состоит в том, что субъект удаляет из совокупности ее элемент. Лексемы различаются характером самого действия (официальное / неофициальное) и характером совокупности: в случае *исключить 1.1* это некоторое неспецифицированное множество объектов, в *исключить 1.2* это официальный список, в *исключить 1.3* — организация.

Остальные лексемы естественным образом группируются в три блока. Второй блок объединяет путативные лексемы *исключать 2.1* (*Она не исключала, что этой деревни уже нет*) и *исключить 2.2* (*исключить пневмонию*) — эти лексемы обозначают ментальное состояние или действие. Третий блок состоит из лексем, указывающих на причину: *исключить 3.1* (*Принятые меры предосторожности полностью исключают (исключили) возможность взрыва*) и *исключить 3.2* (*Мы исключили возможность аварии*). Семантический переход между лексемами внутри этого блока аналогичен переходу от обозначения целенаправленного действия субъекта к обозначению причинно-следственной связи между ситуациями, ср. *Отец заставил ее вернуться домой — Дождливая погода заставила нас быстро вернуться домой.* Наконец, четвертый блок состоит из лексемы *исключить 4*, указывающей на невозможность ситуации (без обозначения причин): *Потепление климата исключено.*

Семантический мост между вторым, третьим и четвертым блоками — это смысл ‘ситуация невозможна’. В лексемах второго блока (*исключать 2.1* и *исключить 2.2*) этот смысл является содержанием мнения субъекта. В лексемах третьего блока указания на мнение и его субъекта нет: они обозначают объективную причинно-следственную связь между двумя ситуациями. В лексеме *исключить 4* указание на причину или мнение вообще снято.

Семантический мост между первым и остальными блоками — указание на то, что нечто — материальный объект или ситуация — не входит в некоторый класс: в класс однотипных материальных объектов или в класс возможных ситуаций. Этот семантический переход представляется очевидным, и вся структура полисемии данного глагола вполне прозрачна.

Перейдем к аспектуальной проблематике.

1.2.2. *Исключать* — *исключить*: видовые пары

Каждая лексема первого блока имеет видовой коррелят, т. е. парную лексему противоположного вида: при трансформации высказывания из плана прошедшего времени в план настоящего исторического лексема СОВ обязательно заменяется на НЕСОВ⁷. Ср. *Она ис-*

⁷ Другие масловские контексты сейчас для простоты не рассматриваются.

ключила из рациона сырые овощи и через несколько дней выздоровела — Она исключает из рациона сырые овощи и через несколько дней выздоравливает; Он исключил фамилию Иванова из списка и через несколько дней утвердил новый состав делегации — Он исключает фамилию Иванова из списка и через несколько дней утверждает новый состав делегации; Его исключили из гимназии, и он сразу поступил в художественное училище — Его исключают из гимназии, и он сразу поступает в художественное училище.

Очевидно, что член НЕСОВ данных пар не допускает актуально-длительного или процессного значения: он обозначает то же событие, что и его коррелят СОВ. При этом событийное значение НЕСОВ является контекстно-зависимым, а в остальном не отличается от значения СОВ (в той же паре). Логически, переход от контекстно-независимого значения к контекстно-зависимому представляется более естественным, чем обратный переход. Следовательно, на роль представителя в каждой из этих пар естественно выбрать лексему СОВ. Это полностью соответствует как подходу [Анна Зализняк и др. 2015: 162–182], так и подходу [Апресян 2010].

Перейдем к более интересным лексемам из следующих блоков. (Сразу исключим из рассмотрения лексему *исключить* 4, ср. *Ночевка на этом склоне исключена*, поскольку она употребляется только в форме ПРИЧ СТРАД ПРОШ и, следовательно, не может иметь видового коррелята НЕСОВ.)

Путативные лексемы второго блока устроены по-разному: *исключать* 2.1 не имеет коррелята СОВ, а *исключить* 2.2 входит в видовую пару. Обоснуем это.

Начнем с лексемы *исключать* 2.1, ср. *Я не исключаяю (не исключал), что она уже замужем; Никто не исключал возможность гражданской войны*. Замена НЕСОВ на СОВ в этих высказываниях дает неприемлемый результат, ср. **Я не исключил, что она уже замужем; *Никто не исключил возможность гражданской войны*. Это доказывает, что *исключать* 2.1 не имеет видового коррелята СОВ.

Отметим, что лексема *исключать* 2.1 тяготеет к отрицательным контекстам. Нормально: *Она не исключала, что он женат (что ее никто не встретит)*, но шероховато или странно: *Она исключала, что он женат (что ее никто не встретит)*. Эта особенность *исключать* 2.1 не имеет отношения к виду, и пока мы оставляем ее без объяснения.

Следующая лексема этого блока — *исключить* 2.2 — стилистически отмечена: она употребляется в медицинских и подобных специальных контекстах, ср. *Но раны упорно не заживают, и рожистое воспаление я исключить не могу* (Б. Васильев); *Следствие исключает (исключило), что его отравили обычным ядом (что это была попытка самоубийства)*; *Ревматоидный артрит комиссия не исключила*. Случаи типа *Нелья исключить (исключать) и другой исход*, в которых *исключить* и *исключать* взаимозаменяемы практически без изменения смысла всего высказывания, как будто свидетельствуют о лексическом тождестве данных единиц НЕСОВ и СОВ. Однако этот контекст не входит в число масловских, и его диагностическую силу требуется обосновать. Аналогичным образом, не является доказательством парности единиц *исключить* и *исключать* контекст *Следствие исключало (исключило), что это была попытка теракта*. Поэтому возьмем масловские контексты. При переводе повествования в настоящее историческое СОВ *исключить* 2.2 обязательно заменяется на НЕСОВ, ср. *В больнице онкологию сразу исключили, и через два дня его выписали — В больнице онкологию сразу исключают, и через два дня его выписывают*. Аналогичным образом, в контексте многократности употребляется только НЕСОВ, ср. *Мы неоднократно исключали диабет на основе этого обследования*. Следовательно, *исключить* 2.2 — *исключать* образуют видовую пару.

Перейдем к третьему блоку лексем. Для лексемы *исключать* 3.1 (*Ремонт в квартире исключает возможность отдыха после работы*), как и для рассмотренной выше *исключить* 2.2, находятся контексты, где *исключать* 3.1 заменяется на *исключить* практически без изменения смысла. Ср. *Ремонт в квартире исключал (исключил) всякую возможность отдыха после работы; В музее находился приезжий специалист из Калинина, что начисто исключило уединение, на которое Вера никогда бы и не пошла* (Ю. Нагибин) — ... что

начисто исключало уединение. Тем самым естественно предположить, что *исключать 3.1* и *исключить* образуют видовую пару. Проверим, однако, масловские контексты.

По-видимому, единственным масловским контекстом, в котором *исключать 3.1*, хоть и с некоторой натяжкой, но может заменить единицу *исключить*, является контекст многократности. Ср. *Ремонт в квартире исключил всякую возможность отдыха после работы — Мы трижды делали ремонт сами, и каждый раз такой ремонт исключал всякую возможность отдыха после работы* ‘каждый раз имела место ситуация: ремонт исключил возможность отдыха’. Применение теста на перевод повествования в настоящее историческое в данном случае затруднено. Причина в том, лексема НЕСОВ *исключать 3.1* (как и СОВ *исключить* в том же значении) тяготеет к обозначению логического взаимоотношения двух ситуаций и потому плохо встраивается в цепочку последовательных событий. На наш взгляд, одинаково странно: ^{??}*Присутствие ее тетушек исключило возможность уединения, но потом родня уехала*; ^{??}*Присутствие ее тетушек исключает возможность уединения, но потом родня уезжает*. Таким образом, в данном случае НЕСОВ и СОВ взаимозаменяемы не во всех масловских контекстах.

Для нашего рассуждения важно, что существует такой масловский контекст, в котором СОВ *исключить 3.1* заменяется на НЕСОВ *исключать*. В соответствии с концепцией работы [Урысон 2016], *исключать 3.1* имеет видовой коррелят *исключить*, но эта видовая пара — «слабая» (в сильной видовой паре лексема СОВ безусловно заменяется на коррелят НЕСОВ во всех масловских контекстах). Полное описание слабой видовой пары должно, очевидно, включать сведения о том, каким масловским контекстам она удовлетворяет [Там же]. В именуемых словарях, как и в других описаниях, подобная информация отсутствует, и в настоящей работе мы на этом вопросе подробно не останавливаемся.

Перейдем к лексема *исключить 3.2*, ср. *Мы исключили возможность аварии; — В дальнейшем исключите подобные случаи!* (Д. Корецкий); *Он понимал, как выгодно быть честным, но и как мало одной твоей честности, — нужно еще исключить возможность подозрений* (Г. Владимов). Эта лексема обозначает совокупность действий, направленных на достижение одной цели (‘сделать так, чтобы данная ситуация была невозможна’). Тем самым, лексема *исключить 3.2* сближается с обозначением деятельности, ср. *преподавать, торговать, воевать* и т. п. Однако деятельность в норме обозначается глаголом НЕСОВ, а лексема *исключить 3.2*, наоборот, является глаголом СОВ. Общая черта *исключить 3.2* и «обычного» обозначения деятельности — отсутствие видовой пары. Лексема *исключить 3.2* действительно не имеет процессного значения; невозможно **Мы сейчас (в этом году) исключаем возможность аварии на соседнем участке* (при нормальности *Мы в этом году торгуем в основном с Данией*). При этом *исключить 3.2* не заменяется на НЕСОВ и в масловских контекстах. Нормально *Мы исключили возможность аварии на самом трудном участке дороги и получили за это премию*, однако вряд ли допустимо **Мы исключаем возможность аварии на самом трудном участке дороги и получаем за это премию*; нормально *Они полностью исключили возможность взрыва при эксперименте*, но крайне сомнительно **Они неоднократно полностью исключали возможность взрыва при экспериментах* и т. п. Выявление семантических причин такого аспектуального поведения лексемы *исключить 3.2* выходит за рамки этой статьи.

Отметим контексты, в которых как будто употреблена лексема *исключить 3.2*, но в которых возможна замена СОВ на НЕСОВ, ср. *Я исключил (исключаю) для себя участие в этой конференции*⁸. В этих случаях лексема *исключить* указывает на конкретное действие, а именно на определенный ментальный акт — принятие решения, поэтому строго говоря, здесь представлена не лексема *исключить 3.2*, а какая-то другая, близкая ей единица. Мы интерпретируем ее как модификацию лексемы *исключить 3.2* и в дальнейшем на этих случаях не останавливаемся.

⁸ Благодарим за этот пример О. В. Хорохорину.

Во второй и третий блок лексем выбранного глагола входят две видовые пары (*исключить* 2.2 и *исключить* 3.1). Требуется выбрать представителя в каждой из этих пар.

Начнем с первой пары, ср. *Следствие исключало* (*исключило*), *что это была попытка теракта*; *Нельзя исключить* (*исключать*) *и другой исход*. Обратим внимание на то, что *исключать* 2.2 обозначает ментальное состояние, а его видовой коррелят *исключить* — начало этого состояния: *Следствие исключало...* ‘следствие считало...’, а *Следствие исключило* ‘следствие начало считать...’. В классе состояний (в русском языке) некоторые глаголы имеют видовой коррелят, причем семантическое соотношение внутри видовой пары именно такое: «начать быть в состоянии и быть в нем» — «быть в состоянии» [Гловинская 2001]. Ср. *обидеться* ‘начать быть в состоянии обиды и продолжать быть в нем’ — *обижаться* ‘быть в состоянии обиды’. Такие единицы образуют видовую пару по Маслову, ср. *Он вдруг обиделся и ушел* — *Он вдруг обижается и уходит* (подробнее см. [Урысон 2019а]). В случае *исключить* 2.2 — *исключать* имеет место такое же соотношение.

СОВ *исключить* 2.1 богаче, нежели НЕСОВ, поскольку включает компонент ‘начать’. Точнее, лексема *исключить* 2.2 представляется (условно) как сумма компонентов: ‘начать быть в ментальном состоянии’ + ‘предшествующие ментальные действия’ + ‘результат действий’, а семантика ее видowego коррелята *исключать* получается из этого выражения простой операцией — удалением компонента ‘начать’. Для идентификации этого компонента достаточно указать его «номер в цепочке», достаточно как-то пометить данный фрагмент толкования. Обратный переход — от *исключить* к *исключать* 2.2 — требует более сложного описания: нужно еще задать (в специальном списке) тот новый компонент, который прибавится к уже имеющимся, причем с указанием глаголов, которые подвергаются этой трансформации. Исходя из принципа экономности, выбираем в качестве представителя пары *исключить* 2.2 — *исключать* ее член СОВ. На наш взгляд, это не только дает более экономное описание материала, но и лучше удовлетворяет языковой интуиции⁹.

Перейдем теперь к паре *исключать* — *исключить* 3.1 (ср. *Переезд на новую квартиру исключал* (*исключил*) *возможность отдыха после работы*) и выберем ее представителя.

Выше было предложено следующее (огрубленное) толкование этой лексемы: ‘быть причиной того, что данная ситуация невозможна’. Однако глагол ‘быть’ в этом толковании не имеет коррелята СОВ, а потому выбор его в качестве вершины толкования пары *исключать* — *исключить* 3.1 приводит к неадекватному описанию. Естественно представлять значение данной лексемы с помощью глагола *являться* — *явиться*. Ср. *исключать* 3.1 ‘являться причиной того, что данная ситуация невозможна’ — *исключить* 3.1 ‘явиться причиной того, что данная ситуация невозможна’. Семантическое соотношение между СОВ и НЕСОВ в этой паре стало прозрачнее: СОВ *исключить* 3.1 указывает на то, что некоторая ситуация в какой-то момент создала определенное положение дел (явилась причиной данного положения дел), и это положение дел продолжает иметь место; а НЕСОВ *исключать* 3.1 указывает на то, что некоторая ситуация является причиной описываемого положения дел (создает его), но не указывает на начало этого положения дел. Данная видовая пара сближается с только что рассмотренной; неожиданность состоит в ее близости к парам из класса состояний типа *обидеться* — *обижаться*; ср. ‘начать быть в некотором состоянии и продолжать быть в нем’ — ‘быть в некотором состоянии’. Отличие пары *исключить* — *исключать* 3.1 от пар из класса состояний — в семантике: *исключить* — *исключать* 3.1 указывает не на состояние субъекта, а на положение дел, однако структурных различий между этими парами нет. Ср. ‘создать некоторое положение дел и продолжать

⁹ Заметим, что в словарной статье Ю. Д. Апресяна в [НОСС], посвященной глаголам мнения *считать* (что), *думать* (что), *полагать*, *находить* (что), *рассматривать*, *смотреть*, *усматривать*, *видеть* (что), все такие глаголы тоже подаются в НЕСОВ и снабжаются отсылкой к корреляту СОВ — при том что данные лексемы НЕСОВ не имеют актуально-длительного или процессного значения.

быть его причиной’ — ‘быть причиной некоторого положения дел’. Найдём теперь представителя данной пары.

Лексема *исключить 3.1* представляется (условно) как сумма компонентов: ‘положение дел начало иметь место’ + ‘положение дел имеет место’. Семантика ее видového коррелята *исключать 3.1* получается из этого выражения удалением первого компонента. Для идентификации этого компонента требуется указать лишь его «номер в цепочке», т. е. как-то пометить данный фрагмент толкования. Обратный переход — от *исключить* к *исключать 3.1* — требует более сложного описания: нужно задать в специальном списке тот новый компонент, который прибавится к уже имеющимся, причем с указанием глаголов, которые подвергаются этой трансформации. Исходя из принципа экономности, выбираем в качестве представителя пары *исключить* — *исключать 3.1* ее член СОВ.

Заметим, что между членами этой видовой пары есть еще одно смысловое различие. Высказывание с СОВ *Ремонт в квартире исключил возможность отдыха после работы* описывает конкретное положение дел, имеющее место в определенный отрезок времени. Заменим в этом примере СОВ *исключить* на НЕСОВ *исключать*, ср. *Ремонт в квартире исключал возможность отдыха после работы*. Это высказывание тоже может описывать конкретное положение дел, ср. *Ремонт в квартире исключал возможность отдыха после работы, и он решил поужинать в ресторане*. Однако высказывание с НЕСОВ *исключать* может быть и общим, ср. *Имей в виду: ремонт в квартире исключает возможность отдыха после работы; В те времена (Когда-то) ремонт в квартире исключал возможность отдыха после работы*. В этом случае меняется и денотативный статус имен в высказывании: *ремонт и квартира* в последнем случае имеют родовой (а не конкретный) денотативный статус.

Данное смысловое различие дает дополнительные аргументы для выбора представителя рассматриваемой пары: естественно усматривать здесь переход от конкретного значения к значению класса. Этот семантический переход хорошо представлен в языке в сфере существительных; ср. *Курица снесла яйцо — Яйцо подорожало; Возьми мелкие огурцы — Особенно хорош для засола мелкий огурец; Дорогу перебежал заяц — На зайца охотятся по пороше*. Этот переход представлен и в аспектуальной сфере: одна и та же единица может обозначать и конкретную ситуацию, и некоторое обобщение, ср. *Вода уже кипит (выключи чайник) и Вода кипит при ста градусах*. Обратный семантический переход — от обозначения класса к обозначению его члена — по-видимому, если и существует, то распространен гораздо меньше. Поэтому в качестве представителя данной видовой пары естественно выбрать тот ее член, семантический переход от которого к корреляту наиболее естественен: такое описание не требует введения нового типа семантического перехода и потому проще и экономнее. Следовательно, представителем видовой пары *исключить* — *исключать 3.1* является ее член СОВ. Это решение вполне соответствует подходу, принятому в работе [Анна Зализняк и др. 2015: 162–181], в [МАС] и [Апресян 2010].

Итак, критерием при выборе представителя видовой пары может служить простота/сложность семантического перехода от одного члена пары к другому: представителем пары выбирается тот ее член, переход от которого к другому описывается более простым и системным правилом.

2. Организация вокабулы парного глагола

В русской лексикографической традиции вокабула (словарная статья) глагола, у которого некоторые лексемы имеют видовой коррелят, организуется особым образом по сравнению с вокабулами других слов. «Словарная статья с объяснением значений дается только при одном из глаголов видовой пары, другой глагол приводится на своем алфавитном месте с отсылкой к первому глаголу, а в словарной статье при первом глаголе указывается

этот парный видовой глагол» [МАС: 11]. По существу, словарная статья такого глагола расщепляется на две — «полноценную» и отсылочную. Полноценная статья содержит описание лексем — представителей видовых пар данного глагола, а в грамматической зоне статьи указывается видовой коррелят представителя пары. Отсылочная статья не содержит описания лексем, а состоит из отсылки к соответствующей полноценной статье. Полноценная и отсылочная статьи различаются структурой. Приведем примеры из [МАС]:

Полноценная статья: «**ВЫШИТЬ** ⟨грамматическая информация⟩ (*несов.* вышивать)» ⟨семантическая информация, примеры);

Отсылочная статья: «**ВЫШИВАТЬ** ⟨грамматическая информация⟩. *Несов.* к вышить».

Примеры из [АС]:

ДАТЬСЯ ⟨грамматическая информация⟩ СОВ; НЕСОВ *даваться*; ⟨семантическая и иная информация, примеры);

ДАВАТЬСЯ ⟨грамматическая информация⟩ НЕСОВ; см. **ДАТЬСЯ**.

В качестве единицы, представляющей глагол на входе, выбирается его основная лексема, т. е. та, которая подается в вокабуле первой. Если такая лексема входит в видовую пару, то на роль «представителя вокабулы» выбирается представитель данной видовой пары.

Теоретически в набор лексем многозначного глагола может входить несколько видовых пар, и в одних из них представителем является член НЕСОВ, а в других — член СОВ. Такой глагол тоже представляется двумя вокабулами, но ни одна из них не является ни абсолютно «полноценной», ни чисто отсылочной: в каждой могут присутствовать как «полноценные» описания, так и отсылочные. Примером такой вокабулы может служить словарная статья многозначного глагола НЕСОВ *давать* в [АС]. Все значения этого глагола разбиваются на 14 блоков, причем первые 10 из них описываются через отсылку к СОВ *дать*:

ДАВАТЬ ⟨грамматические сведения, в том числе аспектуальная информация)».

давать 1 — 9.1 см. **дать 1 — 9.1**.

давать 10 см. **дать 10**.

давать 11.1 ⟨полноценное описание)».

давать 11.2 ⟨полноценное описание)».

давать 12 ⟨полноценное описание)».

давать 13.1 ⟨полноценное описание)».

давать 13.2 ⟨полноценное описание)».

давать 13.3 ⟨полноценное описание)».

давать 14 ⟨полноценное описание)».

Вернемся к глаголу *исключать* — *исключить*.

В соответствии с подходом, принятым в русской лексикографической традиции, для представления выбранного глагола следует завести две вокабулы. Входом одной из них служит СОВ **исключить**, и в этой вокабуле описываются все лексем, кроме *исключать 2.1*: одни из этих лексем вообще не имеют видового коррелята НЕСОВ, а другие его имеют, но представителем в каждой паре является единица СОВ. Оставшаяся лексема *исключать 2.1* описывается в отдельной вокабуле **ИСКЛЮЧАТЬ**, она получает здесь полноценное описание. В эту же вокабулу **ИСКЛЮЧАТЬ** помещаются корреляты НЕСОВ лексем, описанных в вокабуле **ИСКЛЮЧИТЬ**, причем они получают в вокабуле **ИСКЛЮЧАТЬ** отсылочные описания с «условной формулой» *несов. к...*

Таким образом, обе вокабулы — **ИСКЛЮЧИТЬ** и **ИСКЛЮЧАТЬ** — имеют двойственный характер: в каждой из них есть и полноценные описания лексем, и отсылки. Ср.:

ИСКЛЮЧИТЬ ⟨грамматическая информация⟩; СОВ; НЕСОВ *исключать* (кроме 2.1).

исключить 1.1 ‘сделать так, чтобы объект не входил в совокупность объектов, однотипных с ним’: *Исключить из утренней зарядки силовые упражнения; Полезно время от времени исключать из повседневного рациона сладости* (полноценное описание).

исключить 1.2 ‘официально сделать так, что объект перестал входить в официальный список однотипных объектов’: *Исключить оппозиционеров из списка кандидатур; Исключить из повестки два последних пункта; Это лекарство уже исключали из перечня бесплатных препаратов* (полноценное описание).

исключить 1.3 ‘официально сделать так, что человек перестал быть членом организации’: *Исключить из гимназии за неуспеваемость; Исключить из партии за поддержку оппозиции (за участие в несанкционированном митинге); Его уже исключали за плохое поведение* (полноценное описание).

исключить 2.2 ‘проанализировав положение дел, начать считать, что данная ситуация не входит в совокупность тех ситуаций, которые могут иметь место’ (медицинские или подобные специальные контексты): *исключить диабет (аппендицит); Врачи исключают, что его отравили обычным ядом; Нельзя исключать (исключить) и другой исход*. (полноценное описание).

исключить 3.1 ‘быть причиной того, что данная ситуация невозможна’: *Переезд на новую квартиру исключил (исключал) возможность отдыха после работы; Принятые меры предосторожности полностью исключают возможность взрыва*. (полноценное описание).

исключить 3.2 ‘сделать так, что данная ситуация невозможна’: *Мы исключили возможность аварии (взрыва)*. (полноценное описание).

исключить 4, в форме ПРИЧ СТРАД ПРОШ, ‘быть невозможным’: *Она с ним не поедет, это исключено; Не исключено, что он мог бы выиграть чемпионат мира; Ночевка на этом участке склона исключена — может убить камнепадом*.

ИСКЛЮЧАТЬ ⟨грамматическая информация⟩; НЕСОВ; СОВ *исключить*.

исключать 1.1 см. **исключить 1.1**.

исключать 1.2 см. **исключить 1.2**.

исключать 1.3 см. **исключить 1.3**.

исключать 2.1 ‘считать, что данная ситуация не входит в число возможных’: *Она не исключала, что он уже женат*. (полноценное описание).

исключать 2.2 см. **исключить 2.2**.

исключать 3.1 см. **исключить 3.1**.

Такое описание вполне удовлетворяет букве и, в определенной степени, духу словарей. Соответствующее представление материала хорошо служит двум целям: во-первых, четко выделяются лексемы глагола и, во-вторых, фиксируется видовой коррелят каждой лексемы (если он есть).

Однако в нашем случае такой подход трудно признать удовлетворительным: оказывается плохо представленной структура полисемии глагола *исключать* — *исключить*. Действительно, мосты между его значениями перестают быть очевидными, и даже лексемы из одного и того же семантического блока могут оказаться оторванными друг от друга, потому что попадают в разные вокабулы (ср. *исключать 2.1* и *исключить 2.2*).

Мы предлагаем другой способ представления подобных многозначных глаголов. Представитель каждой видовой пары, как и одиночные его лексемы — будь они СОВ или НЕСОВ, — подаются внутри единой вокабулы и получает полноценное описание. В качестве входа этой вокабулы выбирается представитель той видовой пары, в которую входит

глагол в своем основном значении; в нашем случае представителем всей вокабулы будет *исключить*. Эскиз такой вокабулы дан в разделе 1.2.1. Более точно:

ИСКЛЮЧИТЬ ⟨грамматические сведения⟩; **НЕСОВ ИСКЛЮЧАТЬ**.

исключить 1.1 ⟨полноценное описание⟩.

исключить 1.2 ⟨полноценное описание⟩.

исключить 1.3 ⟨полноценное описание⟩.

исключать 2.1 ⟨полноценное описание⟩.

исключить 2.2 ⟨полноценное описание⟩.

исключить 3.1 ⟨полноценное описание⟩.

исключить 3.2 ⟨полноценное описание⟩.

исключить 4 ⟨полноценное описание⟩.

При этом **НЕСОВ ИСКЛЮЧАТЬ** подается еще и в отсылочной вокабуле, ср:

ИСКЛЮЧАТЬ ⟨грамматическая информация⟩ **НЕСОВ**; см. **ИСКЛЮЧИТЬ**.

Достоинство такой подачи материала — в прозрачном представлении структуры полисемии многозначного глагола (наряду с фиксацией видовых пар).

Обратим внимание на то, что в предлагаемой «полноценной» вокабуле глагола *исключать* — *исключить* большинство лексем подается в **СОВ**, а одна — в **НЕСОВ**. Это нарушает одно, по-видимому, неявное правило, принятое в словарях: все лексемы данного глагола подаются внутри вокабулы в виде, который задается ее входом. Иными словами, вход вокабулы и лексемы внутри нее должны быть или все **СОВ**, или все **НЕСОВ**. Чем оправдано это правило и корректно ли его нарушение? Ответ на этот вопрос в конечном итоге определяется трактовкой грамматической категории вида в русском языке.

3. О статусе грамматической категории вида в русском языке

В русской лексикографии отсылочные описания обычны для производных слов. Ср. **ДЕЛЕГАТКА**. *Женск. к делегат*. Однако вполне возможно подавать в виде отдельных входов и нерегулярные (супплетивные) формы. Такой принцип принят в [СУш], ср.: **им. 1**. *Твор п. от местоим.* он и оно. **2**. *Дат п. от местоим.* они. При этом нерегулярные формы оформляются не так, как отдельные слова — они набираются меньшим кеглем. Легко убедиться, что в [СУш] члены видовой пары подаются как разные слова. В [МАС] нерегулярные формы не имеют отдельных входов, и через «условную формулу» описываются только «некоторые категории производных слов» [МАС: 8], т. е. в этом словаре видовые корреляты тоже считаются отдельными словами. Иными словами, в [СУш] и [МАС] вид признается словоклассифицирующей категорией, и тогда действительно представитель вокабулы и лексемы внутри нее должны быть или все **СОВ**, или все **НЕСОВ**: в рамки одной вокабулы нельзя помещать разные слова. По существу, та же трактовка вида принята в [БАС] и [БТС]. Заметим, что такой подход не согласован с академической грамматикой, где члены видовой пары считаются формами одного глагола.

Иначе в этом отношении устроен [АС]. В «Инструкции по составлению словаря» видовые корреляты признаются формами одного глагола: говорится о форме **СОВ** и форме **НЕСОВ** выбранного глагола и о «представляющей форме вокабулы» [Апресян 2010: 59].

Легко убедиться, что выбор той или иной теоретической трактовки влияет на результат описания материала, т. е. видовых пар. Действительно, если признать вид словоизменяющей категорией, то ничто не мешает подавать лексемы разного вида в рамках одной вокабулы — подобно тому как, например, подаются в рамках одной вокабулы лексемы *вода* (ср. *Из крана течет вода*) и *воды* (ср. *поехать на воды*). В фокусе современной семантики

безусловно находится (в частности) структура полисемии многозначного слова. Если вокабула глагола расщепляется на две, оказывается затушеванной структура его полисемии: плохо представляются мосты между значениями, лексемы из одного и того же семантического блока могут попасть в разные вокабулы. Если же трактовать вид как словоизменительную категорию, то подобных проблем не возникает: в рамках одной вокабулы подаются разные лексемы данного слова, а они могут иметь разную «словарную форму».

При таком подходе отсылочная вокабула, в которой подаются видовые корреляты глагольных лексем, — это специальная статья для представления форм глагола. Правила образования видового коррелята конкретного глагола в русском языке учитывают такое количество факторов [Мельчук 2016], что вполне естественно давать эти корреляты в подобных «вспомогательных» статьях.

Подведем итог. При предлагаемом способе представления многозначного глагола прозрачно представляется структура его полисемии, но нарушаются некоторые существующие принципы подачи видовых пар. В сущности, эти принципы базируются на трактовке вида как словоклассифицирующей грамматической категории. При нашем подходе вид предстает как словоизменительная категория. При этом лексема, не имеющая видового коррелята, считается лексемой с дефектной словоизменительной парадигмой.

Хорошо известно, что глагольный вид в русском языке — это грамматическая категория, совмещающая свойства словоизменительной и словоклассифицирующей категорий. Подробное словарное описание парных глаголов оказывается неожиданным — лексикографическим — аргументом в пользу словоизменительной трактовки вида в словаре.

Заметим, что существуют семантические аргументы и в пользу признания вида словоклассифицирующей категорией [Урысон 2019а]. Это вполне закономерно: «гибридная» грамматическая категория, какой является русский глагольный вид, имеет семантические черты как словоизменительной, так и словоклассифицирующей категории.

Заключение

Один из шагов при лексикографировании парного многозначного глагола — это определение видовых пар в его составе и выбор представителя в каждой паре. В работе обсуждался общий принцип такого выбора: представителем пары является тот, от которого экономнее и проще переход к другому члену. Этот принцип базируется на общем представлении о том, что члены внутри видовой пары связаны некоторым типовым семантическим соотношением.

Предлагаемый подход полностью соответствует современному описанию вида как грамматической категории: частные значения внутри вида тоже связаны некоторыми регулярными семантическими отношениями, причем одно из видовых значений естественно признать логически исходным. Заметим, что подобный принцип лежит и в основе описания структуры полисемии слова: одно из значений слова является логически исходным (корневым, по Е. В. Падучевой [2004]), и от него постулируются правила перехода к другим значениям слова (см. также [Урысон 2019б]).

Особый вопрос — это словарная подача многозначного глагола, представляющего собой набор видовых пар и, возможно, «одиночных» лексем. В существующих словарях вокабула такого глагола «раздваивается»: в одну вокабулу объединяются пары с представителем СОВ (и одиночные лексемы СОВ), в другую — пары с представителем НЕСОВ (и одиночные лексемы НЕСОВ). Представители пар получают в вокабуле полноценное описание — в отличие от своего видового коррелята, который снабжается специальной «вспомогательной» статьей, отсылающей к описанию представителя. При такой подаче затушевывается структура многозначности глагола, не выявляются мосты между его значениями. В работе предложен новый формат подачи многозначного глагола, некоторые

или все лексемы которого имеют видовой коррелят: все видовые пары, независимо от вида представителя пары, а также одиночные лексемы, независимо от их вида, подаются в рамках единой вокабулы, где получают полноценное лексикографическое описание; входом в вокабулу служит представитель пары с основным значением. При этом на входе указывается и видовой коррелят основной пары. Для этого видовой коррелят на его алфавитном месте дается отсылочная вокабула. При такой подаче вид предстает как словоизменительная грамматическая категория: в рамках одной вокабулы подаются — как формы одного слова — и лексемы СОВ, и лексемы НЕСОВ. Достоинство такого подхода — в ясности представления не только видовых пар данного глагола, но и его структуры многозначности.

Непосредственным объектом нашего исследования был глагол *исключить* — *исключать* с нестандартным соотношением внутри видовых пар. Существуют, по-видимому, и другие видовые пары с подобным семантическим соотношением. С путативной парой *исключать* 2.2 — *исключить* (ср. *исключить отравление неизвестным ядом*) сближается антонимичная ей пара *допускать* — *допустить* (ср. *Врачи допускают, что это отравление*). С парой *исключать* 3.1 — *исключить* (ср. *Ремонт в квартире исключает возможность отдыха после работы*) сближаются пары *вызывать* — *вызвать* (ср. *Разливы рек вызывают / вызвали наводнения*), *создавать* — *создать* (ср. *Пробки создают / создали аварийную ситуацию*), *делать* — *сделать* (ср. *Это обстоятельство делает / сделало задачу очень трудной*). Подробное описание этих пар представляет собой тему отдельной работы.

Заметим, что глагол в этих парах представлен в своем абстрактном значении. Однако, например, пара *допускать* — *допустить* в своем прямом значении и парадигматически связанные с ней пары *впускать* — *впустить*, *выпускать* — *выпустить* (ср. *впустить / впускать зрителей в зал, выпускать / выпустить людей из зала, допустить / допускать посторонних на съемки*) тоже все являются семантически нестандартными [Гловинская 2001: 125–127], однако семантическое соотношение внутри этих пар не такое, как в парах с абстрактным значением.

Дальнейшая задача состоит в том, чтобы описать в соответствии с изложенными принципами видовые пары с другим семантическим соотношением между членами, в частности — пары со стандартным семантическим противопоставлением СОВ и НЕСОВ. Хотя эта проблема выходит за рамки данной статьи, некоторые примеры можно привести уже сейчас.

Во многих видовых парах со стандартным семантическим соотношением член СОВ указывает на некоторое «результативное», или «итоговое», событие, а член НЕСОВ — на процесс (действие), в норме ведущий к этому событию. Ср. *умереть* ‘событие’ — *умирать* ‘процесс, ведущий к событию: умереть’; *перейти (улицу)* ‘событие’ — *переходить улицу* ‘действие, ведущее к событию: перейти улицу’ (подробнее см. [Падучева 1996]). Легко видеть, что подобные пары устроены по-разному. Так, СОВ *перейти (улицу)*, обозначая событие, указывает и на предшествующий процесс: если субъект перешел улицу, то значит, он совершал и предшествующее действие. Однако СОВ *умереть*, обозначая событие, не указывает на предшествующий процесс, ср. *скоростно умереть, внезапно умереть, На следующий день он вдруг умер*. Следовательно, в паре *умирать* — *умереть* член СОВ указывает только на событие и не предполагает предшествующего ему процесса, а член НЕСОВ, указывая на процесс, предполагает и это событие. Тем самым, член НЕСОВ этой пары семантически сложнее, чем член СОВ, и представителем пары, по нашему подходу, является НЕСОВ. Что касается пары *переходить (улицу)* — *перейти улицу*, то ее члены СОВ и НЕСОВ устроены как будто одинаково сложно, и выбор представителя такой пары требует отдельного обсуждения.

Заметим, что вопрос о том, какой член видовой пары семантически сложнее, обсуждается в литературе уже давно [Гловинская 2001: 131–132]. Мы, однако, предлагаем использовать данные сведения для определения представителя пары.

«Эволюция представления видовых пар в словарях более или менее отражает эволюцию теории вида» [Лазинский 2020: 201], а потому новые подходы к лексикографированию видовых пар — вполне закономерное явление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. Инструкция по составлению словарных статей Активного словаря (АС) русского языка. *Перспектив активнаго словаря русскогo языка*. Апресян Ю. Д. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2010, 56–152. [Apresjan Yu. D. The instruction on writing lexical entries for the Active dictionary of Russian. *Prospekt aktivnogo slovarja russkogo yazyka*. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010, 56–152.]
- АС — *Активный словарь русского языка*. Т. 1–. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014–. [Aktivnyi slovar' russkogo yazyka [The active dictionary of Russian]. Vol. 1–. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2014–.]
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка в 17 тт.* М.; Л., 1950–1965. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 tt. [A dictionary of Modern Standard Russian in 17 vols.]. Moscow; Leningrad, 1950–1965.]
- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. *Вид и время русского глагола*. М.: Наука, 1971. [Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Tense and aspect of Russian verb]. Moscow: Nauka, 1971.]
- БТС — *Большой толковый словарь русского языка*. Кузнецов С. А. (сост. и гл. ред.). СПб.: Норинт, 1998. [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [The great explanatory dictionary of Russian]. Kuznetsov S. A. (comp. and ed.). St. Petersburg: Norint, 1998.]
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Гловинская 2001 — Гловинская М. Я. *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Азбуковник; Русские словари, 2001. [Glovinskaya M. Ya. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vido-vremennoj sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonymy in the tense-aspect system of Russian verb]. Moscow: Azbukovnik; Russkie Slovarei, 2001.]
- Горбова 2017 — Горбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии). *Вопросы языкознания*, 2017, 1: 24–52. [Gorbova E. V. Aspectual formation of Russian verbs: Inflection, derivation, or a set of quasigramemes? ("sore points" of Russian aspectology revisited). *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 1: 24–52.]
- Грамматика-70 — *Грамматика современного русского литературного языка*. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1970. [Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of Modern Standard Russian]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1970.]
- Грамматика-80 — *Русская грамматика*. Т. II. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Анна Зализняк и др. 2015 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2015.]
- Лазинский 2020 — Лазинский М. Видовые пары в польских и других славянских словарях. *Взаимодействие аспекта со смежными категориями*. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 2020). Горбова Е. В. (ред.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, 196–205. [Lazinskii M. Aspectual pairs in Polish and other Slavic dictionaries. *Vzaimodejstvie aspekta so smezhnymi kategoriyami*. Proc. of the 7th Conf. of the Aspectological Group of the International Committee of Slavists (St. Petersburg, 2020). Gorbova E. V. (ed.). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ. Press, 2020, 196–205.]
- МАС — *Словарь русского языка: В 4 тт.* Евгеньева А. П. (ред.). М., 1981–1984. [Slovar' russkogo yazyka: V 4 tt. [A dictionary of Russian: In 4 vols.]. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow, 1981–1984.]
- Маслов 1948/2004 — Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. Маслов Ю. С. М.: Языки славянских культур, 2004: 71–90. [Maslov Yu. S. Aspect and the lexical meaning of the verb

- in Modern Standard Russian. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Maslov Yu. S. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004, 71–90.]
- Мельчук 2016 — Мельчук И. А. Формальное выражение вида в русском глаголе. *Русский язык в научном освещении*, 2016, 1(31): 9–23. [Mel'čuk I. A. Formal expression of aspect in the Russian verb. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, 1(31): 9–23.]
- НОСС — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под общ. рук. акад. Апресяна Ю. Д. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [*Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Apresjan Yu. D. (ed.). 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.] <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIss11996.pdf>.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- СУш — *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4. Ушаков Д. Н. (ред.). М., 1935–1940. [*Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Ushakov D. N. (ed.). Vols. 1–4. Moscow, 1935–1940.]
- Урысон 2016 — Урысон Е. В. Видовые пары, семантическая теория и критерий Маслова. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2016, 15(22): 704–717. [Uryson E. V. Aspectual pairs, semantic theory and Maslov Criterion. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual conf. "Dialogue"*, 2016, 15(22): 704–717.]
- Урысон 2019а — Урысон Е. В. Лексическое значение глагола в видовой паре: семантическая теория и критерий Маслова. *Вопросы языкознания*, 2019, 3: 45–70. [Uryson E. V. Russian aspectual pairs: Semantic theory and Maslov's Criterion. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 3: 45–70.]
- Урысон 2019б — Урысон Е. В. Иерархия значений многозначного слова: к постановке проблемы. *Русский язык в научном освещении*, 2019, 1(37): 45–57. [Uryson E. V. Hierarchy of meanings of a polysemous word: Stating the problem. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2019, 1(37): 45–57.]

Получено / received 02.03.2021

Принято / accepted 16.03.2021

О методах компьютерной лингвистики в оценке систем искусственного интеллекта

© 2021

Татьяна Олеговна Шаврина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт искусственного интеллекта, Москва, Россия;
Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН, Москва, Россия;
ООО «СберДевайсы», Москва, Россия; shavrina@airi.net

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные исследования в области прикладной лингвистики, посвященные оценке систем искусственного интеллекта (ИИ). В качестве основного инструмента для оценки уровня интеллектуальности систем выступают языковые тесты. Они являются самым доступным способом обучения систем ИИ и одновременно обладают высокой вариативностью, необходимой для формулировки интеллектуальных задач. Приводится обзор актуальной методологии обучения и тестирования интеллектуальных систем, рассматриваются золотые стандарты текстовых задач (бенчмарки) в методологии General Language Understanding Evaluation (GLUE). Обсуждаются теоретические основы и конкретные реализации теста для ИИ-систем «Russian SuperGLUE». Дальнейшее сближение практик машинного обучения и науки о языке способно заполнить лакуны как в оценке ИИ-систем, так и в методах их эффективного обучения.

Ключевые слова: автоматический анализ текста, искусственный интеллект, компьютерная лингвистика, машинное обучение, обзор

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793.

Для цитирования: Шаврина Т. О. О методах компьютерной лингвистики в оценке систем искусственного интеллекта. *Вопросы языкознания*, 2021, 6: 117–138.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.117-138

Methods of computational linguistics in the evaluation of artificial intelligence systems

Tatiana O. Shavrina

HSE University, Moscow, Russia; Artificial Intelligence Research Institute, Moscow, Russia;
Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; SberDevices LLC, Moscow, Russia; shavrina@airi.net

Abstract: The article discusses current research in the field of applied linguistics dedicated to the evaluation of artificial intelligence (AI) systems. Linguistic tests are used as the principal tool for evaluating the level of intelligence of such systems, being the most affordable way of training AI systems and, at the same time, having high variability necessary for the formulation of intellectual tasks. This paper provides an overview of current methodology for training and testing AI systems and describes the gold standards of textual tasks (benchmarks) in the General Language Understanding Evaluation (GLUE) methodology. We also present an overview of how the theoretical apparatus and practices of linguistics are used to create a Russian-language test for examining the abilities of AI systems, the Russian

SuperGLUE. Further convergence of machine learning and linguistic methods can fill gaps both in the practice of evaluating AI systems and in their effective training.

Keywords: artificial intelligence, computational linguistics, machine learning, natural language processing, survey

Acknowledgements: The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of Russia, grant No. 075-15-2020-793.

For citation: Shavrina T. O. Methods of computational linguistics in the evaluation of artificial intelligence systems. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 117–138.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.117-138

“Human knowledge is expressed in language.
So computational linguistics is very important.”
Mark Steedman, ACL Presidential Address (2007)

1. Введение: подходы к оценке искусственного интеллекта

Язык, уникальная человеческая способность, использующая самые разные отделы мозга и включенная в само определение искусственного интеллекта (ИИ), пока еще не моделируется достаточно успешно компьютерными системами. Для отслеживания прогресса в этой области с 1990-х гг. проводятся тестирования; все они так или иначе основаны на тесте Тьюринга [Turing 1950]. Этот тест приравнивает языковую способность к интеллектуальности: участники-судьи обмениваются с тестируемой системой сообщениями вслепую, а система должна убедить в собственной «человечности» не менее определенного процента судей.

Такой подход, с одной стороны, подвержен необъективности за счет человеческого фактора; с другой стороны, он может быть бесконечно масштабируем: сообщения судей могут включать различные вопросы, задания, просьбы, и т. д., что расширяет возможности для более объективной оценки. Но можно ли определить интеллектуальность количественно?

Определение искусственного интеллекта (и его наличие вообще) во многом опирается на ключевые признаки, которыми должна обладать система. Выделяют сильный и слабый ИИ. Для т. н. **сильного ИИ** такими признаками являются способность к принятию решений, использованию стратегий, решению головоломок и действиям в условиях неопределенности; а также обладание знаниями и способность к их представлению; общие навыки планирования, самообучения, общения на естественном языке и объединение всех этих способностей воедино для достижения общих целей (список основан на [Nilsson 1998; Poole et al. 1998; Russell, Norvig 2003; Luger, Stubblefield 2004]).

Слабый ИИ способен решать узконаправленные задачи и перечисленными выше признаками обладать не обязан: слабому ИИ соответствует актуальное состояние технического прогресса — такие успешно решаемые задачи, как реферирование и перевод¹ текстов, вождение автомобиля², игра в шахматы и го³, являются хорошим примером реализации слабого ИИ. К слабым ИИ-системам относится, например, ПО для автоматического решения единого государственного экзамена по русскому языку, сочетающее непосредственные текстовые источники знаний (тексты учебников), статистические модели ранжирования ответов, несколько моделей для расстановки пунктуации, нейросетевую систему проверки орфографии, систему правил для решения заданий на понимание текста и нейросетевую

¹ <https://www.microsoft.com/en-us/research/uploads/prod/2018/03/final-achieving-human.pdf>

² https://en.wikipedia.org/wiki/Self-driving_car

³ <https://en.wikipedia.org/wiki/AlphaGo>

модель для генерации текста сочинения [Shavrina et al. 2020a]. Инженеру или составителю ЕГЭ при работе с системой станет ясно, что она не является в полной мере интеллектуальной, так как лишь использует фиксированный набор правил и фактов, хотя и может продемонстрировать определенные, вполне удовлетворительные, результаты в рамках поставленной задачи. Ни каждая из ее составляющих в отдельности, ни их совокупность не обладают знанием о русском языке, однако в целом она демонстрирует уровень, достаточный для имитации успешного выполнения экзаменационных заданий.

Само понятие сильного ИИ, введенное Дж. Сёрлем в 1980 г. [Searle 1980], изначально отделяет сильный интеллект от слабого по наличию самосознания и восприятия; при этом слабый ИИ все равно считается полезным методологически [Frankish, Ramsey (eds.) 2014] — для проверки гипотез о сознании, — обладая отдельными способностями, но не являясь антропоморфной системой.

Помимо разделения на сильный и слабый ИИ, следует упомянуть разделение на широкий и узкий ИИ по количеству освоенных областей знания⁴. Распространено также разделение интеллектуальных систем на **унимодальные**, работающие с одной модальностью данных (текст, устная речь, изображения, видео, пространственная информация и т. д.), и **мультимодальные** [Baltrušaitis et al. 2018].

Фундаментальным в концепции Сёрля является понятие **общего ИИ** (Artificial General Intelligence, AGI), который определяется одновременно как

- сильный — умеющий не только выполнять фиксированный набор задач, но и учиться новым навыкам и ставить цели, планировать;
- широкий — умеющий делать обобщения в разных тематических сферах;
- мультимодальный — принимающий во внимание и текст, и изображения, и звуковую информацию и т. д.

Способ достижения AGI при этом может быть любым: «Соответствующим образом запрограммированный компьютер с нужными входами и выходами и будет разумом в том смысле, в котором человеческий разум — это разум» [Searle 1980: 417].

Как моделирующая наука лингвистика обладает широким спектром методов, которые наследуются другими дисциплинами, связанными с обработкой языковых данных. Оценка успешности моделирования отдельных элементов языковой системы и механизмов мышления, выражаемых с помощью языка, исключительно важна для систем искусственного интеллекта и для отслеживания их развития.

В отличие от человека, для которого устная речь по отношению к письменной первична, системам искусственного интеллекта приходится работать с текстовой информацией как с первичной, а распознавание текста на слух и озвучивание являются инженерным дополнением. Большинство современных ИИ-систем в качестве самого доступного, но опосредованного результата мышления человека получают для обучения языку / языкам корпуса текстов. На основании некоторой статистики слов⁵ этих корпусов система должна приобрести аналогичные человеческим навыки владения языком, а именно составить словарь и обучиться словоизменению, синтаксису, базовым представлениям об упомянутых в текстах объектах, их свойствах и взаимодействии.

Высокоуровневая оценка и естественного, и искусственного интеллекта теснее связана с лингвистическими проблемами, чем с какими бы то ни было иными. Действительно, любая интеллектуальная задача может быть сформулирована с помощью естественного

⁴ Узкий ИИ оперирует лишь в рамках небольшого ограниченного набора предметных областей, тогда как широкий является мультидоменным, использует полученные в одной области знания при работе с другой и строит на них совместные обобщения. В некоторых работах узкий ИИ терминологически приравнивается к слабому, т. е. решающему одну задачу в рамках одного домена: <https://io9.gizmodo.com/how-much-longer-before-our-first-ai-catastrophe-464043243>.

⁵ Частоты n-грамм, частоты встречаемости слов в одном контексте и т. д.

языка — будь то детская загадка или задание из учебника по высшей математике. Описание задачи будет выражено в рамках языковой системы, включающей более и менее формальные подсистемы. Любую задачу, таким образом, можно представить как систему перехода из X в y , где X — текст задачи, а y — текст ответа в рамках этой же языковой системы [Raffel et al. 2019]. Составление таких задач может наследовать из лингвистики многие критерии оценки правильности моделирования:

- грамматические критерии:
 - успешность преодоления синтаксической и морфологической неоднозначности, разрешения анафоры (если система справляется с этим так же, как человек, то это рассматривается как успех моделирования);
- семантические критерии:
 - успешность снятия семантической неоднозначности, в том числе разрешения омонимии и полисемии в контексте (некоторая доля ошибок допустима у человека, но у искусственных систем она приводит к негативному восприятию собеседниками);
 - успешность речевых актов и соблюдение коммуникативных норм (некоторая доля неуспешных речевых актов, безусловно, есть и у человека, однако система, имеющая низкий процент удач, не сможет содержательно пообщаться, выполнить команды);
 - способность к корректной интерпретации высказываний, включающих кванторы, фактивность, предикаты различных имплицативных типов, метафоры, некомпозициональность и т. д.;
- психолингвистические критерии:
 - подверженность праймингу и различным психолингвистическим стимулам в рамках повествования, описания известной ситуации (актуализированность в сознании определенных понятий у человека может провоцировать ошибки; у машин таким триггером ошибки могут быть смещения в обучающем корпусе);
 - степень удобочитаемости (readability) для машин и человека (выразить один и тот же смысл человек может по-разному в различных обстоятельствах; система все равно должна корректно проинтерпретировать высказывание);
- типологические критерии:
 - успешность моделирования лексических закономерностей в разных языках и их влияние на различные навыки ИИ-систем, например проведение причинно-следственных связей. Отдельно оценивается успешность моделирования типичных для разных языков ассоциативных связей, адекватность употребления устойчивых выражений, упоминания культурных реалий — все на разных языках.

Лингвистические знания и методы в ИИ применяются исключительно широко: лишь один обзор того, как используются знания о различных уровнях и явлениях языка в разметке данных при решении узких задач машинного обучения, занял бы не одну сотню страниц. В фокусе внимания этой работы — использование лингвистических методов именно при оценке интеллектуальности систем.

Следующий, второй раздел посвящен доминирующему подходу в обсуждаемой области — системам оценки интеллекта, базирующимся на тесте Тьюринга. Рассматриваются их различные вариации для англоязычных и русскоязычных систем, а также для все более многочисленных многоязычных систем. Системы оценки интеллекта индифферентны по отношению к методам решения представленных задач: считается равно уместным решить задачу с помощью правил, с помощью статистического подхода, нейросетей, любой биологически вдохновленной системы, главное — доказать работоспособность решения. Методики тестирования усложняются, сталкиваясь с практическими проблемами,

например утечкой «золотых» ответов или иными ситуациями, в результате которых появляется возможность получить высокий балл за ответ без разработки решения, — подобные проблемы представлены в разделе 2.4. Заключает работу итоговый раздел 3.

2. Комплексные методы оценки ИИ, использующие языковые данные

Как отмечает Франсуа Шолле в фундаментальном обзоре истории оценки ИИ-систем [Chollet 2019: 3], цель развития ИИ — в создании машин с интеллектом, который сопоставим с интеллектом людей: такая цель была сформулирована в начале 50-х годов XX в., и с тех пор эта формулировка сохраняется.

На уровне практической разработки слабых ИИ-систем определения интеллекта до недавнего времени не требовалось, как не требовалось и общих критериев, объединяющих метрики качества решения сразу нескольких задач. Но увеличение количества публикаций и разработок в сфере машинного обучения⁶ привело к необходимости методологической проработки стандартов описания моделей и всех этапов эксперимента, включая сбор и предварительную обработку данных для обучения, воспроизводимость результатов и условия тестирования⁷, а главное — к необходимости создания общих измеримых критериев оценки интеллектуальности.

Чтобы эффективно повышать интеллектуальность искусственных систем, нам требуется не только ясное определение интеллекта, но и умение оценивать его. Это нужно для корректного сравнения двух систем между собой или для сопоставления системы с человеком.

Лингвистика обеспечивает неотъемлемую часть этой оценки, выступая в качестве источника тестов и методологических практик.

Предлагаемые ею тесты, тем не менее, за последние 10 лет подвергались существенной адаптации, переработке, усложнению. Процесс их переработки все еще не завершен, так как последние прикладные работы в моделировании языка достигли значительных успехов и формально справляются с тестированием. Стоит отметить, что успехи последних пяти лет были достигнуты за счет одновременного воздействия двух факторов:

- 1) использования новых нейросетей на основе encoder-decoder и механизма внимания;
- 2) увеличения обучающих корпусов и количества обучаемых параметров (коэффициентов) у нейросети: «чем больше, тем лучше».

Приведем доминирующие принципы работы этих факторов:

- Языковая модель — набор вероятностей встречаемости слов, букв и фраз в корпусе. Языковая модель может быть основана на классических методах теории вероятности (например, на цепях Маркова). С помощью языковых моделей можно оценивать вероятность употребления в тексте той или иной фразы («зеленые идеи яростно спят» — почти невозможная фраза, так как вероятность встретить такие словоформы рядом очень низка), а также предложить наиболее вероятное продолжение заданному началу фразы: если «шел проливной...», то далее будет «дождь» (вероятность 90%), «ливень» (5%), все остальные варианты — 5%. Языковые модели сравнивают между собой по способности оценивать вероятность / невероятность новых для них

⁶ <https://www.technologyreview.com/2019/01/25/1436/we-analyzed-16625-papers-to-figure-out-where-ai-is-headed-next/>

⁷ Стандарты воспроизводимости конференции «Conference on Neural Information Processing Systems 2020»: <https://www.cs.mcgill.ca/~jpineau/ReproducibilityChecklist-v2.0.pdf>.

фраз на т. н. «золотых корпусах»⁸. Самым используемым среди этих корпусов является Penn Treebank⁹.

- Языковая модель на основе нейросети encoder-decoder и механизма внимания обладает несколькими нововведениями, которые позволяют таким моделям занимать лидирующие позиции в рейтингах моделирования языка. Во время обучения нейросеть проходит по всем текстам корпуса, удерживая в рабочей памяти до нескольких тысяч предыдущих слов. Нейросеть учится выполнять лишь одну операцию — по словам в ее памяти предсказать следующие слова: «шел проливной ...». Механизм внимания во время такого обучения подбирает веса «важности» прочитанных слов в памяти, измеряя их влияние на продолжение текста. В процессе чтения текста модель штрафует сама себя за неправильное предсказание, корректируя веса механизма внимания. Таким образом нейросеть обучается правильно определять ключевые мысли в тексте, наибольшим образом влияющие на дальнейшее развитие мысли и дискурсивную структуру текста.
- Большинство ИИ-систем, показывающих лучшие результаты в существующих системах оценки интеллекта, основаны именно на таком механистическом подходе. Различные вариации механизма внимания, способов чтения текста и объема памяти составляют ряд нейросетей, называемых «трансформерами» (transformers).

Известные примеры моделей, использующих названную пару факторов (нейросетевая архитектура и увеличение обучающего корпуса и числа параметров нейросети), включают модель GPT-3 [Brown et al. 2020] — самую большую языковую модель на начало 2020 г., которая впервые показала, что увеличение количества обучаемых параметров до 175 млрд может обеспечить высокую точность решения многих заданий исключительно за счет «запоминания» примеров из корпуса, без какого-либо обучения конкретным навыкам («все уже сказано до нас»: на любой заданный вопрос в достаточно большом корпусе уже будет ответ).

Законы масштабирования таких моделей демонстрируют приблизительно линейное улучшение точности работы при увеличении числа параметров. Экстраполяция этой тенденции предполагает, что нейросеть с набором параметров больше на 3–5 порядков (секстиллион параметров) приведет нас к решению большинства поставленных сейчас задач обработки текста: любые типы классификации текстов, написание текстов в любом жанре и т. д. Эта наивная гипотеза важна для понимания верхней границы наших возможностей при исключительно экстенсивном подходе. Можно ли в рамках этого подхода действительно научиться решать любую задачу, сформулированную текстом? Есть ли фундаментальные интеллектуальные способности, которых недостает языковым моделям при таком подходе? Методы оценки, описанные далее, стремятся добиться ответа на эти и подобные вопросы.

2.1. Развитие методологии тестирования систем на основе теста Тьюринга

После появления теста Тьюринга [Turing 1950]¹⁰, представившего оценку способности машины к имитации человеческого интеллекта в виде переписки между машиной и судьями, возник широкий ряд смежных тестов интеллекта.

⁸ Популярным золотым стандартом для оценки моделирования языка является корпус PennTreebank: рейтинг языковых моделей на нем доступен по адресу <https://paperswithcode.com/sota/language-modelling-on-penn-treebank-word>.

⁹ <https://catalog.ldc.upenn.edu/docs/LDC95T7/c193.html>.

¹⁰ В ходе теста судьи взаимодействуют с собеседниками, каждый из которых может быть как компьютером, так и человеком. Задача судьи — понять, является ли собеседник человеком. Каждый участник стремится заставить судью признать, что он человек, на основании его ответов.

К подобным вариациям теста Тьюринга следует отнести в первую очередь

- схему Винограда (Winograd schema) — тест, содержащий текстовые вопросы о свойствах предметов и о привычных бытовых ситуациях, где правильный ответ обязательно требует снятия синтаксической неоднозначности [Winograd 1972];
- минимальный интеллектуальный Signal-test (Minimum intelligent signal test, MIST) — вопросо-ответный тест, требующий от машины различных интеллектуальных навыков, знаний, логики, но при этом принимающий минимальную вариативность ответов — только «да»/ «нет». Такой тест, предложенный в [McKinstry 1997], уменьшает субъективность судейства в оригинальном тесте Тьюринга, а также дает метрику «человечности» интеллекта системы — то есть доли правильных ответов;
- тест Тьюринга со специалистом (Subject-matter expert Turing test) — разновидность теста Тьюринга, при котором ответы машины должны задействовать экспертные специализированные знания, а правильные ответы не должны отличаться от ответов настоящих экспертов [McCorduck 2004];
- тест Эберта (Ebert test) — тестирование систем, включающих не только диалоговую письменную составляющую, но и синтез речи, при этом синтез речи должен быть достаточно хорош, чтобы судьи рассмеялись от шуток машины [Pasternack 2011].

Практика сравнения интеллектуальных способностей систем по результатам одного из таких тестов по-прежнему доминирует в современном исследовательском сообществе: системы могут сравниваться при игре в настольные и компьютерные игры, при решении прикладных задач. Однако широкая доступность больших данных для обучения и эффективность обобщений на таких данных у нейросетевых архитектур делают каждый из таких тестов уязвимым. Для объективной оценки интеллекта требуется больше, чем один результат системы на одном тесте. С одной стороны, удачное прохождение теста во многом зависит не от уровня сложности задачи, а от возможности предоставить системе неограниченный объем обучающих текстовых данных или предварительно заготовленной информации (корпусы научной литературы, справочники, энциклопедии): экспериментаторы могут не только вывести машину на произвольный уровень навыков, но и скрыть степень способности системы к интеллектуальному обобщению. С другой стороны, и искусственные, и естественные интеллектуальные системы дают нестабильные результаты при оценке на небольшом наборе заданий — повышение стабильности результатов требует увеличения объема и диверсификации тестов.

Подход, реализующий эту стратегию при оценке интеллектуальных систем, носит название бенчмаркинга (benchmark). Впервые он был представлен в работе [Fleming, Wallace 1986]: сравнение компьютерных систем в равных условиях требует аккуратной постановки задач и агрегации результатов. Бенчмарк-подход в применении к интеллектуальным системам подразумевает сочетание нескольких принципов:

- 1) фиксированное разделение данных: под сформулированную задачу собирается набор примеров, который фиксированным образом разделяется на три части — обучающую выборку, выборку для самопроверки участников и тестовую выборку для публичного сравнения систем (обычно в процентном соотношении 80 : 10 : 10 % или 70 : 15 : 15 % всех примеров);
- 2) закрытость тестовой выборки: «золотые» ответы на тестовые задания недоступны участникам и не могут быть угаданы путем перебора.

Текстовое представление интеллектуальных задач позволяет максимально разнообразно оценить способности соревнующихся систем, включая в задачи заведомую необходимость владения предметными знаниями (пчелы и самолеты летают за счет разных принципов аэродинамики), базовыми знаниями об объектах окружающей среды и их взаимодействии (зеленые сливы есть не стоит, желтые и красные уже созрели), логикой, способностью устанавливать причинно-следственные связи между описываемыми событиями.

Один из основных бенчмарков, идейно продолжающий формат вопросо-ответных вариаций теста Тьюринга, — это проект Stanford Question Answering Dataset, SQuAD [Rajpurkar et al. 2016]. SQuAD проверяет способность системы отвечать на связанные с пониманием прочитанного вопросы на английском языке: для каждого ответа на вопрос необходимо прочесть заданный абзац текста; система также может воздерживаться, когда задается вопрос, на который нет ответа в предоставленном фрагменте текста. Пример задачи¹¹:

Абзац: Warsaw is the capital and largest city of Poland. It stands on the Vistula River in east-central Poland, roughly 260 kilometres (160 mi) from the Baltic Sea and 300 kilometres (190 mi) from the Carpathian Mountains. Its population is estimated at 1.740 million residents within a greater metropolitan area of 2.666 million residents, which makes Warsaw the 9th most-populous capital city in the European Union. The city limits cover 516.9 square kilometres (199.6 sq mi), while the metropolitan area covers 6,100.43 square kilometres (2,355.39 sq mi).

Вопрос: What is the largest city in Carpathia?

Правильный ответ: <No answer>

SQuAD стал одним из первых бенчмарков, в котором в качестве точки отсчета использовался уровень решения задачи человеком (F-мера 89,45, при максимально возможном значении 100) и в котором эта точка отсчета была преодолена (в 2017 г. первые системы¹² преодолели порог точности извлечения информации из текста и превысили уровень человека в решении задачи). Актуальный рейтинг систем (пять лучших) на задаче SQuAD¹³ представлен в таблице 1; всего на текущий момент выше средней оценки испытуемых поднялось 55 систем.

Таблица 1

Результаты лучших вопросо-ответных систем на задаче SQuAD

Позиция и дата	Модель	Метрики	
		EM	F1
1 (6 апр. 2020)	SA-Net on Albert (ensemble)	90.724	93.011
2 (5 мая 2020)	SA-Net-V2 (ensemble)	90.679	92.948
2 (5 апр. 2020)	Retro-Reader (ensemble)	90.578	92.978
2 (5 фев. 2021)	FPNet (ensemble)	90.600	92.899
3 (1 дек. 2020)	EntitySpanFocusV2 (ensemble)	90.521	92.824
Средний результат человека		86.831	89.452

По приведенным в таблице данным видно, что результаты лидирующих систем в количественном отношении мало отличаются друг от друга, формируя плотный конкурентный рейтинг: такая ситуация встречается нередко в массовых соревнованиях по машинному обучению¹⁴, однако для сложных задач с высокой «человеческой» планкой такой итоговый рейтинг стал неожиданностью.

¹¹ Источник: https://rajpurkar.github.io/SQuAD-explorer/explore/v2.0/dev/Amazon_rainforest.html.

¹² <https://blogs.microsoft.com/ai/microsoft-creates-ai-can-read-document-answer-questions-well-person/>

¹³ На февраль 2021 г. Обновляемый рейтинг <https://rajpurkar.github.io/SQuAD-explorer/>.

¹⁴ Примером могут служить соревнования на платформе <https://www.kaggle.com/>: задача классификации текста писем (спам / не спам) имеет более 800 решений, отличающихся сотнями

Системы, занимающие высокие места в рейтинге решения SQuAD, не известны нам до конца: про большинство из них нет научных публикаций. Однако из названий мы можем заключить, что часть из них основана на вариантах архитектуры encoder-decoder (ALBERT [Lan et al. 2019]), а также использует принцип голосования (ансамблирования — ensemble). Это значит, что обучению подвергаются несколько вариантов одной и той же нейросети; при тестировании каждая нейросеть пытается по предложению-вопросу предсказать правильное предложение-ответ. Затем из этих ответов выбирается самый частый, и он считается окончательным. Такой механистический подход позволил компьютерной системе отвечать на вопросы по текстам «Википедии» на 4 % лучше, чем человек.

К безусловным недостаткам теста SQuAD, послужившим причиной его быстрого преодоления, можно отнести, во-первых, однозначную формулировку задания. Здесь требуется дословный, с опорой на текст, ответ на явно сформулированный фактологический вопрос с вопросительным местоимением. Между тем типов вопросов гораздо больше, чем представлено в задаче («да/нет»-вопросы; вопросы, требующие выводов из текста и т. д.), но в систему оценки они не включены. Быстро справиться с этим тестом системе позволяет и очевидная простота имитации понимания при такой постановке задачи: чтобы правильно извлечь ответ из заранее предоставленного текста, необязательно учиться понимать текст, достаточно лишь научиться находить наиболее похожий или совпадающий с вопросом фрагмент в тексте и извлечь подходящую синтаксическую группу.

Следующий шаг в развитии и оценке интеллектуальных систем принадлежит бенчмарк-методологии, цель которой состоит в том, чтобы приблизить решение задачи понимания естественного языка. Эта методология получила название General Language Understanding Evaluation (GLUE) [Wang et al. 2018]. GLUE включает в себя усредненную оценку систем по многим задачам, требующим воспроизведения интеллектуальных способностей человека на основе текстовых данных, что делает их схожими со SQuAD, однако метод GLUE лишен обоих упомянутых недостатков SQuAD за счет более сложных и разнообразных заданий; собственно, как одно из 11 своих заданий он включает SQuAD.

Этот бенчмарк, изначально созданный на базе английского языка, уже был несколько раз воспроизведен на новом материале: усложненный вариант для английского [Wang A. et al. 2019], на китайском (CLUE) [Xu et al. 2020], русском (Russian SuperGLUE) [Shavrina et al. 2020b], польском (KLEJ) [Rybak et al. 2020], французском (FLUE) [Le et al. 2019] языках. Кроме того, он положил начало мультязычному проекту XGLUE [Liang et al. 2020]. Методология GLUE включает следующие элементы:

1. Бенчмарк из девяти задач на понимание естественного языка, построенный на наборах данных, охватывающих весь диапазон данных разных размеров (от полных до небольших), жанров (от социальных медиа до художественной литературы) и включающих тексты различных степеней сложности. В наборах данных зафиксировано разбиение на обучающую, валидационную и тестовую выборку.
2. Набор диагностических данных, предназначенный исключительно для тестирования и анализа результатов обученных систем в отношении широкого спектра категорий, встречающихся на различных уровнях естественного языка (морфологическом, лексическом, синтаксическом, семантическом).
3. Общедоступный рейтинг систем для отслеживания уровня текущих решений и панель визуализации результатов.
4. Кодовая база (набор программ в открытом доступе) для быстрого воспроизведения результатов общедоступных систем.

Рейтинг решений GLUE агностичен относительно архитектур моделей, поэтому любая система, способная обрабатывать предложения и пары предложений и производить

соответствующие решения, имеет право участвовать в рейтинге. Рейтинг¹⁵ первой версии представлен в таблице 2. Среднее значение по всем метрикам (в процентах), выстраивающее рейтинг, обозначено в третьей колонке («среднее»). Правее в таблице представлены метрики по следующим задачам:

- 1) определение корректных и некорректных предложений на базе The Corpus of Linguistic Acceptability (CoLa);
- 2) определение эмоциональной окраски предложений на базе The Stanford Sentiment Treebank (SST-2);
- 3) определение семантики предложений:
 - а) являются ли два предложения парафразами или нет — на базе Microsoft Research Paraphrase Corpus (MRPC);
 - б) являются ли предложения близкими по смыслу и насколько — на базе Semantic Textual Similarity Benchmark (STS-B);
 - в) являются ли предложения парафразами — на базе вопросов Quora Question Pairs (QQP);
 - г) соотнесение предпосылок и гипотез (есть ли между данной предпосылкой и гипотезой отношение следования, противоречия, нейтральности) — на базе MultiNLI (MNLI-M и MNLI-MM);
 - д) схема Винограда (есть ли причинно-следственная связь между предпосылкой и гипотезой, для правильного ответа необходимо снять грамматическую неоднозначность) — на основе Winograd NLI (WNLI);
 - е) лингвистическая диагностика (есть ли причинно-следственная связь между предпосылкой и гипотезой — пары минимально различающихся предложений с опорой на список из 33 признаков) (AX);
- 4) ответы на фактологические вопросы — на базе SQuAD (QNLI);
- 5) интерпретация семантики пар текстов: есть ли причинно-следственная связь между текстом с предпосылкой и гипотезой из текста — на базе Recognizing Textual Entailment (RTE).

Верхние пять позиций рейтинга GLUE (таблица 2, с 127) в настоящий момент занимают вариации архитектур на основе трансформеров (DeBerta, ENRIE и др.). Основной способ работы с ними включает два этапа: 1) обучение трансформера на большом корпусе (нейросеть учится предсказывать следующие предложения целиком или заполнять в них пропуски, штрафуются за ошибки, корректирует механизм внимания); 2) обученная на большом корпусе модель подвергается дообучению одному конкретному навыку: ей показывают обучающие примеры данных разных размеров, а научиться предсказывать нужно не следующий пример, а ответ в заданном формате (да / нет, метку класса, развернутый ответ). Этот второй шаг называют также дообучением или тюнингом (fine-tuning). Основная проблема тюнинга — возможность «забыть» вероятности, выученные на шаге 1: в таком случае модель не сможет должным образом применить знания, полученные на большом корпусе и обобщить навык, полученный на шаге 2. Однако, как видим в рейтинге, средний человеческий уровень при этом отошел на 15-е место, и трансформеры показывают результат выше на 3 %.

Подробный разбор заданий позволил получить первые оценки развивающегося «зоопарка» NLP-моделей¹⁶ (model zoo). В бенчмарк были включены уже известные наборы заданий, в том числе низкоуровневые (классификация эмоциональной окраски, вопросо-ответные системы) и похожие между собой по формулировкам (задания на соотнесение предпосылки и гипотезы). Менее чем через год после выхода первой версии это привело к быстро возросшему уровню решений и сокращению в разбросе результатов среди конкурирующих систем: стало оправдано создание второй, усложненной версии — бенчмарка

¹⁵ На февраль 2021 г. Обновляющийся рейтинг <https://gluebenchmark.com/leaderboard>.

¹⁶ NLP — обработка естественного языка (natural language processing).

Таблица 2

Рейтинг систем GLUE

Место	Модель	Среднее	CoLA	SST-2	MRPC	STS-B	QQP	MNLI-m	MNLI-mm	WNLI	AX	QNLI	RTE
1	DeBERTa Team — Microsoft	90.8	71.5	97.5	94.0/ 92.0	92.9/ 92.6	76.2/ 90.8	91.9	91.6	94.5	53.2	99.2	93.2
2	HFL iFLYTEK	90.7	74.8	97.0	94.5/ 92.6	92.8/ 92.6	74.7/ 90.6	91.3	91.1	94.5	52.6	97.8	92.0
3	Alibaba DAMO NLP	90.6	75.3	97.3	93.9/ 91.9	93.2/ 92.7	74.8/ 91.0	90.9	90.7	94.5	49.1	97.4	91.2
4	PING-AN Omni-Sinitic	90.6	73.5	97.2	94.0/ 92.0	93.0/ 92.4	76.1/ 91.0	91.6	91.3	94.5	51.2	97.5	91.7
5	ERNIE Team — Baidu	90.4	74.4	97.5	93.5/ 91.4	93.0/ 92.6	75.2/ 90.9	91.4	91.0	94.5	51.7	96.6	90.9
15	Уровень человека	87.1	66.4	97.8	86.3/ 80.8	92.7/ 92.6	59.5/ 80.4	92.0	92.8	95.9	—	91.2	93.6

Super General Language Understanding Evaluation (SuperGLUE). В таблице 3 приведены результаты англоязычных систем в рейтинге SuperGLUE, в таблице 4 — аналогичные результаты русскоязычных систем в рейтинге Russian SuperGLUE.

Все задачи SuperGLUE и Russian SuperGLUE разделяются на пять групп, сочетающих диагностику различных интеллектуальных способностей NLP-моделей:

- 1) здравый смысл: задачи PaRus, RUSSE, DaNetQA;
- 2) логический вывод: задач RWSD;
- 3) рассуждение: TeRRA, RCB;
- 4) машинное чтение: задачи RuCOs, MuSeRC;
- 5) общая лингвистическая диагностика: LiDiRus.

Подробное описание задач с русскоязычными примерами приведено далее.

Таблица 3

Актуальный рейтинг систем SuperGLUE

Место	Модель	Среднее	BoolQ	CB	COPA	MultiRC	ReCoRD	RTE	WiC	WSC	AX-b	AX-g
1	DeBERTa	90.3	90.4	95.7/ 97.6	98.4	88.2/ 63.7	94.5/ 94.1	93.2	77.5	95.9	66.7	93.3/ 93.8
2	T5 + Meena	90.2	91.3	95.8/ 97.6	97.4	88.3/ 63.0	94.2/ 93.5	92.7	77.9	95.9	66.5	88.8/ 89.9
3	Уровень человека	89.8	89.0	95.8/ 98.9	100.0	81.8/ 51.9	91.7/ 91.3	93.6	80.0	100.0	76.6	99.3/ 99.7
4	T5	89.3	91.2	93.9/ 96.8	94.8	88.1/ 63.3	94.1/ 93.4	92.5	76.9	93.8	65.6	92.7/ 91.9
5	NEZHA-Plus	86.7	87.8	94.4/ 96.0	93.6	84.6/ 55.1	90.1/ 89.6	89.1	74.6	93.2	58.0	87.1/ 74.4

Как можно заметить по таблице 3, в случае рейтинга SuperGLUE средний человеческий уровень решения задач преодолели две системы, с результатом выше на 0,5%. При этом можно увидеть, что почти по всем отдельным задачам результат ИИ-систем остается ниже человеческого. Средний показатель лидирующих систем все же оказывается чуть-чуть

выше человеческого только за счет двух задач — ReCoRd и MultiRC; обе являются задачами на машинное чтение, где формат предписывает системе сделать выбор из вариантов ответа на вопрос по предоставленному тексту. Системы-лидеры T5 [Raffel et al. 2019] и DeBerta [He et al. 2020] обе основаны на архитектуре трансформеров: разработчики T5 представили концепцию обучения text-to-text, в котором они на стадии предварительного обучения модели поместили в обучающий корпус разнообразные наборы текстов и заданий с разметкой, ответами и соответствиями, как бы форсируя обучение модели конкретным навыкам заранее (teacher forcing). В случае с моделью DeBerta срабатывает новая методика тюннинга модели, при котором внутренние векторные представления текста намеренно портят специальным «шумом», чтобы сделать модель более устойчивой к формулировкам и заставить ее учиться на недостаточном объеме примеров.

Рейтинг моделей для русского языка (таблица 4) показывает, что уровень среднего испытуемого машинами пока не преодолен. Лучший результат (место 2) отстает на 13 % от уровня человека в среднем, хотя и оказывается выше него в отдельно взятых задачах MuSeRC и RuCoS. Эти задачи представляют собой полный аналог англоязычных задач машинного чтения MultiRC и ReCoRd, на которых трансформерные системы показывают наилучший результат и на английском языке. Архитектура Golden Transformer представляет собой инженерное решение: выбор ответа «большинством голосов» нескольких нейросетей encoder-decoder.

Таблица 4

Актуальный рейтинг систем Russian SuperGLUE

Место	Модель	Среднее	LiDiRus	RCB	PARus	MuSeRC	TERRa	RUSSE	RWSD	DaNetQA	RuCoS
1	Уровень человека	0.811	0.626	0.68/ 0.702	0.982	0.806/ 0.42	0.92	0.805	0.84	0.915	0.93/ 0.89
2	Golden Transformer	0.679	0.0	0.406/ 0.546	0.908	0.941/ 0.819	0.871	0.587	0.545	0.917	0.92/ 0.924
3	RuGPT3XL few-shot	0.535	0.096	0.302/ 0.418	0.676	0.74/ 0.546	0.573	0.565	0.649	0.59	0.67/ 0.665
4	MT5 Large	0.528	0.061	0.366/ 0.454	0.504	0.844/ 0.543	0.561	0.633	0.669	0.657	0.57/ 0.562
5	RuBERT plain	0.521	0.191	0.367/ 0.463	0.574	0.711/ 0.324	0.642	0.726	0.669	0.639	0.32/ 0.314

На рисунке показан пример решения текстовой задачи различными русскоязычными моделями: для правильного ответа необходимо произвести корректное разрешение анафоры.

```

текст: На прошлой неделе мэр Джексона отказался
от своих планов по ограничению роста приложений
для каршеринга, пока он изучает влияние приложений
по аренде машин на трафик.

вопрос: «Он» — это кто?

>>>
BERT: это мэр Джексона
Slavic BERT (BERT, обученный на нескольких
славянских языках): это каршеринг
RuBERT: это рост приложений
Человек: мэр Джексона, конечно

```

Рисунок. Решение задачи на логику (Russian Winograd Schema)

Далее приводится краткое описание каждой задачи.

2.1.1. Здравый смысл

PARus. «Выбор вероятных альтернатив» (Choice of Plausible Alternatives for Russian language, PARus) — это задача, которая направлена на оценку здравого смысла в причинно-следственных рассуждениях (commonsense causal reasoning). Каждый пример включает предложение-предпосылку с описанием ситуации и две альтернативные гипотезы — о причинах ситуации или о последствиях. Задача — выбрать наиболее правдоподобный из двух вариантов. Правильные варианты ответа перемешаны случайным образом: ожидаемая эффективность случайного угадывания составляет 50 %.

Пример:

Ситуация: Я получил скидку при покупке на кассе.

Тип вопроса: причина

Альтернатива 1: Я поздоровался с кассиром.

Альтернатива 2: У меня был скидочный купон.

Правильный ответ: альтернатива 2

RUSSE. Задача Word-in-Context (WiC) Russian SuperGLUE заимствует исходные корпусные примеры из проекта RUSSE¹⁷ [Panchenko et al. 2018], материалы которого используются для обучения систем снятию неоднозначности у многозначных слов. Каждый пример состоит из пары предложений, в которых встречается одно и то же многозначное слово. Задача состоит в том, чтобы распознать, используется ли это слово в одном смысле или в разных (согласно результатам опроса носителей языка).

Пример:

Смысл указанного слова разный или одинаковый?

Слово: дорожка

Предложение 1: Бурые ковровые *дорожки* заглушали шаги.

Предложение 2: Приятели решили выпить на *дорожку* в местном баре.

Ответ: Смысл разный.

DaNetQA — это задача, которая, опираясь на методологию теста Minimum intelligent signal test и дизайн англоязычного аналога BoolQ, ставит перед системой «да/нет»-вопросы [Clark 2019]. Каждое задание в наборе состоит из одного абзаца текста и вопроса по его содержанию. Задача — дать на вопрос бинарный ответ (да / нет). Тексты для задачи взяты из «Википедии», а вопросы составлены с использованием краудсорсинга. Все вопросы были написаны авторами без каких-либо искусственных ограничений [Glushkova et al. 2020].

Пример:

Текст: В период с 1969 по 1972 год по программе «Аполлон» было выполнено 6 полетов с посадкой на Луне. Три экспедиции прошли без высадки астронавтов на Луне и шесть — с посадкой на Луне. Всего 24 астронавта США летали до Луны и обратно. Во время каждой из шести экспедиций с посадкой на Луне два астронавта выходили на поверхность Луны и один оставался в орбитальном модуле; таким образом, на Луне побывали 12 землян. Три астронавта — Джеймс Ловелл, Джон Янг и Юджин Сернан — по два раза летали к Луне, причем Янг и Сернан во время второго полета высаживались на Луне. Из-за аварии, произошедшей на «Аполлоне-13», Джеймсу Ловеллу не удалось высадиться на Луну.

Вопрос: Был ли человек на Луне?

Ответ: Да.

¹⁷ <https://russe.nlpub.org/2018/wsi/>

2.1.2. Логический вывод

RWSD. Russian Winograd Schema — задача, посвященная снятию омонимии на основе логики и с опорой на базовые свойства объектов (форма, размер). Является переводным аналогом англоязычного набора заданий Winograd Schema [Levesque et al. 2012]¹⁸. Схема Винограда состоит из предложений с синтаксической или морфологической неоднозначностью. Эта неоднозначность разрешается в предложениях при использовании знаний о мире. Корпус заданий составлен в соответствии с тестом Тьюринга. Одним из плюсов такой постановки задачи является простая форма машинного ответа (да/нет), а ответы систем делают даже для неспециалистов очевидным недостаток знаний у машин.

Пример:

Текст: Кубок не помещается в коричневый *чемодан*, потому что *он слишком большой*.
Есть ли связь: {антецедент: «чемодан», анафор: «он слишком большой»}
Правильный ответ: Нет! Это не чемодан слишком большой.

2.1.3. Рассуждение

TeRRA. Задача Textual Entailment Recognition for Russian (TERRA) посвящена обнаружению причинно-следственных связей между текстами, ответ предполагается в бинарной форме (есть связь или нет). Набор примеров был собран на основе правил и фильтрации корпуса Taiga [Shavrina, Sharovalova 2017] с последующей ручной редактурой. Задача охватывает основные потребности семантического вывода во многих приложениях NLP, таких как вопросо-ответные системы, информационный поиск, извлечение информации, реферирование текстов. Для решения задачи необходимо понять, следует ли значение одного текста из другого в данной паре.

Пример:

Предпосылка: Судно прибывает в сочинский порт за 7 часов. В то же время, билет на самолет до Сочи в летнее время стоит 3 тысячи, а время в пути — чуть меньше часа.
Гипотеза: Судном до Сочи добираться быстрее.
Правильный ответ: Нет, гипотеза не следует из предпосылки.

RCB. Russian Commitment Bank — это набор из пар текстов, в предложениях которых содержится или отсутствует причинно-следственная связь, а также размечены дополнительные дискурсивные характеристики: наличие вопроса, модальность, отрицание предшествующих условий. RCB относится к задачам распознавания причинно-следственных связей с делением на три класса (следование, противоречие, нейтральность). Так же, как и в задаче TERRA, каждый пример включает предпосылку и гипотезу. Однако в этом случае предпосылка представляет собой естественный фрагмент текста, а не одно предложение. Набор примеров был сформирован на материалах корпуса Taiga с помощью правил, написанных вручную, и проверен разметчиками.

Пример:

Предпосылка: «Мы не ожидаем, что это произойдет в ближайшие дни», — сказал чиновник.
Гипотеза: Это произойдет в ближайшие дни.
Правильный ответ: Нейтральность. Не ясно: может, произойдет, а может, нет.

¹⁸ <https://cs.nyu.edu/faculty/davise/papers/WinogradSchemas/WS.html>

2.1.4. Машинное чтение

RuCoS. «Russian reading comprehension with Commonsense reasoning» (RuCoS) — это корпус заданий на понимание прочитанного, задания здесь составлены таким образом, чтобы обучить системы и протестировать их на наличие «здравого смысла» при чтении. RuCoS состоит из текстов новостных статей и их кратких содержаний, полученных автоматически; во фрагменте текста вместо одной из упомянутых сущностей ставится маркированный пропуск, который предлагается заполнить, выбрав из предложенных вариантов (сущностей, упомянутых в тексте). Целью RuCoS является оценка способности системы к выбору на основе базового понимания содержания документов, грамотного вывода из текста — что же произошло с упомянутыми в тексте сущностями. Задача разработана по методике англоязычного аналога ReCoRD [Zhang et al. 2018].

Пример:

Текст: Раз в пять лет в Давос съезжаются ученые со всего мира, чтобы произвести проверку приборов для измерения солнечной радиации. Метод архаичный, но действенный. Если бы только не облачность... Солнечная радиация — это неисчерпаемый источник энергии, залог жизни на Земле. В то же время она может представлять и весьма серьезную угрозу для обитателей нашей планеты — прежде всего, из-за влияния на климат. Поэтому точное измерение интенсивности солнечного излучения — и не вообще, а той его части, что достигает поверхности Земли, — имеет огромное значение — как теоретическое, так и практическое. Во Вселенной имеются самые разные типы звезд, и звезды эти находятся на разных стадиях эволюции. Изучение наиболее холодных белых карликов дает ученым возможность заглянуть в далекое прошлое нашей галактики.

На прошлой ассамблее в Праге Международный астрономический союз занимался преимущественно статусом Плутона и прочими проблемами классификации небесных тел. Теперь, в Рио-де-Жанейро, он повернулся лицом к науке.

Фрагмент с пропуском: «Поэтому в @placeholder прибыли и самые простые приборы, и высокотехнологичные изделия, предназначенные для установки на исследовательских космических аппаратах NASA», — говорит руководитель проверки Вольфганг Финстерле (Wolfgang Finsterle).

Варианты ответа: Давос / Земля / Плутон / Прага / Рио-де-Жанейро

Правильный ответ: Давос

Все текстовые примеры были собраны из открытых источников новостей, а затем автоматически отфильтрованы с помощью вопросо-ответных систем так, чтобы не допустить проникновения очевидных вопросов в набор данных (вопросы, на которые существующие системы не смогли дать ответ, были включены в набор). Затем тексты были отобраны по средней частотности¹⁹ содержащихся слов и, наконец, проверены редактором вручную.

MuSeRC. Multisentence Reading Comprehension (MuSeRC) — задача, требующая от систем навыков совместной обработки предложений в тексте: задания представляют собой тексты и вопросы к ним, однако, чтобы ответить на вопрос, необходима информация из нескольких предложений. На вопрос невозможно ответить, не произведя логических операций на предложениях, не установив причинно-следственные связи между описываемыми событиями. К вопросам также прилагаются варианты ответов, каждый из которых не может быть найден в тексте непосредственно.

¹⁹ Средняя частотность встречающихся в тексте слов должна составлять не менее 1 ipm (единицы на миллион) — условие, отбрасывающее тексты узкотематические, тексты с большим количеством терминологии, окказионализмов и т. п.

Пример:

Текст: (1) Экспансия коммерческой литературы сужает круг потенциальных читателей, которых в России осталось не так уж много. (2) Казалось бы, что за беда? (3) Читают — и пусть себе. (4) Всё лучше, чем пьянствовать. (5) Но не так-то всё просто. (6) Есть книги, без которых можно спокойно прожить. (7) Есть телевизор, есть газеты, есть компьютерные стрелялки. (8) А есть книги, без которых жить трудно. (9) И если в юности не попалась книга, перепавшая душу, читатель для литературы потерян. (10) Он будет жевать литературный попкорн в полной уверенности, что читает книгу, не подозревая о том, что она всего лишь похожа на книгу, а к животворной литературе никакого отношения не имеет. (11) И таких читателей становится всё больше. (12) Но неужели всё так безнадежно? (13) Неужели читателю, любящему живую книгу, остаётся утешаться нетленной классикой? (14) К счастью, нет. (15) Поразительная закономерность. (16) Живая книга чудом пробивается к читателю. (17) И диктат рынка ей не слишком большая помеха. (По В. Иванову).

Вопрос: Какая метафора используется в тексте?

Варианты ответа:

1. Он будет жевать литературный попкорн в полной уверенности, что читает книгу, не подозревая о том, что она всего лишь похожа на книгу.
2. Тише едешь, дальше будешь, как закат.
3. Эта метафора — литературный попкорн.
4. Метафора корабля, несущего читателя к сокровищнице знаний по морю открытий.
5. Читая книгу, как сова в ночи, без пауз, учишься видеть и во тьме.

Правильные ответы: 1, 3

Набор данных состоит из 6 000 вопросов к 800 текстам из пяти разных источников: тексты для детей начальной школы, новости, художественные тексты, сказки, краткий пересказ содержания сериалов. Все тексты были собраны из открытых источников разных жанров и автоматически отфильтрованы по следующим параметрам: 1) длина абзаца, 2) количество именованных сущностей, 3) количество кореферентных связей. Вопросы к текстам задавали редакторы, опираясь на следующие принципы:

1. Ответ содержится в нескольких предложениях, а не в одном.
2. Ответ не прописан в тексте дословно.
3. Количество вариантов ответа может быть сколь угодно большим. Правильным / неправильным может быть любое количество ответов.

2.1.5. Общая лингвистическая диагностика: LiDiRus

Современные лингвистические подходы, описывающие различные поверхностные структуры в языках мира, используются для моделирования сложных заданий лишь частично из-за затратности получения корпусов с подобной лингвистической разметкой. Тем не менее небольшой набор данных, содержащий богатую разметку различных явлений синтаксиса, семантики, логики, используется для тестирования в методологии GLUE/SuperGLUE (представлен в обеих версиях)²⁰.

Linguistic Diagnostics for Russian (LiDiRus) — это диагностический набор данных для русского языка. Задания диагностики нацелены на проверку способности системы устанавливать причинно-следственную связь между парой предложений или решать,

²⁰ <https://super.gluebenchmark.com/diagnostics>

что связи нет. Пары предложений имеют специализированную разметку, которая охватывает широкий ряд лингвистических явлений, явно или неявно влияющих на качество распознавания причинно-следственной связи системой. Примеры диагностики составлены вручную, причем предложения внутри пары сформулированы таким образом, чтобы различия были минимальны: предложения различаются только одним или двумя лингвистическими свойствами (которые в одном предложении из пары изменены вручную).

Пример:

Предложение 1: Кошка сидела на коврике.

Предложение 2: Кошка не сидела на коврике.

Разметка: отрицание

Правильный ответ: Нет следования.

Разметка включает 33 лингвистических признака, от низкоуровневых (морфологических и синтаксических) до более высокоуровневых (включая уровни формальной семантики и знания об окружающем мире, знания свойств объектов и их взаимодействий).

Примеры всех категорий подробно описаны²¹.

2.2. От GLUE к многоязычности

Успешное решения англоязычными системами бенчмарков GLUE и SuperGLUE положило начало распространению методологии тестирования на комплексную многоязычную оценку: проекты XTREME [Hu et al. 2020] и XGLUE [Liang et al. 2020] объединили имеющиеся материалы на разных языках для сравнения систем в задачах воспроизведения интеллектуальных способностей человека.

Бенчмарк XTREME представляет собой первый многоязычный проект для оценки ИИ-систем. XTREME охватывает 40 типологически разнообразных языков из 12 языковых семей и включает девять заданий, требующих анализа различных уровней синтаксиса или семантики. Включенные в XTREME задачи предполагают умение классифицировать тексты, анализировать морфологию и синтаксис, извлекать информацию и отвечать на вопросы на разных языках.

Согласно доступной информации, занимающая первую строку в рейтинге система VECO отстает от человека на 12 % и представляет собой encoder-decoder архитектуру, модифицированную под задачи перевода с языка на язык: модель учится по предложению на одном языке не предсказывать продолжение, а порождать это же предложение на другом языке. При обучении модели этой задаче — взвешивать взаимные соответствия между двумя последовательностями на входе (язык 1) и на выходе (язык 2) — в последовательности на языке 1 пропускается случайное слово, и модель должна научиться восстанавливать его с опорой на смысл на языке 2 [Luo et al. 2020]. Таким образом лучше выучивается межязыковое соответствие; процедура повторяется с одной и той же моделью последовательно с разными парами языков. Система ERNIE (занимающая вторую строку в рейтинге) [Ouyang et al. 2020] основана на трансформерной языковой модели на базе похожего принципа: при обучении на большом корпусе модель учится предсказывать продолжение текста, но не целиком, а лишь заполняя искусственно поставленные в нем пропуски. Пропуски ставятся системой в случайном порядке — в разных местах предложения. Оба эти подхода являются экстраполяцией привычного нам механистического подхода на множество языков.

²¹ <https://russiansuperglue.com/ru/datasets/>

Таблица 5

Уровень решения бенчмарка XTREME

Место	Модель	Среднее	Sentence-pair Classification	Structured Prediction	Question Answering	Sentence Retrieval
1	Уровень человека	93.3	95.1	97.0	87.8	—
2	VECO	81.1	88.6	75.4	72.4	92.1
3	ERNIE	80.9	87.9	75.6	72.3	91.9
4	T-ULRv2 + StableTune	80.7	88.8	75.4	72.9	89.3
5	Anonymous3	79.9	88.2	74.6	71.7	89.0
6	Polyglot	77.8	87.8	72.9	67.4	88.3

Стоит отметить некоторую неаккуратность, с которой авторы бенчмарка подошли к оценке уровня человека: аннотаторов-полиглотов задействовать не стали (разумеется, трудно найти людей, владеющих 40 языками) и взяли средний балл испытуемых из оригинальных задач, замеренный только на английском языке; среднюю оценку испытуемых в задаче определения части речи и вовсе взяли из классической работы про 3 % ошибок у разметчиков частей речи [Manning 2011], не проводя собственных замеров.

Бенчмарк XGLUE оценивает эффективность многоязычных предобученных систем в отношении их способности понимания и порождения текста на разных естественных языках. XGLUE состоит из 11 задач на 19 языках. Для каждой из них обучающие примеры доступны только на английском языке, и для успешного тестирования система должна обладать сильной обобщающей способностью с межъязыковым переносом знаний, чтобы использовать навыки, полученные на английских текстах, на других языках. По сравнению с параллельной работой проекта XTREME, XGLUE имеет два основных отличия. Во-первых, он включает межъязыковые задачи понимания и межъязыковые задачи порождения текстов одновременно — эти два типа задач формируют два отдельных рейтинга систем. Во-вторых, помимо пяти существующих межъязыковых задач (таких как поиск причинно-следственных связей), XGLUE также использует шесть новых задач из материалов поисковика Bing, включая классификацию новостей (NC), сопоставление запросов и объявлений (QADSM), ранжирование веб-страниц (WPR), сопоставление вопросов и ответов (QAM), генерацию вопросов (QG) и генерацию заголовков новостей (NTG). Такое разнообразие языков, задач и источников материала обеспечивает основу для оценки качества предобученных систем.

В XGLUE вовсе не приводится сведений о среднем балле человека в решении задач. Вопрос корректной оценки человеческого уровня в таком случае остается открытым, так как найти людей, способных решить задачи на равных условиях с компьютером, практически невозможно, и такой замер в любом случае не отражал бы «средний уровень» человека. Лучшая участвующая система, Filter [Fang et al. 2020], основана на языковой модели encoder-decoder с перестановками. Во время обучения распределению слов модели подаются как оригинальные «правильные» примеры, так и примеры с пометкой «неправильные», подвергшиеся случайным перестановкам слов; модель должна научиться отличать правильные от неправильных, получив отрицательный языковой материал. Система Unicoder [Huang et al. 2019], лидирующая в рейтинге генерации текста, представляет собой архитектуру encoder (без decoder), которая проходит по большому многоязычному корпусу с разметкой и учится решать задачу классификации и ответов на вопросы с фиксированным набором навыков.

Таблица 6

Уровень решения бенчмарка XGLUE
Задачи на понимание

Место	Модель	Среднее	NER	POS	NC	MLQA	XNLI	PAWS-X	QADSM	WPR	QAM
1	FILTER	80.1	82.6	81.6	83.5	76.2	83.9	93.8	71.4	74.7	73.4
2	Unicoder Baseline	76.1	79.7	79.6	83.5	66.0	75.3	90.1	68.4	73.9	68.9

Задачи на порождение текста

Место	Модель	Среднее	QG	NTG
1	Unicoder Baseline	10.7	10.6	10.7
2	MP-Tune	8.7	8.1	9.4

2.3. Открытые вопросы

Уровень систем, участвующих в описанных языковых тестах и соревнованиях, безусловно, вырос за последние десятилетия. Результаты систем, приведенные в предыдущей главе, приближаются к 100%. Тем не менее, мы пока не наблюдаем появления сильного искусственного интеллекта. В связи с этим фактом перед сообществом стоит ряд открытых вопросов о балансе между экстенсивным и интенсивным развитием систем.

Технически запас экстенсивного увеличения нейросетевых систем подходит к границе доступного: для обучения трансформерных моделей в 2020 г. (как, например, в работе mT5 [Xue et al. 2020]) используется весь доступный материал самого большого интернет-корпуса / поискового индекса — Common Crawl²². Его объем текстов на 107 языках составляет 6,3 триллиона слов и знаков препинания (объем Brown corpus [Kučera, Francis 1967] — одного из первых электронных корпусов — 1,2 миллиона слов). Использующиеся в обучении систем корпуса, содержащие порядка десятков миллиардов и триллионов слов, имеют критически низкое качество материала (содержат дубликаты, спам и технический шум), не снабжены достоверными статистическими сведениями об источниках текстов, их жанровой атрибуции, информации о времени их написания и авторстве, а также часто не имеют стандартов описания и контроля версий (корпуса Oscar [Suárez et al. 2019], 166 языков, и C4 [Raffel et al. 2019], 101 язык).

Рост числа обучаемых параметров моделей также достиг триллионной отметки: система Switch Transformer [Fedus et al. 2021] представляет собой параллельно обучающийся ансамбль меньших моделей, совокупный объем которых превышает 1,6 триллиона параметров (первая нейронная языковая модель [Bengio et al. 2001] — миллионы параметров). Безусловно, стабильно удваивающиеся каждые два года вычислительные мощности процессоров обеспечивают исследовательское сообщество постоянно растущим объемом мощностей для работы с обучением таких больших языковых моделей (enormous language models), однако достигнутый масштаб делает их также и недоступными сообществу, а результаты — невозпроизводимыми.

Долгосрочная фиксация улучшений в работе систем моделирования языка сама по себе может быть названа проблемной из-за постоянной смены тестов.

²² <https://commoncrawl.org/>

Однако с 1960-х гг. используется техническая метрика качества языкового моделирования — перплексия²³. Перплексия (perplexity) — мера «удивления», определяющая, насколько хорошо модель предсказывает вариативность на тестовом корпусе. Чем меньше «удивление» на новых для модели текстах, тем лучше ее способность описывать вариативность. Для измерения перплексии используются фиксированные наборы текстов, в частности корпуса Penn Treebank [Marcus et al. 1994], WikiText-103 [Dauphin et al. 2017] и некоторые другие. На примере корпуса Penn Treebank заметен исторический прогресс в моделировании языка. Так, простая статистическая модель (smoothed 5-gram model, [Chen 1996]) достигает перплексии 141,2, тогда как рекуррентная нейросеть (LSTM, [Sutskever et al. 2014]) уже имеет меньшую перплексию, всего 82,7, а предобученная трансформерная модель Generative Pretrained Transformer-3 (GPT-3, [Brown et al. 2020]) «удивлена» тестом совсем мало — на результат 20,5.

Стоит отметить также, что общий рост ИИ-систем актуализирует проблему более строгой стандартизации обучающих корпусов. Поставленная корпусной лингвистикой проблема репрезентативности корпуса [Biber 1993] становится актуальной для оценки обучающих данных: вариативности и достаточности информации в корпусе, объема эксплицитно включенных энциклопедических материалов, необходимого объема диалогов, текстов различных жанров, источников, времени написания и т. д.

3. Заключение

Тестирование интеллектуальных систем на основании текстовых задач является распространенным способом в методологии оценки ИИ-систем и развивается с 1960-х гг., однако достояние лингвистики стало использоваться в формировании таких тестов сравнительно недавно — с появлением GLUE-методологии (2018 г.).

Бенчмарк-подход к оценке интеллектуальных систем на сегодняшний момент является доминирующим; он позволяет объединять оценки различных интеллектуальных способностей одной кумулятивной метрикой общего интеллекта. Интеллектуальные тесты, сформулированные в виде текстов, составляют основной метод оценки, позволяя формулировать самые разные типы заданий и сопоставлять уровень систем с человеческим интеллектом.

Методы бенчмаркинга активно применяются к множеству языков и сформировали направление оценки многоязычных систем. Системы сравниваются в том числе по способности переносить знания и навыки с одного языка на другой.

Текущие оценки ИИ-систем показывают, что для достижения человеческого уровня бывает достаточно увеличения обучающего корпуса и числа параметров нейросети. Составление новых бенчмарков вводит нас в междисциплинарную, пограничную зону между моделированием языка и моделированием интеллекта. Отделимость оценки одного от оценки другого возможна с формулированием новых типов текстовых бенчмарков, с контролируемым набором лингвистических свойств и условий решения.

За любым бенчмарком для машин пока еще стоит соревнование людей — лингвистов, программистов, математиков, философов. Ждем ли мы нового бума лингвистических задач — теперь для машин? Вполне вероятно, что именно «олимпиады» и «ЕГЭ» такого нового типа приведут нас к расцвету систем оценки ИИ, в том числе на русском материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Baltrušaitis et al. 2018 — Baltrušaitis T., Ahuja C., Morency L. P. Multimodal machine learning: A survey and taxonomy. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 2018, 41(2): 423–443.

²³ <https://en.wikipedia.org/wiki/Perplexity>

- Bengio et al. 2001 — Bengio Y., Ducharme R., Vincent P. A neural probabilistic language model. *Advances in Neural Information Processing Systems 13 (NIPS 2000)*. Leen T. K., Dietterich T. G., Tresp V. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2001, 893–899.
- Biber 1993 — Biber D. Representativeness in corpus design. *Literary and Linguistic Computing*, 1993, 8(4): 243–257.
- Brown et al. 2020 — Brown T. B., Mann B., Ryder N. et al. *Language models are few-shot learners*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2005.14165>.
- Chen 1996 — Chen S. F. *Building probabilistic models for natural language*. Ph.D. diss., Harvard Univ., 1996. <https://arxiv.org/abs/cmp-lg/9606014>.
- Chollet 2019 — Chollet F. *On the measure of intelligence*. Preprint, 2019. <https://arxiv.org/abs/1911.01547>.
- Clark 2019 — Clark C., Lee K., Chang M. W., Kwiatkowski T., Collins M., Toutanova K. *BoolQ: Exploring the surprising difficulty of natural yes/no questions*. Preprint, 2019. <https://arxiv.org/abs/1905.10044>.
- Dauphin et al. 2017 — Dauphin Y. N., Fan A., Auli M., Grangier D. Language modeling with gated convolutional networks. *Proc. of the 34th International Conf. on Machine Learning (Sydney, 2017)*. Precup D., Teh Y. W. (eds.). = *Proceedings of Machine Learning Research*, 2017, vol. 70: 933–941.
- Fang et al. 2020 — Fang Y., Wang S., Gan Z., Sun S., Liu J. *FILTER: An enhanced fusion method for cross-lingual language understanding*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2009.05166>.
- Fedus et al. 2021 — Fedus W., Zoph B., Shazeer N. Switch transformers: Scaling to trillion parameter models with simple and efficient sparsity. Preprint, 2021. <https://arxiv.org/abs/2101.03961>.
- Fleming, Wallace 1986 — Fleming P. J., Wallace J. J. How not to lie with statistics: The correct way to summarize benchmark results. *Communications of the ACM*, 1986, 29(3): 218–221. <https://doi.org/10.1145/5666.5673>.
- Kučera, Francis 1967 — Kučera H., Francis W. N. *Computational analysis of present-day American English*. Providence (RI): Brown Univ. Press, 1967.
- Frankish, Ramsey (eds.) 2014 — Frankish K., Ramsey W. M. (eds.). *The Cambridge handbook of artificial intelligence*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014.
- Glushkova et al. 2020 — Glushkova T., Machnev A., Fenogenova A., Shavrina T., Artemova E., Ignatov D. I. *DaNetQA: a yes/no Question Answering Dataset for the Russian Language*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2010.02605>.
- He et al. 2020 — He P., Liu X., Gao J., Chen W. *DeBERTa: Decoding-enhanced BERT with disentangled attention*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2006.03654>.
- Hu et al. 2020 — Hu J., Ruder S., Siddhant A., Neubig G., Firat O., Johnson M. XTREME: A massively multi-lingual multi-task benchmark for evaluating cross-lingual generalisation. *Proc. of the 37th International Conf. on Machine Learning (ICML)*. Daumé H. III, Singh A. (eds.). = *Proceedings of Machine Learning Research*, 2020, vol. 119: 4411–4421.
- Huang et al. 2019 — Huang H., Liang Y., Duan N., Gong M., Shou L., Jiang D., Zhou M. *Unicoder: A universal language encoder by pre-training with multiple cross-lingual tasks*. Preprint, 2019. <https://arxiv.org/abs/1909.00964>.
- Lan et al. 2019 — Lan Z., Chen M., Goodman S., Gimpel K., Sharma P., Soricut R. *ALBERT: A lite BERT for self-supervised learning of language representations*. Preprint, 2019. <https://arxiv.org/abs/1909.11942>.
- Le et al. 2019 — Le H., Vial L., Frej J. et al. *FlauBERT: Unsupervised language model pre-training for French*. Preprint, 2019. <https://arxiv.org/abs/1912.05372> 2019.
- Levesque et al. 2012 — Levesque H., Davis E., Morgenstern L. The Winograd Schema Challenge. *13th International Conf. on the Principles of Knowledge Representation and Reasoning*. Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc. AAAI Press, 2012, 552–561.
- Liang et al. 2020 — Liang Y., Duan N., Gong Y. et al. *XGLUE: A new benchmark dataset for cross-lingual pre-training, understanding and generation*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2004.01401>.
- Luger, Stubblefield 2004 — Luger G., Stubblefield W. *Artificial intelligence: Structures and strategies for complex problem solving*. 5th edn. San Francisco: Benjamin Cummings, 2004.
- Luo et al. 2020 — Luo F., Wang W., Liu J., Liu Y., Bi B., Huang S., Huang F., Si L. *VECO: Variable encoder-decoder pre-training for cross-lingual understanding and generation*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2010.16046v1>.
- Manning 2011 — Manning C. D. Part-of-speech tagging from 97% to 100%: Is it time for some linguistics? *CI-CLing 2011: International Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics*. Gelbukh A. F. (ed.). Dordrecht: Springer, 2011, 171–189.
- Marcus et al. 1994 — Marcus M., Kim G., Marcinkiewicz M. A. et al. The Penn Treebank: Annotating predicate argument structure. *Human language technology: Proc. of a Workshop held at Plainsboro, New Jersey, March 8–11, 1994*. San Francisco: Morgan Kaufmann Publ., 1994, 114–119.

- McCorduck 2004 — McCorduck P. *Machines who think*. 2nd edn. Natick (MA): A. K. Peters Ltd., 2004.
- McKinstry 1997 — McKinstry C. Minimum Intelligent Signal Test: An alternative Turing Test”, *Canadian Artificial Intelligence*, 1997, 41: pp. 35–47.
- Nilsson 1998 — Nilsson N. *Artificial intelligence: A new synthesis*. San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers, 1998.
- Ouyang et al. 2020 — Ouyang X., Wang S., Pang C., Sun Y., Tian H., Wu H., Wang H. *ERNIE-M: Enhanced multilingual representation by aligning cross-lingual semantics with monolingual corpora*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2012.15674>.
- Panchenko et al. 2018 — Panchenko A., Loukachevitch N., Ustalov D., Paperno D., Meyer C., Konstantinova N. *RUSSE: The first workshop on Russian semantic similarity*. Preprint, 2018. <https://arxiv.org/abs/1803.05820>.
- Pasternack 2011 — Pasternack A. (18 April 2011). “A MacBook May Have Given Roger Ebert His Voice But An iPod Saved His Life” [video]. Archived from the original on 6 September 2011. Retrieved 12 September 2011. <https://www.vice.com/en/article/4xxa7j/a-macbook-gave-roger-ebert-his-voice-an-ipod-saved-his-life>.
- Poole et al. 1998 — Poole D., Mackworth A., Goebel R. *Computational intelligence: A logical approach*. New York: Oxford Univ. Press, 1998.
- Raffel et al. 2019 — Raffel C., Shazeer N., Roberts A. et al. *Exploring the limits of transfer learning with a unified text-to-text transformer*. Preprint, 2019. <https://arxiv.org/abs/1910.10683>.
- Rajpurkar et al. 2016 — Rajpurkar P., Zhang J., Lopyrev K., Liang P. *SQuAD: 100,000+ questions for machine comprehension of text*. Preprint, 2016. <https://arxiv.org/abs/1606.05250>.
- Russell, Norvig 2003 — Russell S. J., Norvig P. *Artificial intelligence: A modern approach*. 2nd edn. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 2003.
- Rybak et al. 2020 — Rybak P., Mroczkowski R., Tracz J., Gawlik I. *KLEJ: Comprehensive benchmark for Polish language understanding*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2005.00630>.
- Searle 1980 — Searle J. Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*, 1980, 3(3): 417–424. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756>.
- Shavrina, Shapovalova 2017 — Shavrina T., Shapovalova O. To the methodology of corpus construction for machine learning: “Taiga” syntax tree corpus and parser. *Proc. of “CORPORA-2017” International Conf.* Zakharov V., Belyaeva L. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2017, 78–84.
- Shavrina et al. 2020a — Shavrina T., Emelyanov A., Fenogenova A. et al. Humans keep it one hundred: An overview of AI journey. *Proc. of the 12th Language Resources and Evaluation Conf.* (Marseille, 2020). Calzolari N. et al. (eds.). European Language Resources Association (ELRA), 2020, 2276–2284.
- Shavrina et al. 2020b — Shavrina T., Fenogenova A., Emelyanov A. et al. *RussianSuperGLUE: A Russian language understanding evaluation benchmark*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2010.15925>.
- Suárez et al. 2019 — Suárez P. J. O., Sagot B., Romary L. Asynchronous pipeline for processing huge corpora on medium to low resource infrastructures. *7th Workshop on the Challenges in the Management of Large Corpora (CMC-7)*. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache, 2019.
- Sutskever et al. 2014 — Sutskever I., Vinyals O., Le Q. V. *Sequence to sequence learning with neural networks*. Preprint, 2014. <https://arxiv.org/abs/1409.3215>.
- Turing 1950 — Turing A. Computing machinery and intelligence. *Mind*, 1950, vol. LIX, No. 236: 433–460.
- Wang et al. 2018 — Wang A., Singh A., Michael J., Hill F., Levy O., Bowman S. R. *GLUE: A multi-task benchmark and analysis platform for natural language understanding*. Preprint, 2018. <https://arxiv.org/abs/1804.07461>.
- Wang et al. 2019 — Wang A., Pruksachatkun Y., Nangia N., Singh A., Michael J., Hill F., Levy O., Bowman S. R. *SuperGLUE: A stickier benchmark for general-purpose language understanding systems*. Preprint, 2019. <https://arxiv.org/abs/1905.00537>.
- Winograd 1972 — Winograd T. Understanding natural language. *Cognitive Psychology*, 1972, 3(1): 1–191. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(72\)90002-3](https://doi.org/10.1016/0010-0285(72)90002-3).
- Xu et al. 2020 — Xu L., Hu H., Zhang X. et al. *CLUE: A Chinese language understanding evaluation benchmark*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2004.05986>.
- Xue et al. 2020 — Xue L., Constant N., Roberts A., Kale M., Al-Rfou R., Siddhant A., Barua A., Raffel C. *mT5: A massively multilingual pre-trained text-to-text transformer*. Preprint, 2020. <https://arxiv.org/abs/2010.11934>.
- Zhang et al. 2018 — Zhang S., Liu X., Liu J., Gao J., Duh K., Van Durme B. *ReCoRD: Bridging the gap between human and machine commonsense reading comprehension*. Preprint, 2018. <https://arxiv.org/abs/1810.12885>.

[Рец. на: / Review of:] F. Zúñiga, S. Kittilä. *Grammatical voice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. xviii + 292 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) ISBN 978-1-107-15924-2.

Дарья Олеговна Жорник

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; daria.zhornik@yandex.ru

Благодарности: Работа над рецензией поддержана грантом РНФ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири» (рук. Д. А. Рыжова, 2019–2021).

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.139-149

Daria O. Zhornik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia; daria.zhornik@yandex.ru

Acknowledgements: The work was supported by the grant of the Russian Scientific Foundation (No. 19-78-10139).

Монография авторства двух известных типологов Сеппо Киттиля (Хельсинкский университет) и Фернандо Суньиги (Бернский университет) представляет собой обзор проблематики грамматической категории залога. Несмотря на небольшой объем рецензируемой книги, залоговые и окологалоговые явления рассмотрены в ней достаточно подробно. Материалом для монографии послужили, как гласит аннотация, данные более чем 200 языков мира. Эта информация в основном взята из грамматик и статей, в которых рассматривается категория залога в отдельных языках, а также из данных английского языка и родных языков авторов (финского и испанского).

Основная задача рецензируемого труда — дать эффективное определение понятию залога в языках мира и определить, какие явления относятся к залоговым или залогоподобным, а какие нет. На пути к выполнению этой задачи авторы обсуждают многочисленные явления, некоторые из которых редко упоминаются в связи с категорией залога. Авторы стремятся предложить такую модель залога, которая была бы, с одной стороны, достаточно широка, чтобы покрыть многочисленные залоговые явления, а с другой стороны — достаточно строга, чтобы проводить осмысленные границы между залоговыми категориями, залогоподобными и теми, которые связаны с залогом, но им не являются. В ходе создания такой модели в рассмотрение включаются категории, которые некоторые исследователи не относят к залого (например, аппликативы), но при этом исключаются другие категории, которые иногда описываются как залоговые (например, немаркированное изменение диатезы).

Монография состоит из девяти глав, библиографии, а также указателя языков и терминов. Содержание глав книги следующее:

- 1) введение;
- 2) деривации, изменяющие семантическую валентность: каузатив, аппликатив и связанные с ними конструкции;
- 3) деривации, изменяющие синтаксическую валентность: пассив, антипассив и связанные с ними конструкции;
- 4) в поисках баланса: агентивно- и пациентивно-ориентированные залого;
- 5) субъект, подвергающийся воздействию: рефлексив, реципрок и медий;
- 6) скрытые диатезы: альтернации без формального кодирования;
- 7) на периферии залога;
- 8) диахронические аспекты залога;
- 9) вновь о теории залога.

Во **введении** излагается задача исследования, которая была описана выше. Сообщается, что основной подход к залогу в данной книге семантический, т. е. основное внимание направлено на изменение или сохранение семантической аргументной структуры, увеличение или уменьшение числа актантов. Синтаксические и морфологические характеристики залоговых конструкций рассматриваются во вторую очередь. Авторы аргументируют такой выбор тем, что многие годы интерес у исследователей вызывал именно синтаксис залоговых конструкций, в связи с чем о вопросах семантики известно на данный момент значительно меньше.

Также во **введении** приведен краткий набор основных терминов и понятий, используемых в работе. К ним относятся понятия валентности, переходности, диатезы, собственно залога. Важно отметить, что авторы не проводят четкого разграничения между валентностью (0, 1, 2, 3) и переходностью (агранзитивные, интранзитивные, транзитивные, бигранзитивные показатели) и отталкиваются в первую очередь от валентности, оперируя понятиями типа одноаргументная, двуаргументная клауза и т. п. Под диатезой ожидаемым образом понимается соотношение семантических (агенса, пациенс, тема и т. п.) и грамматических (субъект, объект и т. п.) ролей. Авторы сообщают, что основной предмет проведенного исследования — диатетические операции, т. е. стратегии изменения диатетической структуры. Приводится перечисление основных механизмов таких изменений — добавление и удаление аргумента (операции над семантической структурой), его продвижение или понижение (операции над синтаксической структурой).

Основное определение, приведенное в данном разделе, — определение грамматического залога. Под грамматическим залогом авторы понимают грамматическую категорию, чьи значения соотносятся с конкретными диатезами, получающими маркирование на предикате, т. е. залог — это способ формального маркирования определенной диатезы на лексическом или вспомогательном глаголе. Таким образом, если диатеза не получает формального маркирования, то это является не залогом, а например, пассивной диатезой. Наиболее редко получает маркирование на глаголе активная диатеза, т. е. про многие языки с такой точки зрения нельзя сказать, что в них есть активный залог. Такое определение фактически воспроизводит идеи Петербургской типологической школы, сформулированные в работах И. А. Мельчука, А. А. Холодовича, В. С. Храковского. Было бы уместно в связи с этим в тексте раздела сослаться на такие работы, как [Мельчук, Холодович 1970; Храковский 1991], см. также более полную библиографию в [Плунгян 2011].

Во **введении** авторы подчеркивают, что их способ моделирования семантической и синтаксической структур упрощенный и довольно абстрактный. Такой путь был выбран, чтобы обеспечить наиболее легкое приложение модели к материалу разных языков, а также чтобы оставаться вне рамок какой-либо конкретной теории. Авторы утверждают, что их подход к синтаксическому моделированию при необходимости легко переводим в вид формальных теорий. В книге используются понятия, обозначающие «базовые» синтаксические роли, такие как субъект, прямой и непрямой объект, комплемент, адъюнкт. Что касается семантического моделирования, авторы отмечают, что на сегодняшний момент нет теории, которая бы обобщила всю известную информацию о семантических ролях, в связи с чем они опираются на материал используемых дескриптивных исследований как на источник информации о семантических ролях в конкретных языках.

Исследуя категорию залога, авторы формулируют понятия залоговых прототипов на основе вычленения общих черт у конструкций в изучаемых языках. Кроме того, они принимают тот факт, что конкретное явление может выражать и залог, и другую грамматическую категорию. Также, обращаясь к диахронии, авторы отмечают, что важна не только итоговая ступень развития залогового прототипа, но и предыдущие шаги. Под понятием прототипа они понимают тот набор черт, который наиболее полно отображает регулярные механизмы поведения данной категории в языках мира и который при этом минимально отклоняется от общепринятого понимания данной категории.

В последнем разделе введения обсуждаются предыдущие исследования категории залога. Можно было бы ожидать более объемный обзор литературы, поскольку залоговая проблематика активно изучалась многими учеными на протяжении последних десятилетий. Однако в данном разделе приводятся лишь краткие обсуждения трех работ: [Klaiman 1991; Givon 2001; Shibatani 2006]. Как мы упоминали выше, было бы уместно в этом фрагменте книги также упомянуть по крайней мере работы И. А. Мельчука, а также Р. Диксона и А. Ю. Айхенвальд, например [Dixon, Aikhenvald 2000].

Разделы глав 2 и 3 устроены одинаковым образом: каждый из них посвящен одному типу залоговой конструкции и разбит на подразделы, описывающие прототипический облик конструкции, непрототипические ее варианты, функции, вариативность и дистрибуцию данного типа залога.

Глава 2 посвящена залоговым преобразованиям, изменяющим валентность предиката: каузативам, антикаузативам, аппликативам, антиаппликативам и близким к ним конструкциям. В начале главы для наглядности приводится таблица с существующими в языках мира типами диатез:

Таблица

Название	Аргументы ¹
I авалентные	—
II пациентивные моновалентные	S _P
III агентивные моновалентные	S _A
IV бивалентные	A P
V тривалентные	A G T

Ожидаемым образом, каузативы превращают глаголы типа III в глаголы типа IV, декаузативы — глаголы типа IV в глаголы типа II, аппликативы — глаголы типа IV в глаголы типа V, глаголы типов II и III в глаголы типа IV. Обратной антиаппликативной деривации в языках мира практически не наблюдается, равно как и операций, которые бы добавляли аргументы к глаголам типа I. Схема вызывает некоторые вопросы, поскольку очевидным образом, помимо каузативов типа III > IV, существуют также каузативы типа IV > V, II > IV. Также существует переход IV > III, называемый в литературе автокаузативами, см., например, [Geniušienė 1987].

Вводятся понятия нуклеативизирующих и денуклеативизирующих операций: к первым относятся те, которые добавляют в семантическую структуру аргумент, являющийся синтаксически ядерным аргументом (субъект, прямой объект); второй тип операций удаляет синтаксически ядерный аргумент из семантической структуры. Мы не находим в этом списке упоминания дериваций, которые добавляют не ядерный объект, а участников, например, с ролью места или инструмента, а также многих других преобразований (см. примечания выше).

В качестве иллюстрации подхода Киттили и Суньиги рассмотрим подробнее раздел про каузативы. Каузатив — наиболее частотная в языках мира повышающая деривация, которая добавляет в ситуацию нового участника, каузатора. Каузативный прототип в книге сформулирован следующим образом:

- а. Синтаксическая валентность каузативной клаузы на одну выше, чем у базовой² клаузы;

¹ S — субъект, A — агенс, P — пациенс, G — цель, T — тема.

² Интересен вопрос о том, всегда ли можно с точностью определить, какая клауза является базовой, а какая — производной, всегда ли наличие, например, каузативного показателя позволяет это понять? Кажется, в книге не высказывается никакого мнения по этому вопросу.

- b. В семантическую аргументную структуру добавляется новый А (каузатор);
- c. Новый А (каузатор) становится субъектом каузативной клаузы, исходный субъект базовой клаузы может быть ядерным аргументом или адьюнктом в каузативной клаузе;
- d. Каузативизация имеет формальное кодирование на предикате.

Непрототипическими в настоящем труде считаются такие каузативы, которые не обладают одной или несколькими из этих характеристик. При этом каузатив, у которого есть дополнительные характеристики сверх указанных выше, может считаться прототипическим. Помимо такого прототипа, авторы вводят в данном разделе и узкий каузативный прототип, описываемый так:

- a. Внешний агент (каузатор) добавляется в базовую клаузу с одним аргументом и моновалентным предикатом в качестве вершины;
- b. Участие агенса в результирующей ситуации характеризуется целеполаганием, волеизъявлением и контролем, событие происходит, только если агент его спровоцировал; агент нацеливает свое воздействие на пациента, стремясь изменить его состояние;
- c. Добавление аргумента приводит к получению переходного события с салиентной причиной (агент) и салиентным эффектом (пациент), агент никак не затронут событием, в то время как пациент глубоко затронут.

Приводится пример того, как можно смоделировать каузативную ситуацию с помощью параметров волеизъявления (*volitionality*, VOL), побуждения (*instigation*, INST), затронутости (*affectedness*, AFF). В каузативной ситуации агент обладает характеристиками +VOL +INST –AFF, в то время как пациент имеет обратный набор характеристик –VOL –INST +AFF. К сожалению, в разделе есть лишь один краткий пример из английского языка, и более развернуто такая модель не обсуждается. Авторы утверждают, что формулирование каузативного прототипа в узком приведенном выше варианте позволяет частично объяснить дистрибуцию каузативов в языках мира: если в языке есть морфологический каузатив, то он должен применяться по крайней мере к этому типу ситуаций. К сожалению, данное утверждение не сопровождается примерами, и не приводится количественных данных о том, во всех ли языках каузативная морфема употребляется в подобных ситуациях.

В подразделе о непрототипических каузативах выделяется три типа конструкций: скрытые каузативы, транзитивизация, не затрагивающая валентность, и детранзитивизирующая каузативизация. На скрытую каузативизацию приводятся примеры из двух языков, причем о второй группе примеров (из финского языка) говорится, что представленные в них преобразования не являются собственно скрытой каузативизацией. В первом же примере не приводится «исходной» конструкции, и не удается понять, как именно каузативизация в данном случае меняет структуру клаузы. Единственное, что ясно из этого фрагмента текста, это определение скрытой каузативизации — у предиката, подвергнутого такой каузативизации, больше семантических аргументов, чем у исходной клаузы, но столько же синтаксических аргументов.

Ко второму типу непрототипических каузативов авторы относят транзитивизацию, не затрагивающую валентность: количество семантических и синтаксических аргументов у предиката остается таким же, но присутствует глагольное маркирование, связанное с некоторым повышением переходности. Так, в приведенном в данном фрагменте примере из годоберинского языка клаузы формально различаются только транзитивным показателем на глаголе и семантикой целеполагания. У подобной деривации в других языках встречаются и другие семантические эффекты, например референтность ситуации или интенсивность действия. Несколько настораживает пример из марийского языка, в котором авторы приводят омонимичные суффиксы *-alt*, один из которых является каузативным, а другой — пунктивным. Насколько можно судить по информации в данном фрагменте текста, авторы считают пунктивную интерпретацию

расширением каузативной, однако в уральских языках часто из одних и тех же источников образуются отдельно аспектуальные и каузативные суффиксы, и вполне может быть, что это все же омонимичные показатели, не пересекающиеся друг с другом. В целом в этом фрагменте недостаточно аргументации того, почему приведенные здесь показатели можно считать каузативными, часто формулировки вида «суффикс, в других контекстах функционирующий как каузативный» не сопровождаются примерами на каузативное значение.

Интересен следующий тип непрототипических каузативов — детранзитивизирующие каузативы. Среди них можно выделить две группы — понижающие число аргументов или сохраняющие его. В отличие от предыдущего типа, в примерах здесь мы наблюдаем потерю контроля исходного агенса над ситуацией. Важным представляется вопрос о том, насколько стоит считать значениями одной морфемы каузативизацию и детранзитивизацию в данном случае и где проходит граница между полисемией и омонимией, однако в данном разделе эта проблема не поднимается. Также в разделе не хватает сравнения примеров с использованием одних и тех же морфем в каузативной и детранзитивизирующей функциях. Кроме приведенных здесь значений каузативных морфем, известна также каузативно-пассивная полисемия (см. хотя бы работы [Nedjalkov 1993; Washio 1993; Erdal 1996; Plungian 1993; Luytikova, Bonch-Osmolovskaya 2006]), распространенная, например, в тунгусо-манчжурских, самодийских, тюркских и других языках.

В связи с непрототипическими каузативами важно также упомянуть работы С. Г. Татевосова, см., например, [Татевосов 2018], о случаях формальной двойной каузативизации, не сопровождающейся добавлением второго каузативного события.

В завершении раздела про каузативы обсуждается их варьирование и дистрибуция. К морфологическим типам каузативов относятся лексические, морфологические и синтаксические. Одним из мест варьирования является маркирование каузируемого участника — как правило, оно осуществляется с помощью тех же морфологических средств, которыми маркируются другие объекты или адъюнкты. Редкий пример специального маркирования каузируемого участника — нивхский показатель *-ax*. Несколько усложняет восприятие то, что авторы иногда не дублируют пример на текущей странице, а отсылают читателя на одну из прошедших или следующих страниц (например, отсылки на с. 30 к примерам на с. 17 и с. 32). Было бы удобнее читать текст, если бы нужный пример приводился после относящегося к нему утверждения.

Что касается синтаксического варьирования каузативов, основным параметром является то, нужна ли понижающая деривация перед каузативизацией, чтобы встроить в конструкцию все нужные аргументы, или же такая деривация не нужна, но встроить все аргументы в таком случае невозможно.

Основным типом варьирования каузативов, по мнению авторов, является семантическая валентность исходного предиката и особенности событийной структуры исходного и каузативизованного событий. Достаточно часто предикаты с разной семантической (и синтаксической) валентностью подвергаются каузативизации с помощью различных средств, например, с помощью одного морфологического показателя в случае одно- и двувалентных глаголов, и с помощью другого — для трехвалентных. Также приводятся примеры различного маркирования участников в случае каузативизации двух- и трехвалентных глаголов. Показатели или маркирование участников могут отличаться и в случае противопоставления в языке прямой и непрямой каузации.

Прочие разделы глав 2 (антикаузативы, аппликативы, антиаппликативы) и 3 (пассивы, антипассивы) имеют такую же структуру, как и подробно описанный нами раздел про каузативы. Мы не будем пересказывать остальные разделы с такой же подробностью, лишь отметим некоторые важные положения.

На с. 42 в разделе про антикаузативы сообщается, что отличие антикаузатива от активной диатезы заключается в том, что агенс не салиентен и не обладает целеполаганием. Однако, насколько нам известно, при антикаузативизации агенс полностью удаляется

из структуры события. В таком случае кажется некорректным приведенное выше сопоставление актива и антикаузатива.

В разделе, посвященном аппликативным деривациям, так же обсуждается понятие антиаппликативного прототипа, функции и варьирование аппликативов. Приводятся интересные данные языков, где, например, для каждой семантической роли (бенефактив, инструменталис, локатив) существует свой аппликативизирующий показатель.

Следующий тип деривации, по словам автора, встречается крайне редко. Иногда термин «антиаппликатив» понимают как синоним к антипассиву или антикаузативу, но в данном случае имеется в виду другой тип операции. Согласно [Haspelmath, Müller-Bardey 2004], антиаппликативы могут называться деривации, которые не удаляют пациенса из семантической структуры, но удаляют его поверхностно.

Интересный тип конструкции вводится в конце главы 2 под названием *subject undergoer nucleatives*. С помощью таких дериваций в ситуацию добавляется неагентивный участник, который затем продвигается в позицию подлежащего. К таким конструкциям авторы относят, например, японский адверсативный пассив с продвижением в позицию подлежащего участника с ролью малефактива. Помимо пассивной морфологии, для таких операций могут использоваться и антиаппликативные показатели (в книге приводятся подобные примеры из языка юпик).

В тексте главы 2 различные деривации часто сравниваются по некоторым параметрам, например, контролируемость и волиитивность агенса. Было бы удобно вынести это сопоставление в отдельную таблицу в конце главы, чтобы обобщить всю релевантную информацию в одном месте.

Глава 3 начинается с раздела о пассивном залоге. Вопрос пассивного прототипа в этом разделе затрагивается крайне кратко, хотя это очень широко обсуждавшаяся тема, см. по крайней мере [Shibatani 1985] и многие последующие работы. В тексте раздела фигурируют формулировки типа «прототипический неподвигающий пассив», но характеристики такого прототипа не указаны, и не объяснено, почему неподвигающий пассив считается пассивом, а не псевдопассивом.

Также не поднимается важный в обсуждении пассивного залога вопрос о том, всегда ли выделяема соответствующая активная диатеза. Как правило, по умолчанию базовой считается неактивная конструкция, а пассивная — производной от нее. Интересно было бы узнать мнение авторов рецензируемой монографии о том, так ли однозначно определение базовой и производной конструкций в случае залоговых преобразований.

На с. 90–91 обсуждается распространенный вопрос о том, что является основной функцией пассивного залога — подавление агенса или продвижение пациенса. Ранее авторы пишут, что основная функция — это продвижение пациенса, но при этом неподвигающие пассивы они не относят к псевдопассивным конструкциям. Итоговый вывод о том, можно ли считать какую-то из этих функций основной, остается нам неясным. На наш взгляд, основной функцией можно считать подавление агенса, поскольку эта операция обязательна в любых пассивных конструкциях, а продвижение пациенса происходит не во всех типах пассивных конструкций.

Во фрагменте, посвященном семантическому варьированию пассивов, приводятся некоторые примеры на потенциальный пассив (*Дверь легко открывается* и т. п.), однако не упомянуто, что изредка при пассивном залоге может развиваться и более сильный модальный компонент, как, например, в мордовских языках [Salo 2006; Стенин 2018]. В мордовских языках присоединение пассивного показателя сопровождается семантикой динамической модальности, и в некоторых маргинальных случаях может даже не происходить изменения диатезы.

Также в этом фрагменте упоминается адверсативный пассив, который выше обсуждался в разделе 2.5. Становится неясно, относят ли его авторы (под ярлыком *malefactive undergoer nucleative*) к залоговому преобразованию, изменяющему семантическую валентность, или считают его вариантом пассивного залога, т. е. деривации, изменяющей синтаксическую валентность.

Поскольку в разделе обсуждались различные непрототипические пассивные конструкции, неясно, о каких именно пассивах идет речь в подразделе о дистрибуции пассивов. Хотелось бы больше четкости в описании дистрибуции прототипических и непрототипических пассивных конструкций.

Следующий раздел главы 3 посвящен антипассивным конструкциям. В начале раздела для антипассива выделяется два прототипа: в первом из них происходит продвижение А-участника, во втором А-участник уже продвинут. Обсуждаются условия выбора антипассивного залога: антипассив могут делать предпочтительным или даже обязательным некоторые аспектуальные и модальные характеристики. Иногда для выбора залога важна затронутость, приводятся примеры ситуаций, где выбирается антипассив при низкой затронутости Р-участника. С дискурсивной точки зрения Р-участник опускается, если он неопределенный или не важен в данном контексте. К сожалению, такие формулировки в этом разделе иногда излишне расплывчаты и не сопровождаются убедительными примерами.

В конце главы 3 отмечается, что в языках мира, как кажется, не существует деривации, которая подавляла бы и А и Р-участника, также крайне редки примеры антипассивизации пассивной конструкции.

Глава 4 монографии посвящена «симметричному» залогу, к которому относят агентивно- и пациентивно-ориентированный залог. В главах 2 и 3 не разбирались подробно залоговые системы конкретных языков, примеры были представлены в небольшом объеме. В текущей главе значительно более основательно рассмотрены явления из языков австронезийской семьи, а также из некоторых языков Южной и Северной Америки. По своей структуре глава 4 значительно отличается от предыдущих. Если в предыдущих главах была четкая структура (прототип, отклонения от него, варьирование, дистрибуция), то этот раздел сформирован по географическим регионам. Такое решение отчасти оправданно, ведь в теме симметричного залога особенно интересны ареальные различия, однако отклонение от структуры предыдущих глав несколько усложняет общее восприятие этого раздела. Хотелось бы по крайней мере увидеть в начале четвертой главы определение и характеристики рассматриваемых залоговых явлений (как это было сделано в предыдущих главах). При текущей конфигурации определений агентивно- и пациентивно-ориентированного залога мы, как кажется, не находим.

Впрочем, по содержанию глава 4 очень увлекательна — приводится подробное обсуждение существующей литературы по теме раздела, сопоставляются различные подходы к анализу упоминаемых явлений. Более глубокое погружение в языковой материал способствует лучшему пониманию функционирования «симметричного» залога в приведенных языках. В этой главе рассматриваются различные подходы к анализу залоговых конструкций в австронезийских языках, приводятся четыре типа австронезийских языков в зависимости от устройства в них системы залога. Подробно обсуждается материал языков тагалог и индонезийского. Залог в языке тагалог трактуется некоторыми исследователями как симметричный, некоторыми — как асимметричный. В языке представлен активный залог и несколько залогов, продвигающих неагентивного участника. Ставится вопрос о том, являются ли эти залогии производными от активного или нет. Отмечается, что единоголосия по поводу анализа этого явления среди исследователей нет.

Второй и не менее важный вопрос о функционировании залоговых систем в приведенных языках — факторы, определяющие выбор залога. К ним авторы ожидаемым образом относят топикальность, одушевленность, затронутость. Стоит отметить, что в книге авторы считают такие понятия, как затронутость, очевидными и не дают более полной трактовки того, что имеется в виду под этими терминами. Что касается затронутости, можно обратиться по крайней мере к определениям из [Beavers 2010], где выделяется четыре степени затронутости.

Помимо этих факторов, оказавшихся важными в австронезийских языках, релевантными для языков Южной и Северной Америки являются обвиативность / проксимативность и лицо А и Р-участников. Интересно, что в некоторых языках предпочтительны

обвиативные прямые дополнения и проксимативные подлежащие, а в некоторых — наоборот. Приводятся крайне экзотичные данные, например, из языка мовима, где в залоговой системе присутствуют инверсивный залог, пассив, антипассив, каузатив и несколько аппликативов. В этих разделах используется понятие инверсивного залога, однако четкого определения этой категории, опять же, не дается.

В выводах к главе 4 подчеркивается, что австронезийские и неавстронезийские системы действительно отличаются в отношении залоговых категорий. В языках, не относящихся к австронезийской языковой семье, залоговые категории, продвигающие в позицию подлежащего не агенса и не пациенса, встречаются редко и не входят в ту же парадигму, что агентивно- и пациентивно-ориентированные залоговые категории. Хотелось бы увидеть более содержательное обобщение этой сложной и объемной по своему материалу главы.

Глава 5 посвящена в основном вопросу о том, что такое «медий». В начале главы сразу предлагается отказаться от термина «медийный залог», поскольку с ним связано слишком много противоречий. Во всей главе происходит подробный обзор работ, посвященных исследованию феноменов, попадавших под название медия, рефлексивов и реципроков. Приводятся разные точки зрения на такие категории: некоторые исследователи приравнивают рефлексив к прочим залоговым категориям, а реципрок нет (И. А. Мельчук); другие считают, что и рефлексив, и реципрок это категории другого рода, чем, например, пассив (М. Клайман, Т. Гивон); некоторые предлагают не интегрировать их в систему залоговых категорий (М. Хаспельмат; заметим, что такая же точка зрения высказывается и в [Плунгян 2011]).

После вводной части в главе 5 следуют разделы, посвященные рефлексивам и реципрокам. Здесь авторы возвращаются к структуре изложения, представленной в главах 2 и 3, — обсуждаются прототипы этих дериваций и их варьирование. Согласно авторам, и у рефлексива, и у реципрока есть два прототипа — в первом для выражения рефлексивности / реципрокальности используется агентивно- или пациентивно-ориентированный залог в сочетании, например, с особым местоимением; во втором случае используется «дуплексный» (термин вводится авторами) залог. Рефлексив при этом определяется как диатеза, при которой один референт соответствует А и Р-участникам, а реципрок — как такая, при которой несколько референтов соответствуют одновременно А и Р-участникам. Если эти диатетические изменения маркированы на глаголе, то это рефлексивный / реципрокальный (дуплексный) залог.

В разделе, посвященном медию, авторы сравнивают точки зрения различных исследователей на круг явлений, попадающих под этот термин, чтобы четко их терминологически разграничить. Типичным определением медиа они считают конструкции, в которых отсутствует прототипический субъект. Под «медийным залогом» понимается форма глагола, занимающая промежуточное положение между активной и пассивной, то есть подлежащее такой формы похоже на подлежащее в активной конструкции тем, что совершает действие, и на подлежащее пассивной тем, что подвергается воздействию. В итоге авторы предлагают использовать термин «медийное склонение» для соответствующих явлений в классических языках (санскрите, греческом, латыни), термин «медийный кластер» для синкретичных явлений, когда одна морфема может выражать несколько различных залоговых категорий. Термин «медийный залог», как мы упоминали выше, авторы предлагают не использовать. В конце главы 5 авторы пытаются определить термин «медийный маркер» на примерах из языков халкомелем и пилага, однако итогового определения в этом разделе не приводится. Обсуждаются некоторые примеры, но вывода из данной информации не делается.

В **главах 6 и 7** рассматриваются явления, не относящиеся к собственно залоговым, а находящиеся на периферии залоговых категорий. В главе 6 авторы рассматривают изменения диатезы, не сопровождающиеся формальным маркированием на глаголе и называют их залогоподобными (voice-like). Положительной стороной монографии можно считать то, что авторы определяют понятие залога достаточно узко, но при этом не отмечают связанные с диатетическими преобразованиями явления. Четко оговаривается, когда используются

термины диатеза, залог и альтернатива. Под последним термином в монографии понимают как раз диатетическое изменение без формального маркирования на глаголе. Авторы считают это явление относящимся к немаркированным диатетическим альтернативам, если происходит изменение в числе или синтаксическом статусе аргументов. Такие явления авторы также называют термином *voice-like*, т. е. залогоподобные.

В главе приводятся такие виды немаркированных диатетических альтернатив, как каузативная, бенефактивная, альтернатива с внешним посессором, локативная, пассивная, антипассивная, дативная, рефлексивная и реципрокальная. При рассуждении о немаркированных изменениях диатезы возникает вопрос о том, что все же можно считать маркированием в данном случае, а что нельзя. Авторы приводят пример из индонезийского языка (с. 194), где «агентная» и «пациентная» диатезы действительно не отличаются каким-либо глагольным маркированием, но при этом порядок слов в конструкциях совершенно разный. Интересно, нельзя ли считать изменение порядка слов (в случае его обязательности) типом формального маркирования диатетического изменения.

В заключении главы авторы обсуждают возможную релевантность параметров «ожидаемости» и «естественности». К сожалению, они не раскрывают эти понятия и не дают им определений, в связи с чем данный фрагмент текста воспринимается крайне абстрактно, хотя интуитивно отчасти понятно, что имеется в виду. Высказывается интересная мысль, что (анти)пассивные залоговые конструкции, в отличие от (анти)пассивных альтернатив, могут использоваться, чтобы подчеркнуть неожиданность семантической роли продвигаемого участника.

Глава 7 посвящена явлениям, еще дальше отстоящим от понятия залога и определяемым авторами уже не как залогоподобные, а как связанные с залогом (*voice-related*). В этой главе обсуждаются ситуации, при которых отсутствуют морфологическое маркирование на глаголе и синтаксические изменения в клаузе, но которые связаны с аргументной структурой. В четырех подразделах рассматриваются, например, конструкции с разным порядком слов в зависимости от информационной структуры высказывания, именная инкорпорация и «полупереходные» конструкции (*transitivity discord constructions*), сочетающие в себе характеристики одно- и дваргументных клауз. Среди таких конструкций авторы выделяют несколько типов, из которых одни относятся к залоговым, другие — к залогоподобным категориям, третьи — к явлениям, связанным с залогом.

В **главе 8** авторы обсуждают диахроническое развитие залоговых категорий. Такая информация очень ценна, хоть во многом и повторяет исследование [Haspelmath 1990], поскольку работ о диахронии залога относительно немного. Глава поделена на две части, в первой из которых перечислены источники разных залоговых категорий (каузативов, аппликативов, пассивов, антипассивов, рефлексивов, реципроков, антикаузативов), а во второй — кластеры синкретизма. Глава не отличается подробностью, но информация изложена четко, и основные известные пути развития залоговых категорий здесь отражены. В главе, как и в статье [Haspelmath 1990], пассив всегда рассматривается как конечная точка диахронического пути, однако, на наш взгляд, существует возможность развития самого пассива в сторону других категорий, см., например, мордовский модальный пассив [Стенин 2018], который уже упоминался нами выше.

В **заключительной главе** книги приводится краткое обобщение предложенной в книге теории залоговых прототипов. Основным обобщением представляются схемы диатетических изменений на с. 250 и 251.

Таким образом, книга может послужить хорошим пособием для погружения в тему грамматического залога, а также использоваться для дальнейшего углубления знаний с помощью исчерпывающего списка литературы. В начале монографии приводилось крайне мало ссылок на литературу, однако в последующих частях книги этот недостаток был исправлен, и итоговый список литературы достаточно внушителен. С другой стороны, при упоминании различных исследований авторы часто используют понятие “*mainstream studies*”, и нам не всегда было понятно, что именно под этим наименованием имеется в виду.

Помимо списка литературы, представлены удобные перечни языков, авторов и терминов. Ко всем языковым примерам в тексте работы, помимо материала английского и родных языков авторов, приводятся источники. Единственный найденный нами пример, источник которого отсутствует, — пример (141) на с. 84 из языка мапуче.

Авторы приводят в тексте много собственных терминов, удобно, что вся терминология в тексте выделяется малыми прописными буквами. Впрочем, на протяжении текста книги бросается в глаза одна терминологическая непоследовательность: авторы многократно подчеркивают, что под залогом они понимают маркирование изменения диатезы на глаголе, но при этом периодически встречаются употребления типа «некаузативный залог», «неанкаузативный залог», хотя такие «залогии» не обладают никаким специальным маркированием.

Большим достоинством книги является то, что помимо прототипических случаев авторы рассматривают и явления, отстоящие от залогового прототипа. Благодаря этому охват материала в сборнике очень широк, несмотря на небольшой объем рецензируемого труда. Мало внимания было уделено информационной структуре в связи с залогом, хотя обычно это важная область при обсуждении, например, пассивов. Также в книге практически не рассматривается дополнительная семантика залоговых показателей, например, развитие модальных значений у пассивных конструкций. Несмотря на ряд спорных мест (неизбежных, по-видимому, в книге такого рода), следует высоко оценить данную монографию и безусловно рекомендовать ее как профессиональным типологам, так и в особенности начинающим лингвистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Мельчук, Холодович 1970 — Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залогов. *Народы Азии и Африки*, 1970, 4: 111–124. [Meščuk I. A., Kholodovich A. A. Toward a theory of grammatical voice. *Narody Azii i Afriki*, 1970, 4: 111–124.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Стенин 2018 — Стенин И. А. Пассив. *Элементы моксианского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 490–545. [Stenin I. A. Passive. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 490–545.]
- Татевосов 2018 — Татевосов С. Г. Заметки о фальшивой каузативизации. *Вопросы языкознания*, 2018, 1: 7–44. [Tatevosov S. G. Notes on fake causativization. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 1: 7–44.]
- Храковский 1991 — Храковский В. С. Пассивные конструкции. Формально-семантическая классификация пассивных глагольных форм. *Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость*. Бондарко А. В. (ред.). СПб.: Наука, 1991, 141–180. [Xrakovskij V. S. Passive constructions. Formal-semantic classification of passive verbal forms. *Teoriya funkcional'noi grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991, 141–180.]
- Beavers 2010 — Beavers J. On affectedness. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2010, 29: 335–370.
- Dixon, Aikhenvald 2000 — Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: Case studies in transitivity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Erdal 1996 — Erdal M. On applying 'causative' to 'passive', mainly in Turkish. *Symbolae Turcologicae. Studies in honour of Lars Johanson (= Swedish Research Institute in Istanbul. Transactions, Vol. 6)*. Berta A., Brendemoen B., Schönic G. (eds.). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1996, 77–95.
- Geniušienė 1987 — Geniušienė E. *The typology of reflexives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Givón 2001 — Givón T. *Syntax: An Introduction. Vol. II*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2001.
- Haspelmath 1990 — Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology. *Studies in Language*, 1990, 14(1): 25–72.

- Haspelmath, Müller-Bardey 2004 — Haspelmath M., Müller-Bardey T. Valency change. *Morphology: A handbook on inflection and word formation*. Vol. 2. Booij G., Lehmann C., Mugdan J. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2004, 1130–1145.
- Klaiman 1991 — Klaiman M. H. *Grammatical voice*. Cambridge studies in linguistics. Vol. 59. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006 — Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya A. A very active passive: Functional similarities between passive and causative in Balkar. *Case, valency and transitivity*. Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006, 393–416.
- Nedjalkov 1993 — Nedjalkov I. Causative-passive polysemy of the Manchu-Tungusic *-bu/-v(u)*. *Linguistica Antverpiensa*, 1993, 27: 193–202.
- Plungian 1993 — Plungian V. Three causatives in Dogon and the overlapping of causative and passive markers. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 391–396.
- Salo 2006 — Salo M. The passive in Erzya Mordvin folklore. *Typological Studies in Language*, 2006, 68: 165–190.
- Shibatani 1985 — Shibatani M. Passives and related constructions: A prototype analysis. *Language*, 1985, 4: 821–848.
- Shibatani 2006 — Shibatani M. On the conceptual framework for voice phenomena. *Linguistics: An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences*, 2006, 2: 217–269.
- Washio 1993 — Washio R. When causatives mean passive: A cross-linguistic perspective. *Journal of East Asian Linguistics*, 1993, 1: 45–90.

Получено / received 01.11.2020

Принято / accepted 17.11.2020

[Рец. на / Review of:] **H. van der Hulst. *Asymmetries in vowel harmony: A representational account***. Oxford: Oxford University Press, 2018. xx + 508 p. ISBN: 9780198813576.

László Fejes

Hungarian Research Centre for Linguistics, Budapest, Hungary; fejes@nytud.hu

ORCID 0000-0002-2756-5189

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.150-162

Ласло Фейеш

Венгерский лингвистический исследовательский центр, Будапешт, Венгрия; fejes@nytud.hu

Harry van der Hulst has studied vowel harmony for more than three decades. This monograph is not just a synthesis of his earlier work, but a comprehensive description of different types of vowel harmony based on a general theoretical background. The analysis focuses on asymmetric phenomena, that is, when certain phonemes do not take part in harmony for various reasons. The ambitious monograph has a binary goal: on the one hand, to describe the attested vowel harmony systems in the same theoretical framework; on the other hand, to demonstrate the explanatory power of this framework and its capability to manage a large number of different cases.

The book consists of a preface, a list of abbreviations, two parts, a list of references and two indices (Language index and Subject index). The first part consists of three chapters. The first one is a gentle introduction to the phenomenon of vowel harmony with minimalized analysis. The second chapter is an introduction to Radical CV Phonology (RcvP), a theory proposed by van der Hulst and applied in the book. The third chapter discusses the notion of licensing and its role in the analysis of vowel harmony. The second part contains case studies: there is a chapter on palatal, labial and aperture harmony each, three chapters on tongue root (TR) harmony and one on other cases. It must be noted that the structure of these chapters is somewhat puzzling: the order of the languages discussed is determined by the type of harmony and both by the origin and the geographical spread of the languages exhibiting them. Finno-Ugric languages are treated in the chapter on palatal harmony, although Hungarian and Mari exhibit labial harmony as well. For some reason, Turkic languages are treated in the chapter on labial harmony, although many of them (including Turkish) also exhibit palatal harmony. Two chapters on TR harmony are dedicated to African languages (one of them to the typology of African TR systems and the other to “case studies” — while the part containing the chapter is also named “Case studies”) and one to those spoken in Asia. The tenth chapter discusses “other cases”, with subchapters with geographical (Asian, North American, South American, Australian, Indian — Asian and Indian are not just two different subchapters, but they are the farthest from each other among these subchapters) or genealogic (Austronesian, Arabic) terms as titles, one on laxing harmony in Romance and stress-induced harmony (including Sumerian, without discussing the place of stress in Sumerian). After the summary, the book offers an expansive list of references (of about 700 items), a language index (of about 300 families / languages / dialects) and a subject index.

Although at the beginning the author describes vowel harmony as a “phenomenon [which] involves agreement between all vowels in a word for some phonetic property [...] that correlates with a phonological feature”, the book deals with all kinds of alternations caused in a vowel by another vowel. For example, back vowels in initial syllables of Chamorro words alternate with their front counterparts after the definite article *i* (pp. 438–439). Although in this case, the trigger and the target are separated by a word boundary, and the phenomenon affects only the first vowel of the stem and not the further ones, van der Hulst (following others)

discusses this phenomenon as a case of vowel harmony. Similarly, there are languages in which metaphony (or umlaut) affects only one vowel, even in words with more than two syllables.

Moreover, in most of these cases the trigger and the target occur in syllables next to each other. As a consequence, the concepts of opacity and transparency, playing a crucial role in the introductory chapter, are simply inapplicable. On p. 34, van der Hulst mentions phenomena of trans-laryngeal trans-guttural harmony, at least two of which are realizations of “total harmony”, that is the target correlates with the trigger in all phonological features (total assimilation). On p. 362, discussing harmony in Kera, van der Hulst speaks again about total harmony. Maybe, it would have been more precise to define vowel harmony broadly, as a vowel-to-vowel assimilation process, and separate cases according to its domain.

Due to the large number of phenomena and languages discussed, the book can serve as a guide to languages exhibiting vowel-to-vowel assimilation. The monograph provides a broad range of data, which establishes its high value.

The size of the book and the diversity of the phenomena analyzed do not make it possible to discuss all the details or even the main points in this review. In the following, I will concentrate on some specific issues. Since I am familiar with Uralic (and, to a restricted level, Turkic) languages, I will focus on these. In the first part, I will present the most important features of Hulst’s analysis. In the second part, I will concentrate on the ways of presenting the data and the analysis. In the third part, I will discuss the sources of the data and their reliability. In the fourth part, I will examine what kind of sources were used by van der Hulst in general.

1. Theoretical background. RcvP is a version of Dependency Phonology. According to this model, phonological primes (called elements) are unary. Elements are represented by characters between two vertical lines (although this practice is not consistently followed throughout the book). The theory distinguishes elements like |A| (non-high), |V| (non-low), |U| (rounded), |I| (front). These elements enter into head-dependency relations: |A| and |V| belong to manner (aperture), while |U| and |I| belong to place (color); |A| and |U| are heads, and aperture heads color.

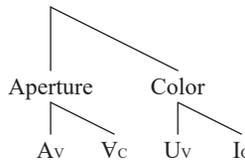

Figure 1. The structure of RcvP elements according to van der Hulst (p. 75, figure (32a))

To distinguish four degrees of aperture, |A| and |V| are combined, and one of them is the head, which is indicated by underlining. Since the case when |A| is the head is considered to be marked, only this case is indicated, that is |AV| stands for high-mid vowels (/o/, /e/ etc.) and |AV| for low-mid ones (/ɔ/, /ɛ/ etc.). The same elements can also be secondary pharyngeal elements to distinguish tongue root positions: in this case characters are italicized: |A| stands for retracted tongue root (RTR) and |*F*| for advanced tongue root (ATR). Another kind of secondary articulation manner, nasality, is indicated by N. However, in one and the same language, only one kind of secondary articulation of vowels is possible (there is no nasality and tongue root activity simultaneously, or both RTR and ATR).

Segments are minimally specified, namely, only in the case when they are contrastive. For the specification of the phonemes, the Successive Division Algorithm (SDA, based on [Dresher 2009]) is adopted. Elements are ranked: |A| > |U| > |I/V|, i.e., first the non-high vowels are specified by |A|, then labial vowels are specified by |U|, but only if they contrast with illabial ones, etc. This means that vowels of the same phonological quality can be specified differently depending on the whole vowel system, while vowels with different quality can be specified in the same way. For example, a standard five-vowel system is specified in the following way:

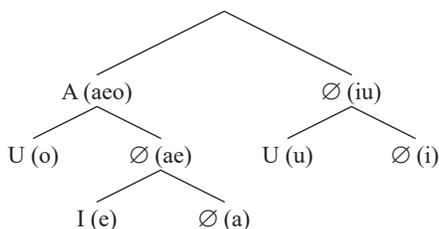

Figure 2. The specification of a five-vowel system (p. 76, (33a))

As a result, the five vowels get the following minimal specification:

[i]	[u]	[e]	[o]	[a]
		A	A	A
	U		U	
		I		

Figure 3. The minimal specification of the vowels in a five-vowel system [i u e o a] (p. 76, (33b))

In their full specification, [i] is also provided with |I|, |V| and |F|, [u] with |V| and |F|, [e] and [o] with with |V| and |F|.

For van der Hulst, harmony is licensing, which means that alternating vowels are not specified or not specified by the given element, but they are specified by it as a variable (variability is indicated by putting the element in parentheses). Variable elements are spelled out when they are licensed by an invariable element (which can be invariable lexically or as a result of licensing). Licensing relations must be local, usually in the sequence of syllable heads.

Although the basic model is principled and elegant, it has to be slightly modified all the time. The Finnish vowels /i/ and /e/ do not alternate due to palatal vowel harmony. According to the SDA, these will not have an |I| element (cf. p. 137, (47)). However, following harmonic vowels, they are transparent; therefore, they have to be provided with an element |(I)| (which plays no role in the phonetic realization, since in their full specification these phonemes always have |I|). However, given that stems containing only neutral vowels are suffixed with the front allomorphs of suffixes alternating due to palatal harmony, these elements |(I)| must be licensed. Therefore, van der Hulst introduces the notion of *positional licensing*, that is |(I)| in the initial syllable is always licensed.

Hungarian behaves a little differently. In Hungarian, some stems containing just one vowel /i/ or /i:/ (rarely also /e:/ or /ɛ/) are suffixed with the back allomorphs of suffixes alternating due to palatal harmony. According to van der Hulst, in these cases positional licensing simply does not apply. However, if the Hungarian stem contains two or more neutral vowels, it must be suffixed with the front allomorphs. Moreover, if (a) back vowel(s) is/are followed by two /i/s inside the stem, both front and back allomorphs are applicable (/ɒlɒlɒlɒl-~ /ɒlɒlɒlɒl- / 'alibi-DAT'). Here van der Hulst applies the principle of Proper Government, according to which an empty nucleus (here /i/, which lacks any element in van der Hulst's analysis) must be adjacent to a non-empty nucleus. Therefore, according to this analysis, if two /i/s follow each other in a word, the first one must have an element |I|, which licenses the element |(I)| in the second one, which, in turn, licenses |(I)| in the suffix.

This solution itself raises several questions. First of all, if adjacent empty nuclei must be avoided and the Proper Government principle always applies, and consequently, elements |(I)| must be licensed, how is it possible that these stems can be suffixed by the back allomorphs

of suffixes as well? Moreover, in addition to words containing two /i/s after (a) back vowel(s), there are words in which the neutral vowels following (a) back vowel(s) are different, but show the same behaviour (/mɔ̃tineː-nɔ̃k/ ~ /mɔ̃tineː-nek/ ‘matinee-DAT’). In this case, the syllable with /eː/ does not have an empty nucleus; therefore, the Proper Government principle is not applicable. How can the alternation be explained in such cases?

In similar cases, a more fundamental issue is that there are no independent arguments which could falsify the analysis. The modification is needed just to explain a certain phenomenon, and the only thing which supports the given modification is that the analysis of the given phenomenon would not work without it. When vowels behave differently in different morphemes, van der Hulst suggests that they have different representations. However, the evidence for different representation is the different behaviour in the very same context, and since no independent evidence is presented, the reasoning is circular. Moreover, some extensions are added to the framework at some point and used never more. For instance, the Proper Government principle is utilized for Hungarian on p. 187, and it occurs nowhere else in the whole book.

The modifications of the original model are sometimes rather significant. In the original proposal, elements can be variable and these variable elements can be licensed by invariable ones. In the analysis of some African types of harmony, the set of licensing/licensable entities is widened: the headedness of an element |A| can also be variable and licensed by an invariable headedness of the same element. This kind of analysis is used for tongue root harmony in which the retracted tongue root is active [Casali 2003; 2008], analyzed as lowering harmony by van der Hulst. Furthermore, in addition to licensing, he introduces a copying mechanism for stress-induced aperture harmony (metaphony, umlaut): in this case, the lowering of mid vowels (|AV| or |AV̄|) into low vowels means the addition of an |A|, which causes the deletion of the |V|. Similarly, raising mid vowels into high vowels is analyzed as copying an extra |V|, which causes the deletion of an |A| (pp. 245–249).

These modifications are introduced to solve specific problems in specific languages, but they destroy the principledness and elegance of the original model and, moreover, they question that the original model can really capture the true essence of vowel harmony and the basic mechanisms behind it. And even so, there are some cases, when the author has to confess that he cannot analyze the given phenomenon in his framework (or the framework predicts phenomena unattested cross-linguistically). Nonetheless, he never raises the issue that maybe the framework is not appropriate to analyze all kinds of interaction between vowels. For example, on pp. 87–89, he turns his attention to the fact that the proposed element ranking predicts a language type in which /e/ triggers front harmony, but /i/ is followed by back vowels. On p. 143, he writes about another expected, but not attested system, in which all round vowels are triggers of labial harmony, but /i/ is opaque. On p. 234, analyzing Azerbaijani data, van der Hulst admits that “[t]here is no straightforward representational account of their behavior in the present model”. In none of these or similar cases does he question the validity of his own model. Sometimes this kind of bias is extremely problematic. For example, speaking about Classical Manchu vowel harmony, he claims that unexpected variability “is expected when VH is in decline” (p. 380). However, what we expect from a well-constructed theory is that it can predict the way a given phenomenon rises and declines (including possible kinds of variability), not just the way it functions in the prime of its life.

The uniformity of analysis sometimes seems to be more important than the actual linguistic facts. A striking example is that van der Hulst praises Polgárdi’s [2015] analysis of the behaviour of neutral vowels, although both Polgárdi and the author call attention to the fact that the analysis allows an unattested case, the existence of which van der Hulst himself considers impossible. However, he rejects following Polgárdi’s approach not because of this flaw, but because her “element syntax works differently” (pp. 175–176).

The preference of theoretical problems against linguistic facts is also reflected in the perfunctory presentation of the data.

2. The ways of presenting the data. Presenting data from different sources is always problematic. One good practice is to preserve the transcription of the source; another good practice is to use the same transcription throughout the work (for a wide range of languages from various families and regions, IPA seems to be an obvious choice).

Unfortunately, it seems that van der Hulst does not follow either principle in presenting the data. First of all, conventionally, phones (sounds) are presented in square brackets ([]) and phonemes between slashes (/ /). In the book, van der Hulst uses both of them interchangeably without any obvious regularity. Moreover, we can find such uses as “[ε] counts as a false alternant of [a]” on p. 165, “the phoneme [ε]” or “an allophone of [e]” on p. 300. On p. 409, in a footnote he writes that Aoki “provides the phonetic values [u], [ʊ], or [ɯ] for /u/ and [i] or [i] for [i]”, where the last [i] (instead of /i/) should be considered a simple typo if such pieces of inconsistency were not present throughout the whole book.

Taking just Finnish examples from p. 159, he presents the phoneme system with IPA symbols in (3), but in the examples (4) he uses <ö>¹ instead of <ø>, in (6) unexpectedly changes <æ> for <ä>. In (7), he uses both [æ] and [ä] within one stem (<värttinä> — standard spelling *värttinä*, IPA <värt:inæ>). Letters <ö> and <ä> are used in the Finnish orthography. On the next page, in the specification of the vowel system (9), he begins to use <ü> instead of <y> (in addition to <ö> from orthography and <æ> from IPA — actually, both Finnish spelling and IPA uses <y> to indicate this sound or phoneme). For the reader unfamiliar with Finnish, this kind of inconsistency must make it extremely difficult to follow the argumentation. (The fact that <a> is used in the whole book as a letter for a back vowel, although it denotes a front vowel in IPA, can be accepted as a simplification in transcription. Nonetheless, this practice should have been declared somewhere in the book as well.)

The inconsistency in the transcription of Finnish is not an isolated case. On p. 93, in the specification of a five-vowel system (56), two vowels are indicated with different symbols (<e> and <ε>, and <o> and <ɔ>, respectively) in turn (and at the final node for [i] an <i> is present as well — however, this can be easily recognized as a typo). On p. 157, in the table (1) on types of vowel harmony in Balto-Finnic languages based on [Kiparsky, Pajusalu 2003: 219], we find <ø> where Kiparsky and Pajusalu use <ö>. The latter indicates the sound (and phoneme) which can be transcribed by IPA <ɘ>. In IPA, <ø> indicates a rounded vowel, and most probably the reader will interpret it that way and will wonder why some Finnic variants will have a labial alternation parallel with a front/back alternation, while other alternations are purely front/back. Nonetheless, on p. 180, in the classification of Seto vowels (57), and in examples (59) and (61), this vowel is correctly indicated by IPA <ɘ> (and in footnote 28 it is even written that Kiparsky and Pajusalu mark this vowel by <ö>) — but <æ> is used in the specification and <ä> in the examples for the low front vowel. On p. 188, in (88) Hungarian ‘dirty’ is written as [pisk-os], although it is spelled as *pizkos* and pronounced as (IPA) [piskɔf].

Turkish ğ causes extreme difficulties. On p. 201, in (11) we find *inei* instead of *ineği* (in addition to <ü, ö, y> used as in Turkish orthography, but at the same time IPA <i> instead of orthographical <ı>), *mool-istan* instead of *Moğol-istan* on p. 203 in (14), *göğüs* instead of *göğüs* (with a caron instead of a breve) on p. 205 in (21), etc. On p. 204, in (18) the same name is written as <Bariş> in the example but as <Barış> in the translation (although <ı> occurs in the example as well). On p. 231, in (98) and (99) there are two different vowels (a mid and a low one) indicated by <æ>. A comparison with the table in (97) can help to find out that one of the two should be (IPA) <ɜ>. However, examples (101)–(103) are tough puzzles for the reader: they have to find out that <qoralhæð-læq> should be <qoralhɜð-lɜq> and <qorow-læ> should be <qorow-lɜ>

¹ Below, I will write letters and cite linguistic data unspecified for being phonetic or phonemic transcriptions in the Roman typeface but in angle brackets to distinguish linguistic data from the body text. The use of angle brackets is not intended to mark phonetic (or phonemic) transcription. If the data is undoubtedly identifiable with the general written form of the word, I write it in italics.

(IPA signs are mixed with <ü> and <ö> here as well). On p. 425, in (72) the Qormi Maltese stem ‘drink’ is written once as <surb-> and on another occasion as <šurb->.

In some cases, there is further confusion about transcription. On p. 375, speaking about Classical Manchu, it is written that “[ə] is represented by orthographic <e> in the examples”, but we find not a single <e>, but a handful of <ə>s in the examples. It remains unclear what kind of orthography is mentioned, since Manchu is written in its own script, developed from the Mongolian script. Any Latin-based script must be considered transliteration or transcription.

Stress is never indicated as it is usual in IPA, but rather by an acute accent diacritic mark on the vowel. Sometimes it is missing where it should be crucial. On p. 279, in (110) we find <vjekkj̄i> instead of <vjékkji>. On p. 426, we read “[v]owels to the left of the stressed vowel are not subject to harmony”, but in (75) stress is not indicated in the word <bitšuf>. By contrast, vowel (but not consonant) length is indicated by the IPA-like symbol <: > (although not <: >), even in data otherwise presented similarly to regular spelling (see examples from Votic (170) or Hungarian (182–184); however, for Finnish and Seto data van der Hulst uses letter doubling taken from the spelling; he also uses letter doubling for Khanty, although none of the Khanty orthographies or generally used transcriptions do so).

I have to mention that in addition to the problems with the presentation of the data, there are some serious issues in the presentation of the analysis. On p. 88, in (49a), /æ/ and /a/ remain together in a final node; therefore, the former remains without the element |I|. In the specification of the same vowel system (49b), |A| is missing under /ö/, |U| is missing under /o/, there is an unnecessary |U| under /a/, and |U| is missing under /u/. On p. 339, in (25), |I| is missing under [i] (but is present under [e] and [ɛ], which are not contrastive by frontness to any other vowel). On p. 341, there is an unnecessary |I| under [i] (and |I| is unnecessary again under [e] and [ɛ]). On p. 351, in (63), |A| should be underlined under [ɔ], but not under [o] (and, again, |I| is superfluous under [i], [e] and [ɛ]). On p. 389, in (74), the upper row of |V|s should not be slanted (moreover, both |V̄| and |V̅| are unexplainable under [i]; |V̅| under [ə] should be in the fifth row instead of the fourth), |I| is superfluous under [ie] and [iɛ]. On pp. 402–404, van der Hulst presents two kinds of possible specifications of Middle Korean vowels under (5) and (7). In both of them, [ī] and [i̇] are contrasted by an element |V̅| of the latter, although according to (1) they are of the same height. Moreover, in (7) [ə] is specified exclusively by |A|, and [ʌ] is specified by |V̅| and |ʌ|, which must suggest that the former vowel is lower than the latter one — however, according to (1), the opposite is true. Maybe these are typos as well.

A similar case is that the types of Mongolic harmony systems are numbered completely differently on p. 394 in (88) than later in the text. For example, in 9.4.1 (from p. 395) Khalkha is discussed as type I, although in (88) it is type III. On p. 400, Oirat/Kalmyk are stated to belong to type IV, while in (88) they belong to type I, and so on. Although the numbering of types should help the readers, this kind of inconsistency just confuses them. In addition, there are at least two minor mistakes on p. 452, in (12), where Mu and Y are not defined. Maybe, Mu stands for Mulgi, but the role of Y is unclear, since it occurs in every cell where a language is referred to. In addition, Yo occurs twice in the list of abbreviations, although only once in the table.

Returning to the data: there are serious mistakes as well, which are not due to the inconsistent transcription. On p. 141, in (58) [u̇] stands among unrounded vowels instead of the rounded ones. On p. 160, in (10), Finnish <lyodakseniko> (which would be strongly disharmonic) ‘for me to create’ is given instead of <luodakseniko>. On p. 162, in (17) we find Finnish <hieroflyfi> instead of <hieroglyfi> (and words like <miljonääri>, <hydrosfääri>, <afääri> in a list which is supposed to contain words with [ü] or [ö] before [i]). On p. 176, in footnote 23, (extremely disharmonic) Votic <pūsüsü-löi> ‘guns’ is given instead of <püssü-löi>. On p. 177, Votic <jä-ttä> ‘hand-PART’ is presented, which should be transcribed and segmented as <tʃæt-tæ> (in IPA) or <čät-tä> (in Finno-Ugric transcription). (Similarly, <kər-tta> ‘straw-PART’ should be segmented as <kärt-ta>.) At the same place, <mā-za> ‘country-INNESS’ should be <ma:-za> (or rather <ma:-za>) in IPA, <mā-za> in Finno-Ugric transcription or <maa-za> according to the pan-Finnic spelling customs. On p. 185, in (76) Hungarian <bü:ro-nak> should be <bürö-nak> (orthographically)

The arrangement of the presented phonemes reflects alternations, not the height and palatovelarity (and less implicitly, labiality) of the vowels, as the arrangement by van der Hulst may suggest.

3. Sources and reliability. In this part, I will examine the reliability of the data and analyses provided by van der Hulst. I will strictly limit myself to issues with Uralic languages. I have to begin with the classification of these languages, since there are several misleading pieces of information on this topic in the book. On p. 89, van der Hulst uses the nonsensical term “Finno-Uralic”. Traditionally, the Uralic language family is divided into two main branches, Finno-Ugric and Samoyedic (although, for historical reasons, in less precise terminology Finno-Ugric can denote the whole family). Finno-Uralic seems to be a result of confusing the two terms.

The family is called Uralic since Proto-Uralic is the oldest commonly accepted proto-language of the related languages. In contradiction to this, on p. 41, van der Hulst states that “[w]hile there are many languages with vowel harmony, it seems that in terms of genetic distribution, palatal harmony mostly occurs in Altaic and Uralic languages, which may imply that all these cases go back to a single property of an Altaic-Uralic proto-language”. At the same time, on p. 365, in footnote 2 van der Hulst himself remarks that “[t]here is controversy about the Altaic grouping but that will not be my concern here”, although in other cases he uses this controversial term without any doubt. Since the assumption of the Altaic family, not to speak of “Altaic-Uralic”, is so controversial, it would be more appropriate not to suppose that any kind of harmony originates from these entirely hypothetical proto-languages; especially, because this topic is beyond both the scope of the study and the author’s research field.

There are also problems with the inner classification of Uralic. On p. 168, van der Hulst writes about *Finno-Baltic* languages instead of (*Balto-*)*Finnic* languages. And the most striking example is that van der Hulst discusses Khanty among the Finnic languages (4.3.2; 4.3 bears the title “Three other Finnic languages”; he also discusses a Khanty example as a “Finno-Baltic” one on p. 168, etc.). To give a parallel from Indo-European languages, this sounds as if Welsh were called a Slavic language. The origin of confusion must be that Kiparsky and Pajusalu [2003] discuss Khanty together with several variants of Finnic. Apart from [Kiparsky, Pajusalu 2003], van der Hulst’s other source on Khanty is [Vaysman 2008].² She begins the discussion of Khanty data by the classification of the language: “Khanty (Xanty, Ostyak) is a Uralic Ob-Ugrian language [...]” [Ibid.: 104]. Interestingly, the fact that earlier on, Khanty was called Ostyak (a rather irrelevant piece of information, not mentioned by Kiparsky and Pajusalu [2003]) appears twice in van der Hulst’s book, but the correct classification was ignored.

Furthermore, van der Hulst discusses the Finnic language varieties Mulgi and Seto. Both of them belong to Southern Estonian, which is sometimes considered a language, sometimes a dialect (group). Seto exhibits typical Southern Estonian characteristics, Mulgi is a variant transitional to Northern Estonian. Nonetheless, van der Hulst refers to Mulgi as a language (pp. 29, 148, 158, 169, 171), while to Seto as a dialect of Estonian (pp. 179, 180) — although on p. 20 he calls it a language. It would be acceptable to refer to both of them as dialects — van der Hulst’s source, [Kiparsky, Pajusalu 2003], refers to them as Estonian dialects, — or to both of them as languages, maybe even to refer to Seto as a language and to Mulgi as a dialect, but the opposite is absolutely unsubstantiated.

There are also problems with the authenticity of the data. The already mentioned examples like Hungarian stems *szalamender* and *tűbing* are problematic. Even though the author of this review is a native speaker of Hungarian, these words were completely unknown to him. Both of these words are very peripheral, rarely used by a restricted set of native speakers. Although van der Hulst states that the dative form of *szalamender* can be both *szalamendernak* and *szalamendernek*,

² Here, following van der Hulst, I will refer to this work as “Vaysman 2008”. However, according to the first page of the given work, it was submitted in February 2009, and therefore, it is usually referred to as “Vaysman 2009”. True enough, according to the third page of the same work, it was submitted in October 2008.

according to a Google search,³ the former form never occurs and the latter one occurs once (and even then only as a proper name in a novel). Moreover, according to the literature, stems containing more than one [ɛ] are always suffixed by the front allomorphs of suffixes (cf. [Nádasdy, Siptár 1994: 107–108]). For example, according to Google, the dative form of *november* is exclusively *novembernek* (over 25 000 occurrences), **novembernak* occurs only in linguistic papers as a non-existent form. The form *tübingnek* is correct, but occurs only once on the Internet; *zsűrinek* [ʒy:rinek] ‘jury-DAT’ (over 80 000 occurrences) would have been a much better choice. In addition, the already mentioned word *büro* ‘office; desk’ is practically unknown, on the Internet it is attested in foreign word dictionary sites and in proper names. The choice of such rare (quasi-wug) stems must be grounded in an attempt to avoid lexical exceptions — however, since other stems are normal everyday words, it does not seem to serve the purpose. The choice of *szalamender* would be a poor decision, since the word is also used (and more frequent) in the form *szalamander*, which of course can also be used with the back allomorphs.

There are false statements in the analysis as well. On p. 121, van der Hulst writes: “Hungarian has non-alternating suffixes with the front neutral vowels [i] or [e], as well as (marginally) with back vowels (e.g. *-kor* ‘temporal’). The former cannot alternate because they contain a neutral vowel which has no harmonic counterpart.” First of all, Standard Hungarian has no /e/, but /e:/ (written as *é*) and /ɛ/ (written as *e*), and as a consequence of van der Hulst’s inconsistent way of transcription, it is not clear which one he is writing about. Although it is true that there are no back unrounded vowels in Hungarian, it is not true that unrounded front vowels cannot alternate: actually, they do. While /i/ does not alternate in most of the cases, in some verbal suffixes of the definite subparadigm it alternates with /jɒ/ or /ja:/: *kér-i* ‘ask-DEF.3SG’ but *vár-ja* ‘expect-DEF.3SG’, *kér-ik* ‘ask-DEF.3PL’ but *vár-ják* ‘expect-DEF.3PL’. Although /e:/ does not alternate in approximately half of the suffixes, it alternates in the other half with /a:/. Suffixes with /ɛ/ do alternate in most of the cases, although, contrary to what van der Hulst writes on p. 185 in footnote 33, there are some non-alternating (truncating) suffixes with /ɛ/: *Karesz* ‘Charlie’ from *Károly* ‘Charles’, etc.⁴ (cf. e.g. [Rebrus, Törkenczy 2016: 244–245]). In fact, /ɛ/ alternates in two ways due to harmony, with /v/ (*a*) in certain suffixes and with /o/ and /ø/ (*ó*) in others (as van der Hulst also describes this phenomenon on pp. 192–193).

There are examples of even looser management of linguistic facts. On pp. 168–173, van der Hulst discusses Mulgi and Khanty vowel harmony. In (32) and (33), he presents examples identified as Khanty and Mulgi, respectively. However, these examples have nothing to do with actual Khanty and Mulgi word forms. As van der Hulst remarks in footnote 16: “For ease of comparison, I am using the Finnish examples to demonstrate what these forms *would* be in Khanty and, below, in Mulgi, assuming, based on the information in Kiparsky and Pajusalu (2003), that for both languages appropriate examples can be found”. This kind of practice is highly questionable: hardly anyone would demonstrate how Russian vowel reduction would work using English words as examples (which, of course, would not be English anymore). Although it is important to help the reader, it is hardly acceptable to use made-up data for that purpose.

It seems that the only reason for van der Hulst to do this is the almost complete lack of examples in [Kiparsky, Pajusalu 2003], which, of course, is in itself also fairly unconventional. Had van der Hulst looked for relevant actual data, he would have had to face the fact they are not

³ Although there is controversy about using Google for linguistic data (cf. [Kilgarriff 2007]), it is a useful and efficient tool to check whether a form is really used, at least for languages which are well represented on the Internet. Lexemes or word forms which do not occur can be considered as non-existent or very marginal (archaic, dialectal etc.), even forms occurring in a small number can be suspicious (typos etc.).

⁴ Interestingly, this suffix is used extremely rarely after stems with a front vowel, e.g. *fütyesz* /fyces/ from *fütykös* /fycəkøf/ (a word for ‘penis’), *mütyesz* /myces/ from *mütyür* /mycyr/ ‘knick-knack, gimcrack’, *zsidesz* /zides/ from *zsidó* /zido:/ ‘Jew’ [Füköh, Rung 2005: 122], *töresz* /töres/ ‘history class/lesson’ from *történelem* /törte:nelem/ ‘history (class/lesson)’ [Helle 1992].

so easy to fit into the way he supposes these languages behave. But even if we accept the use of made-up data for demonstration, unfortunately, van der Hulst goes even further. In (34) and (35), he presents the vowel system of Khanty and Mulgi, respectively. In the case of Mulgi, it is more or less accurate, although /s/ is missing (despite the fact that [Kiparsky, Pajusalu 2003: 219] unambiguously shows that every Estonian dialect except for the Northeastern one exhibits this phoneme — since Northeastern is contrasted to Mulgi [Ibid.: 219, (8)], it is unnecessary to know beforehand that Mulgi is not a Northeastern dialect). However, the ostensible Khanty vowel inventory has nothing to do with any actual Khanty vowel system (although, due to the dialectal diversity of Khanty, there are plenty of them, cf. [Honti 1984: 19–25]). This is extremely strange in a study which claims to focus on cases when asymmetries in harmony can be results of different kinds of asymmetries in the vowel system (p. xiv). Later on, van der Hulst discusses whether different rankings of elements are needed to explain the difference between Khanty and Finnish/Mulgi, however, this debate is quite vague if we do not know the actual Khanty vowel system.

4. Sources used. Below, I will argue that many problematic issues in van der Hulst's book are the result of inappropriate choice of sources. First, I will demonstrate this by the example of two Uralic languages, Khanty and Mari. Then, I will argue the same point based on a simple analysis of the References.

As demonstrated above, van der Hulst's sources on Khanty are [Kiparsky, Pajusalu 2003] and [Vaysman 2008]. It is clear that the two sources discuss different variants of Khanty, as van der Hulst notes as well (pp. 158, 178). Vaysman [2008] calls the dialect described by her as Southwestern. This is a bit confusing, since usually Khanty dialects are divided into three main groups: Northern, Southern and Eastern. Sometimes Western is used as a common term for Northern and Southern [Abondolo 1998: 358–359]. Southern dialects and also some of the Northern and Eastern (sub)dialects are extinct. Vaysman [2008: 104] states that “[t]he dialect I am describing here is spoken near Krasnojarsk (Russia)”. This claim is confusing since there is a well-known city Krasnojarsk on the Yenisei, about 1000 km to the southeast (and not southwest) from the easternmost known Khanty settlements. At the beginning of the twentieth century, there was also a small settlement called Krasnojarsk (“Jurten von Krasnojarsk” [Karjalainen, Vértes 1964: 65]) on the Southern dialect territory on the river Konda; however, I could not find any trace of its existence today. (Interestingly, the identification of the other Khanty dialect also raises questions. Kiparsky and Pajusalu [2003] call it Eastern Khanty consistently, although [Vértes 1977], which is claimed to be their source, is about Southern Khanty. However, van der Hulst never specifies the dialect when speaking about this variant.)

The existence of both /ø/ and /ø:/ [Vaysman 2008: 105] suggests that it can only be a variety similar to the Vakh–Vasyugan dialect; nonetheless, the lack of /æ/, /æ:/ and /y:/ and the existence of /ɕ/ and /x/ (where /k/ is expected in the Eastern dialects) contradicts this. It is also strange that Vaysman presents a completely symmetric system of *short* and *long* vowels: the literature on Khanty usually contrasts *full* and *reduced* ones, and most often “long” (full) vowels outnumber “short” (reduced) ones in the Eastern and Southern dialects. Although their number is equal in the Northern dialects, they show considerable differences in quality (cf. e.g. [Honti 1984: 19–25]). Moreover, a language exhibiting /ø/ but lacking /y/ is typologically unusual as well. Vaysman [2008: 104] also remarks that the dialect described by her differs from all the previously described dialects. However, with such vague information about the place of the fieldwork, it is extremely difficult to verify her data.

Of course, the mere fact that the dialect is described by only one researcher does not mean that the data are unreliable, even if their provenance is also unclear. Nonetheless, it is unusual to focus on a dialect researched by only one person while ignoring a better known variant. The Khanty dialect group which is most often cited as one exhibiting vowel harmony is the Vakh–Vasyugan group, spoken in the easternmost Khanty territory. The most relevant descriptions of the Vakh dialect are [Tereshkin 1961] and [Gulya 1966], and that of the Vasyugan dialect is [Filchenko 2007]. It seems that van der Hulst is not aware of the existence of these dialects or the vowel harmony they exhibit.

We have to face a similar problem in the case of Mari data. Mari has a diverse dialect system with two main dialect groups, Western and Eastern. Two standards are based on dialects belonging to the two groups. Standard Hill (Western) Mari is based on the dialect spoken in the Southwestern part of the Mari El Republic; Standard Meadow (Eastern) Mari is based on dialects spoken in the Eastern part of the republic. The two standard varieties exhibit very different kinds of vowel harmony, and the Northwestern dialect differs from both standards in this respect. Finally, dialects spoken in the middle of the republic, around the capital Yoshkar-Ola, lack vowel harmony whatsoever. As references, see [Galkin et al. 1960: 14–31, 69–73; Alhoniemi 1985: 21; 1988: 84–86; Bereczki 1990: 11–16; Kangasmaa-Minn 1998: 222–224], etc.

Van der Hulst's only source of Mari data is [Vaysman 2008] again. Vaysman identifies the dialect she discusses as Eastern (Meadow) Mari and claims that “the dialect from which the data in this chapter is drawn is spoken on the boarder [sic] of Nizhni Novgorod region and Mari El republic” [Ibid.: 60]. However, in the territory identified, Western dialects — Hill or Northwestern — are spoken. Vaysman reports only one reduced vowel (/ə/), which is typical only for the dialect Standard Meadow Mari is based on. She also reports the existence of an allophonic [æ], which surfaces due to vowel harmony — as far as I know, no similar case was reported ever by Mari dialectologists. Strangely enough, while the example stems are almost perfectly identical with the ones from Standard Meadow Mari (although there are suspicious examples like <öodrä> ‘forest’ instead of the expected $\sqrt{\text{teod}}(\text{ə})\text{r}\text{a}/$), from the point of view of [a] : [æ] alternation due to vowel harmony, the examples resemble Northwestern Mari forms [Ivanov, Tuzharov 1970: 46–54]. However, the stress patterns presented by Vaysman considerably differ from how it is presented by Ivanov and Tuzharov [Ibid.: 89–93]. Once again, it cannot be excluded that Vaysman has found an earlier undocumented dialect. Nevertheless, it would be more convincing to discuss this variant only in addition to the two standards and better documented dialects.

Based on similar cases, the reader gets the impression that van der Hulst turns his attention to languages and dialects discussed in the theoretically-oriented literature alone. This may be the explanation why some languages exhibiting vowel harmony — e.g. among Uralic languages, Erzya [Raun 1988: 99; Zaicz 1998: 190], Mansi [Kannisto 1914], Nganasan [Helimski 1998: 489, 492–493] or Kamas [Simoncsics 1998: 582–583]; or among Turkic languages, Chuvash [Kruger 1961: 90, 95–96] — are not even mentioned.

A closer look at the massive list of references sheds light on another baffling fact. Out of the roughly 700 items, only a handful is written in a language different from English: Russian (5), French (3), German (2), Italian (2), Finnish (1), Hungarian (1), Spanish (1). In some cases, it is clear that these were not seen (as it is stated about Benzing 1956 on p. 372) or not relied on (as it is said about Ebert 1979 on p. 362). In several other cases, it seems that they are among the references just because some other source referred to them or took data from them. Anyway, these 15 non-English sources (about 2%) seem to be rather few, especially if we take into consideration that van der Hulst refers to 29 of his own articles written alone and 14 more articles where he is the first author (about 6%; articles of which he is the second author were not counted).

This fact matters not just because a massive corpus of literature has been published on various manifestations of vowel harmony of some languages exactly in these languages (in Hungarian and in Finnish undoubtedly), or because many of these languages were described in colonizers' languages such as Russian (as many Uralic, Turkic, Mongolic, Tungusic, etc. languages) or French (especially the languages of Africa). In addition, formerly being the international language of linguistics, many sources on different languages were written in German (mostly in the 19th and in the first half of the 20th century). These cannot be excluded from the potential sources, only at the expense of losing crucial and well-researched data, thus risking to arrive at false results.

Conclusion. The monograph of van der Hulst is very ambitious, and, despite all the criticism above, an entirely respectable piece of work. The author collected a colossal amount of data from a wide range of languages. The majority of these data, despite all the inaccuracies, must be correct. The analysis is interesting and offers ingenious insights, and it is intriguing even when the reader does not find it convincing.

Nonetheless, the book could not achieve its binary goal. The reasons for that are diverse. First of all, the goal seems to be unattainable. Hardly could anyone describe the manifestations of a phenomenon attested in hundreds of languages in a single consistent framework. In addition, even the collection and thorough analysis of the data of one language can be an enormous amount of work, let alone analyzing hundreds of languages. In the latter case, researchers are heavily dependent on their sources, the reliability of which they are not capable to judge.

Undoubtedly, there are things which could and should have been done better. However, many issues criticized above, especially with the transcription and typography, are not simply the faults of the author, but also of the reviewers, the editors, and, at the end of the day, the reputed publisher — or, at least, some of them.

Despite all its flaws, *Asymmetries in Vowel Harmony* is a valuable book. It can be recommended to those who are interested in the diverse nature of vowel harmony in different languages. It is a good starting point for seeking phenomena or literature, and its analyses offer an intellectual adventure. However, when using it in one's further research, it is recommended to be careful with its data: check them in the sources, and as far as possible, double-check them in further sources.

REFERENCES

- Abondolo 1998 — Abondolo D. *Khanty. The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 219–248.
- Alhoniemi 1985 — Alhoniemi A. *Marin kielioppi*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985.
- Alhoniemi 1988 — Alhoniemi A. *Das Tscheremissische. The Uralic languages*. Sinor D. (ed.). Leiden: Brill, 1988, 84–95.
- Bereczki 1990 — Bereczki G. *Chrestomathia Ceremissica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.
- Bobaljic 2018 — Bobaljic J. D. Disharmony in decay: Itelmen vowel harmony in the 20th century. *From sounds to structures: Beyond the veil of Maya*. Petrosino R., Cerrone P., van der Hulst H. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2018, 161–192.
- Casali 2003 — Casali R. F. [ATR] value asymmetries and underlying vowel inventory structure in Niger-Congo and Nilo-Saharan. *Linguistic Typology*, 2003, 7: 307–382.
- Casali 2008 — Casali R. F. ATR harmony in African languages. *Language and Linguistics Compass*, 2008, 3: 496–549.
- Dresher 2009 — Dresher B. Elan. *The contrastive hierarchy in phonology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Filchenko 2007 — Filchenko A. Yu. *A grammar of Eastern Khanty*. Ph.D. diss., Rice Univ., 2007.
- Füköh, Rung 2005 — Füköh B., Rung A. Az *-esz* és *-er* végű becézett szóalakokról. Új morfológiai jelenségek a magyar nyelvben. *Nyelvtudomány*, 2005, I: 115–130.
- Galkin et al. 1960 — Галкин И. С., Исанбаев Н. И., Пенгитов Н. Т., Барцева З. Ф. *Современный марийский язык. Фонетика*. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. [Galkin I. S., Isanbaev N. I., Pengitov N. T., Bartseva Z. F. *Sovremennyy mariiskii yazyk. Fonetika* [Modern Mari language. Phonetics]. Yoshkar-Ola: Mari Publishing House, 1960.]
- Gulya 1966 — Gulya J. *Eastern Ostyak chrestomathy*. Bloomington: Indiana Univ. Press; The Hague: Mouton & Co, 1966.
- Helimski 1998 — Helimski E. Nganasan. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 480–515.
- Helle 1992 — Helle E. *A debreceni diáknyelv szótára*. Szakdolgozat. Témavezető: Kis Tamás. Debrecen: KLTE, 1992. http://mnytud.arts.unideb.hu/szleng/szakdolg/helle_n.htm.
- Honti 1984 — Honti L. *Chrestomathia Ostiacica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1984.
- Ivanov, Tuzharov 1970 — Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1970. [Ivanov I. G., Tuzharov G. M. *Severo-zapadnoe narечie mariiskogo yazyka* [Northwestern dialect of Mari]. Yoshkar-Ola: Mari Publishing House, 1970.]
- Kabak 2011 — Kabak B. Turkish vowel harmony. *The Blackwell companion to phonology*. Vol. 5. Van Oostendorp M., Ewen C. J., Hume E. V., Rice K. (eds.). Malden (MA); Oxford: Wiley-Blackwell, 2011, 2831–2854.

- Kangasmaa-Minn 1998 — Kangasmaa-Minn E. Mari. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 219–248.
- Kannisto 1914 — Kannisto A. Die vokalharmonie im wogulischen. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1914, 14: 41–81.
- Karjalainen, Vértes 1964 — Karjalainen K. F., Vértes E. *Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakische Mundarten*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964.
- Kilgarriff 2007 — Kilgarriff A. Googleology is bad science. *Computational Linguistics*, 2007, 33(1): 147–151.
- Kiparsky, Pajusalu 2003 — Kiparsky P., Pajusalu K. Towards a typology of disharmony. *The Linguistic Review*, 2003, 20.2–4: 217–241.
- Kruger 1961 — Kruger J. R. *Chuvash manual. Introduction, grammar, reader, and vocabulary*. Bloomington: Indiana Univ. Press; The Hague: Mouton & Co, 1961.
- Nádasdy, Siptár 1994 — Nádasdy A., Siptár P. A magánhangzók. *Strukturális magyar nyelvtan*. Vol. 2: *Fonológia*. Kiefer F. (szerk.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1994, 42–182.
- Polgárdi 2015 — Polgárdi K. Typology of weak disharmony: Representations versus the frontness/backness scale. *Theoretical Linguistics*, 2015, 41.1–2: 89–96.
- Raun 1988 — Raun A. The Mordvin language. *The Uralic languages*. Sinor D. (ed.). Leiden: Brill, 1988, 96–110.
- Rebrus, Törkenczy 2016 — Rebrus P., Törkenczy M. Types and degrees of vowel neutrality. *Linguistica*, 2016, 56(1): 239–252.
- Simoncsics 1998 — Simoncsics P. Kamassian. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 580–601.
- Tereshkin 1961 — Терешкин Н. И. *Очерки диалектов хантыйского языка*. Ч. I: *Ваховский диалект*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. [Tereshkin N. I. *Oчерki dialektov khantyiskogo yazyka* [Sketches of Khanty dialects]. Part 1: *Vakhovskii dialekt* [Vakh dialect]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1961.]
- Vaysman 2008 — Vaysman O. *Segmental alternations in metrical theory*. Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 2008.
- Vértes 1977 — Vértes E. *Morphematische Untersuchung der ostjakischen Vokalharmonie*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.
- Zaicz 1998 — Zaicz G. Mordva. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 184–218.

Получено / received 12.01.2021

Принято / accepted 26.01.2021

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 30.11.2021 Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 320 экз. Зак. 4/6а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

